

Военно- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

1 9 7 5

За нашу Советскую Родину!

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

ГОД ИЗДАНИЯ СЕМНАДЦАТЫЙ

*С новым годом,
дорогие
читатели!*

1

Я Н В А Р Ь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА — 1975

Содержание

В. БАГРОВ, С. ГОНЧАРОВ — В. И. Ленин об уроках русско-японской войны 1904—1905 гг. 3

Навстречу 30-летию Победы

Советское военное искусство

В. МАЦУЛЕНКО — Оперативная маскировка войск в Висло-Одерской операции 10
В. ФИЛИППОВ — Совершенствование инженерного обеспечения боевых действий авиации (1941—1945 гг.) 22
В. ВОРОБЬЕВ — Боевые действия подводных лодок КБФ в 1945 г. 31

Мастерство и героизм

Г. ЛАРИОНОВА, В. МИКОРА — Герои Висло-Одерской операции 39
С. ЛЕОНТЬЕВ — Отважный разведчик Заполярья 47

Воспоминания

И. КОРОВНИКОВ — Удар на Краков 51

МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Н. НАУМОВ — Теория прорыва обороны противника в предвоенные годы 57

В БРАТСКИХ АРМИЯХ

Г. БЕРДНИКОВ — Военное искусство НВСО Южного Вьетнама в 1968—1973 гг. 64

Научные сообщения

А. БЕЛЯЕВ — МГВО в первом периоде войны 73
М. ШИРОКОВ — Удары авиации по железнодорожному транспорту в годы Великой Отечественной войны 77
Н. МАЛЮГИН — Автомобильный транспорт Советской Армии в Великой Отечественной войне 80
В. РЫБКИНА — Шефские знамена — символ единства армии и народа 84
А. АГЕЕВ — Военно-теоретические взгляды Н. П. Михневича 90

Военно-патриотическое воспитание молодежи

К. ОСИПОВ — Будь готов к защите Родины 95

Историография и источниковедение

Н. АФАНАСЬЕВ — Когда не проверены факты 98

Критика и библиография

Н. НИКОЛАЕВ — Нерасторжимое братство 105
М. СЕМИРЯГА — Обвинительный акт вермахту 109
В. НОВИКОВ, С. КОЛОКОЛЬЦЕВ — На острие главного удара 112

Хроника, факты, находки 115

Из редакционной почты 120

Военно-исторические даты

И. НОСКОВ — Генерал армии М. С. Калинин 123

Высказывания 127

В. И. Ленин об уроках русско-японской войны 1904—1905 гг.

(К 70-летию статьи В. И. Ленина «Падение Порт-Артура»)

*Доцент, кандидат исторических наук
капитан 1 ранга в отставке В. БАГРОВ,
доцент, кандидат исторических наук
полковник в отставке С. ГОНЧАРОВ*

В БОГАТЕЙШЕМ военно-историческом наследии В. И. Ленина видное место занимают его статьи «Падение Порт-Артура» (опубликована 1 января 1905 г. в большевистской газете «Вперед») и тесно примыкающая к ней «Разгром» — о поражении русского флота в мае 1905 года (напечатана 27 мая в большевистской газете «Пролетарий»).

В. И. Ленин глубоко и всесторонне изучал военное дело, труды К. Маркса и Ф. Энгельса, критически осмысливал произведения выдающихся буржуазных теоретиков и историков, военный опыт русского народа. По свидетельству современников, он не только серьезно занимался военной теорией и историей, но и самым внимательным образом следил за ходом боевых действий, собирал фактический материал. В. И. Ленин сделал ценнейшие обобщения военно-политического и военно-технического опыта русско-японской войны.

В статьях «Падение Порт-Артура», «Разгром» и других он научно обосновал ряд важнейших закономерностей, определяющих ход и исход современной войны, первым из военных теоретиков раскрыл характер и особенности войн эпохи империализма, показал решающую роль народных масс в них, возросшую зависимость хода и исхода войны, военной организации воюющих государств от их политического, экономического и культурного строя. В. И. Ленин указал на исключительное значение обеспечения многомиллионных армий современной боевой техникой, вооружением и боеприпасами, правильного политического и военного руководства всем ходом войны, организации четкого взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск, грамотных, решительных и инициативных действий личного состава воюющих армий.

В. И. Ленин с марксистских позиций определил характер русско-японской войны и отношение к ней революционного пролетариата. Это была империалистическая война, несправедливая с обеих сторон.

Захватнические цели молодого японского империализма столкнулись с интересами царской России на Дальнем Востоке. Господствующие классы Японии жаждали овладеть Кореей и Маньчжурией и использовать их как плацдарм для дальнейшего грабежа Китая и русского Дальнего Востока. В свою очередь царское правительство стремилось превратить Корею и Маньчжурию в колонии России. Инициативу развязывания войны взяли на себя правящие круги Японии. При поддержке американского и английского империализма, который был заинтересован в ослаблении Российской империи, японцы вооружили свою армию и флот современным оружием, хорошо подготовили их к боевым действиям. 27 января 1904 года они без объявления войны напали на русскую эскадру в Порт-Артуре и нанесли ей тяжелый урон.

Царское правительство недооценивало военную мощь Японии. В придворных кругах господствовало убеждение: «Мы Японию шапками закидаем».

Война была чужда интересам трудящихся обеих сторон. В России широкие массы не хотели ее и с самого начала не поддерживали. Лишь крепостники-помещики, крупная буржуазия и придворная бюрократия стремились воевать с Японией ради захвата новых колоний и рынков сбыта. Кроме того, громом пушек и «легкой победой» царизм стремился отвлечь внимание народа от революционной борьбы.

Определяя отношение пролетарской партии к империалистической войне, В. И. Ленин раскрыл ее антинародный характер, авантюризм и преступность придворной знати, которая управляла тогда Россией.

Он выдвинул и обосновал лозунг поражения царизма в империалистической войне, показал, что военное банкротство самодержавия не означает поражения народа. Наоборот, это раскроет десяткам миллионов людей гнилость абсолютистского режима, несовместимость его с интересами трудящихся масс, с интересами общественного развития. Это ускорит и усилит борьбу народа за свержение монархического строя, приблизит «момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу»¹. «Дело русской свободы,— писал В. И. Ленин,—и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»².

Исходя из этого, большевики в своих газетах, листовках, брошюрах, а также устно разъясняли народу несправедливый с обеих сторон характер войны. Не трудящиеся России и Японии заинтересованы в войне, а правящие классы—капиталисты и помещики. Большевики призывали рабочих, солдат, крестьян к свержению царизма, к прекращению войны и заключению справедливого мира.

В ходе боевых действий царские войска терпели одно поражение за другим на море и на суше. В статьях «Падение Порт-Артура», «Разгром» и других В. И. Ленин показал, что военные неудачи России не случайное явление. Они обусловлены прежде всего отсталостью и реакционностью всего ее общественно-политического строя. Царизм — главная причина военных поражений России. Самодержавие и остатки крепостничества являлись величайшим тормозом в развитии экономики, и прежде всего промышленности, в подъеме культуры народа. Из анализа хода и исхода войны В. И. Ленин сделал вывод, что побеждает в войне государство, имеющее передовой, более прогрессивный общественно-политический и экономический строй. Это ленинское положение является выдающимся вкладом в военную науку.

Наша победа в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией и империалистической Японией подтвердила эту закономерность современных войн. Советский общественный и государственный строй продемонстрировал свои неисчерпаемые возможности в организации военной защиты советской Отчизны, позволил мобилизовать и целесообразно использовать все экономические, моральные и военные возможности страны для победы над врагом в справедливой освободительной войне.

В статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин впервые открыл и сформулировал важнейшую закономерность войн эпохи империализма: войны теперь ведутся народами. Безвозвратно ушли в прошлое времена, когда в вооруженной борьбе не участвовали широкие народные массы и ее исход решался небольшими армиями в одном генеральном сра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 158.

² Там же, стр. 157.

жении или кратковременной кампании. Войны в эпоху империализма стали вестись многочисленными армиями, вооруженными новейшими средствами борьбы, путем проведения ряда кампаний. А это требует исключительного напряжения сил широких слоев населения в тылу, чтобы обеспечить боевые действия материально-техническими средствами, которые расходуются на поле брани в огромном количестве. Изменившийся характер вооруженной борьбы поставил достижение политических целей в зависимость от отношения к войне народов воюющих государств. Ленинский вывод об участии в ней народных масс приобретает особо важное значение в наше время, когда на вооружении современных армий находятся средства массового уничтожения, а сама война может достичь глобальных размеров.

В связи с тем что войны стали длительными, затяжными и требуют огромных усилий как вооруженных сил, так и всей экономики страны, неизмеримо возросла роль военной организации государства, его общественного строя. Анализируя ход русско-японской войны, В. И. Ленин сделал вывод, что «связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время»³.

Русско-японская война вскрыла неспособность самодержавия создать военную организацию, отвечающую новейшим научно-техническим требованиям. Это подтвердила и первая мировая война. Военная отсталость царской России проявилась в решении всех важнейших проблем, связанных с подготовкой и ведением войны. Страна не имела единой военной доктрины. Офицеры в армии и на флоте придерживались устаревших взглядов на боевую подготовку войск и методы ведения вооруженной борьбы, разработанные без учета широкого применения скорострельного оружия и новых боевых средств. Уставы русской армии и флота устарели. Из-за слабой военно-экономической базы войска не обеспечивались в необходимых количествах современным вооружением.

Отмечая огромное значение массового применения новейшей военной техники и вооружения, В. И. Ленин писал, что без этого «никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях»⁴.

Впоследствии, изучая дальнейшее развитие и применение военной техники и вооружения, В. И. Ленин делает вывод, что на войне «берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины...»⁵.

Опыт русско-японской войны показал также, что в числе важнейших критериев военного могущества государства стал уровень подготовленности личного состава вооруженных сил, зависящий от общей культуры народа, что современные войны требуют не только наличия передовой военной техники и оружия, но и высококачественного человеческого материала. Ленинский вывод о том, что «без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне»⁶, приобрел особое значение в наши дни, когда резко возросла роль человека в применении новейших средств вооруженной борьбы. Поэтому постоянное совершенствование боевой подготовки остается первостепенной задачей личного состава Советских Вооруженных Сил.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

⁴ Там же, стр. 155—156.

⁵ Там же, т. 36, стр. 116.

⁶ Там же, т. 9, стр. 155.

В статьях В. И. Ленина «Падение Порт-Артура» и «Разгром» дан анализ уровня военно-стратегического руководства и тактики русской армии и флота, раскрыты крупные просчеты и недостатки в этой области. В. И. Ленин сурово осуждает русское военное командование, допустившее в войне с Японией преступное пренебрежение элементарными принципами морской и сухопутной стратегии⁷.

Русский Генеральный штаб, готовясь к войне, явно недооценил как театр военных действий, отстоявший от центральных районов страны на многие тысячи километров, так и японские вооруженные силы, мощь которых благодаря помощи США и Великобритании быстро возросла. К началу войны Россия значительно превосходила Японию по численности сухопутных войск. Однако соотношение сил, сосредоточенных на Дальнем Востоке, было явно не в пользу России. К тому же ее базы снабжения находились далеко от войск в центральных районах страны и обслуживались единственной железной дорогой.

Главным и коренным вопросом стратегии в русско-японской войне, по меткому и точному определению В. И. Ленина, был вопрос о завоевании господства на море. «Окончательный исход войны, — писал он в статье «Разгром», — зависит от победы той или другой стороны на море»⁸. Без этого Япония не могла одержать победу на полях Маньчжурии. Однако русское военное командование и государственное руководство допустили крупные просчеты в планировании войны, особенно в подготовке военно-морского флота. Численное превосходство по основным классам кораблей на Дальнем Востоке было на стороне Японии. Кроме того, ее корабли превосходили русские по дальности артиллерии, бронированию и скорости хода.

В решении вопроса о преобладании на море важную роль играло также базирование сил флотов. В то время как японский флот имел хорошо развитую сеть оборудованных баз (Курэ, Сасебо, Майдзур и др.), расположенных в 30—300 милях от Кореи, русская дальневосточная эскадра могла опираться лишь на Порт-Артур и Владивосток, отстоявших один от другого на 1200 миль.

Русское командование в канун войны проявило недопустимую беспечность в обороне Порт-Артура. Нарушались элементарные правила стоянки в базе крупных боевых кораблей: основные силы эскадры находились на рейде без охранения, входные маяки не выключались. Это привело к тому, что даже при слабой подготовленности к ночным действиям японские миноносцы в первый же день войны достигли больших результатов, подорвав два из семи русских эскадренных броненосцев и один крейсер.

Серьезные просчеты русского командования в решении вопроса о завоевании господства на море привели к тому, что японцы, ослабив русский флот в Порт-Артуре, высадили свои войска в Корею, а затем на Ляодунский полуостров.

Ожесточенный характер приняла борьба за Порт-Артур. После провала попытки взять крепость штурмом и крупных потерь, понесенных при этом, японцы вынуждены были перейти к осаде. Почти 8 месяцев русские солдаты и матросы героически оборонялись, сковав крупные силы японской армии.

В боях за крепость японцы потеряли около 112 тыс. человек, русские — около 27 тыс.⁹. Генерал Ноги, командовавший японской осадной армией, писал в этой связи: «Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, — это стыд и страдание, что мне приш-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

⁸ Там же, т. 10, стр. 251.

⁹ Большая советская энциклопедия, т. 34, стр. 190.

лось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие»¹⁰. Финалом осады было не взятие Порт-Артура японцами, а сдача его русским военным командованием. Войска были еще способны к сопротивлению, но генерал Стессель, возглавлявший оборону крепости, принял преступное решение о сдаче.

В. И. Ленин указывал, что с падением Порт-Артура был решен коренной вопрос всей войны. Япония завоевала господство на море и могла теперь «послать вдвое больше подкреплений, чем русские»¹¹. Теперь даже при самых благоприятных обстоятельствах (если армия Куропаткина достигнет 1 млн. человек и отбросит японцев на берега Кореи) ей никогда не взять ни Порт-Артура, ни корейского побережья, так как, господствуя на море, японцы всегда в состоянии будут высадиться в любой части азиатского континента¹².

Научные обоснования по прогнозированию дальнейшего хода войны В. И. Ленин завершает выводом о том, что в сложившейся обстановке без господства на море нет никакой надежды на победу на Дальнем Востоке. Это стало очевидным после поражения русской эскадры в Цусимском проливе. «Русский военный флот окончательно уничтожен, — пишет он в статье «Разгром». — Война проиграна бесповоротно... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия»¹³.

Русско-японская война выявила и такую закономерность, как возрастающее влияние согласованных действий всех видов вооруженных сил и родов войск на ход борьбы. Русское командование не имело единого плана действий, а планы, разработанные отдельно для войск и флота, не согласовывались. В обороне Порт-Артура не было единого командования. Уже во время боев штабы изыскивали пути, как наладить взаимодействие разные родов войск. Например, от флота в войска посылались офицеры связи. Они договаривались, когда и по каким береговым целям необходимо вести огонь корабельной артиллерией. Результаты не замедлили сказаться. Особенно эффективными были стрельбы при отражении штурмов противника. Но это не могло спасти общего положения.

В статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин сделал вывод, что «отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия»¹⁴. Окончательно проиграв войну, царское правительство вынуждено было искать мира с Японией. В свою очередь Япония, истощив ресурсы, не могла продолжать борьбу и обратилась к президенту США с просьбой о посредничестве. В статье «Европейский капитал и самодержавие» В. И. Ленин с исключительной убедительностью разоблачает буржуазный подход к вопросу о войне и мире и показывает, что к решению этого вопроса надо подходить прежде всего с классовых позиций: «...вопрос о войне и мире, — писал он, — не может быть правильно поставлен, если упускается из виду классовый антагонизм современного общества...»¹⁵.

Буржуазия России, видя, что война проиграна, стала добиваться от царизма немедленного заключения мира с Японией, чтобы направить все силы на борьбу против революции.

С интересами царизма тесно переплетались интересы западноевропейского империализма. Буржуазия Европы была встревожена крахом военной силы царизма — оплота европейской реакции, обеспокоена судь-

¹⁰ А. И. Сорокин. Оборона Порт-Артура. М., 1948, стр. 232.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 154.

¹² Ленинский сборник XVI, стр. 38.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 252.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

¹⁵ Там же, стр. 373.

бсй миллиардных кредитов, данных самодержавию, неизбежной перегруппировкой в международных отношениях в связи с усилением Японии. А самое главное — она была смертельно напугана развитием русской революции. В статье «Разгром» В. И. Ленин писал: «Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром»¹⁶. Русская и европейская буржуазия объединились, чтобы оберегать интересы своего класса и не допустить победы революции.

Не отличалась оригинальностью и позиция мелкобуржуазных партий. Большевики выдвинули лозунг «Мир во что бы то ни стало». В. И. Ленин подверг уничтожающей критике их призыв. Он показал, что заключение мира с царским правительством означает сохранение в целостности самодержавного режима в России. «...Царский мир, — указывал В. И. Ленин, — не лучше (а иногда хуже) царской войны...»¹⁷.

Вопрос о мире В. И. Ленин тесно связывал с демократическими преобразованиями в стране. Он указывал, что русский пролетариат должен бороться за «мир вместе с падением самодержавия, мир, заключенный освобожденным народом, свободным учредительным собранием, т. е. мир не любой ценой, а исключительно ценой низвержения абсолютизма»¹⁸.

В. И. Ленин придавал огромное значение единству действий пролетариев разных стран. Он указывал, что международномуговору империалистов может противостоять лишь одна сила — международный союз революционного пролетариата. В статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин писал: «Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата»¹⁹.

Этот классовый и интернационалистический подход к вопросу о войне и мире всегда являлся и ныне остается руководящим во всей внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства. Коммунистическая партия Советского Союза направляет свои усилия на создание благоприятных внешних условий для строительства коммунизма, на дальнейшее упрочение мировой системы социализма, на поддержку международного рабочего и национально-освободительного движения.

В статьях «Падение Порт-Артура», «Разгром» и других В. И. Ленин дал глубокое марксистское обоснование связи, соотношения войны и революции. Он показал, что русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. была вызвана всем ходом экономического и социально-политического развития страны. Гнет крепостников-помещиков и капиталистов сочетался с полицейским деспотизмом царизма, политическим бесправием рабочих и крестьян, национальным угнетением нерусских народов. Народные массы решительно поднялись на самоотверженную борьбу за свои экономические и политические права, за свержение самодержавия. Начиная войну, царское правительство рассчитывало, что она остановит революцию, отвлечет народные массы от нее, укрепит политическое положение царизма.

В действительности же война обострила все противоречия в стране, ослабила прогнивший строй, ускорила развитие революции. В прокламации «Первое мая», написанной В. И. Лениным от имени центральных органов партии большевиков, подчеркивается, что война принесла огромные бедствия трудящимся. Все тяжелее становилась жизнь рабочих

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 253.

¹⁷ Там же, т. 9, стр. 374.

¹⁸ Там же, стр. 374.

¹⁹ Там же, стр. 152.

и крестьян, а капиталисты и царские чиновники все туже затягивали петлю. Война расшатала хозяйство страны. Остановливались промышленные предприятия, замирала торговля, приходили в упадок транспорт и сельское хозяйство, росла дороговизна, надвигались голод и холера. На военную авантюру растрачивались сотни миллионов рублей. Армия несла огромные потери убитыми и ранеными.

В 1905 г. началась революция. Пролетариат проявил себя в ней до конца революционным классом, гегемоном. Он вел за собой широкие массы городской и деревенской бедноты. Руководимый партией большевиков, рабочий класс вооружался, создавал революционную армию в виде боевых дружин. Под влиянием революционной борьбы рабочих и крестьян и поражений царизма в русско-японской войне начались революционные выступления в армии и на флоте.

Одним из выдающихся моментов революции явилось восстание на броненосце «Потемкин» в июне 1905 года. Оценивая это событие, В. И. Ленин писал: «...перед нами налицо несомненный, и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии»²⁰. Он призывал усиливать агитационную и организаторскую работу большевиков по созданию революционных отрядов в армии. «Армия сознательного пролетариата сольется тогда с красными отрядами российского войска, — и посмотрим, осияют ли полицейские черные сотни всю новую, всю молодую, всю свободную Россию!»²¹.

В. И. Ленин глубоко верил в революционные возможности российского пролетариата, в большое будущее России. «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»²². Он был убежден в том, что трудящиеся России под руководством большевиков разрушат путы крепостничества и самодержавия. «Война оказалась грозным судом, — писал он в статье «Разгром». — Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение»²⁴.

История подтвердила ленинские слова.

Произведения В. И. Ленина «Падение Порт-Артура», «Разгром» и другие, написанные во время русско-японской войны, являются важным вкладом в военно-историческую науку. В них В. И. Ленин показал блестящие образцы научного анализа многих военных вопросов в конкретной исторической обстановке, умение связывать их с классовой борьбой пролетариата за победу над реакционными силами, выделять главное в вооруженной борьбе, замечать то новое, передовое, что рождает война.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 337.

²¹ Там же, т. 12, стр. 58.

²³ Там же, т. 9, стр. 153.

²⁴ Там же, т. 10, стр. 255.

Оперативная маскировка войск в Висло-Одерской операции

*Профессор, доктор исторических наук
генерал-майор В. МАЦУЛЕНКО*

В ЯНВАРЕ—ФЕВРАЛЕ 1945 г. Советские Вооруженные Силы осуществили мощное наступление от Балтики до Карпат на фронте 1200 км и на глубину до 500 км. Одной из важнейших наступательных операций Советских Вооруженных Сил в кампании 1945 г. в Европе была Висло-Одерская. В ней воплотилась огромная военная мощь нашей страны. Это признают и наши противники. «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г., — писал, бывший генерал немецко-фашистской армии Ф. Меллентин. — Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи»¹. Операция отличается большим размахом и многообразием форм маскировочных мероприятий, более четким, всесторонним и разнообразным планированием дезинформационных документов, более действенным и оперативным руководством маскировкой со стороны командования и штабов фронтов и армий.

Висло-Одерская операция проводилась войсками 1-го Белорусского, 1-го Украинского и частью сил 4-го Украинского фронтов. Им содействовал 2-й Белорусский фронт, участвовавший в Восточно-Прусской операции.

1-й Белорусский фронт главный удар наносил с магнусhevского плацдарма в направлении Кутно, Познань; второй удар — с пулавского плацдарма на Радом, Лодзь, а частью сил на Шидловец; вспомогательный удар — силами 47-й армии севернее Варшавы. 1-й Украинский фронт осуществлял один мощный удар с сандомирского плацдарма в общем направлении на Бреславль.

Особенность Висло-Одерской операции заключалась в том, что наши войска готовились нанести удары с вислинских плацдармов. Как показывает опыт войны, плацдармы в некоторой степени определяют выбор направления главного удара, участков прорыва и в значительной степени снижают роль элемента внезапности.

Противник знал, что с речных плацдармов обычно начинается наше наступление, и поэтому перед ними создавал сильную оборону, сосредоточивая крупную группировку войск. Это имело место и в Висло-Одерской операции.

Советское командование, несмотря на трудности, скрыло от врага время начала операции, ее масштаб и частично направления главных ударов. Успешное проведение множества дезинформационных мероприятий способствовало достижению внезапности наступления.

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957, стр. 280.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования командующий 1-м Белорусским фронтом должен был показать подготовку ложной операции на левом крыле, на стыке с 1-м Украинским фронтом. Вопросы оперативной маскировки, как отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на одном из совещаний офицерского состава, были согласованы с Генеральным штабом и одобрены Ставкой². В ложном районе намечалось имитировать сосредоточение крупных сил бронетанковых и механизированных войск, большого количества пехоты, артиллерии, инженерных частей и авиации, а также усиление железнодорожных и автомобильных перевозок. С целью имитации сосредоточения танковой группировки было построено около 1000 макетов танков и САУ, сотни макетов автомашин. В районе расположения мнимой танковой группировки разместились и действовала часть радиостанций 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, которые по своей специфике работы хорошо были известны противнику³. Для имитации передвижения бронетанковых и механизированных соединений, для прodelьвания следов гусениц было специально выделено несколько десятков настоящих танков и автомашин.

Все это показывалось вражеской разведке последовательно, в разных местах, по заранее разработанному плану перегруппировки и сосредоточения войск, чтобы создать полное впечатление о реальности наших мероприятий.

Инженерные войска под руководством начальника инженерных войск фронта генерал-лейтенанта инженерных войск А. И. Прошлякова по заранее разработанному плану усиленно строили новые мосты, ремонтировали старые, оборудовали и исправляли пути подвоза.

Сосредоточение авиации демонстрировалось макетами самолетов. Для оживления их было выделено несколько десятков настоящих машин. Строились аэродромы. Более широко и планомерно стали проводиться воздушная разведка и аэрофотографическая съемка тактической и оперативной зон. И как только немецкая разведка нащупала мероприятия фронта в этом районе, наше командование сразу же усилило железнодорожные и автомобильные перевозки, а также движение артиллерии, стрелковых частей в войсковом и армейском тылу. Кроме того, здесь же разводились костры и демонстрировалось приготовление пищи в походных кухнях. Гитлеровцы забеспокоились на переднем крае, усилили свое наблюдение. Тогда наше командование немедленно приступило к ложному оборудованию исходного района для наступления, наблюдательных пунктов, огневых позиций артиллерии, начало проводить офицерскую разведку, пристрелку орудий больших калибров, строить дополнительно дороги, осуществлять поиски с целью захвата пленных, то есть показывать врагу усиленную подготовку к большому наступлению.

В результате проведения маскировочных мероприятий немецко-фашистское командование было серьезно убеждено в том, что именно на левом крыле фронта будет наноситься главный удар. Сюда оно перегруппировало одну танковую и одну моторизованную дивизии, ослабив свою оборону на направлении нашего главного удара⁵.

Одновременно в центре 1-го Белорусского фронта, где должна была проводиться настоящая наступательная операция, войска, прикрываясь демонстрацией оборонительных работ, соблюдая строгую маскировоч-

² Архив МО, ф. 16—А, оп. 949, д. 7, л. 12.

³ Там же, л. 13.

⁵ Там же, л. 12.

ную дисциплину, усиленно готовились к наступлению. Все железнодорожные эшелоны с танками и артиллерией на подходе к армейским тылам маскировались под перевозку сена, строительного материала. Разгружались они только ночью или при больших туманах. После разгрузки техника немедленно отводилась в заранее подготовленные районы. Следы от гусениц танков маскировались еще до рассвета, железнодорожный порожняк сразу же угонялся и рассредоточивался во фронтовом тылу. Подтягивание войск к фронту осуществлялось ночью, подразделениями и частями, в обход крупных населенных пунктов. В инженерном отношении исходный район для наступления оборудовался также только в ночное время, а перед рассветом все сделанное за ночь тщательно маскировалось под окружающую местность. Качество маскировки проверялось утренним облетом офицеров штаба на самолетах⁶.

Хорошо была организована комендантская служба и служба регулирования, которые еще до рассвета прекращали передвижение войск. Пропускались лишь отдельные машины. Подвозимые запасы, транспорт, артиллерийская тяга и прочее — все зарывалось в землю и тщательно маскировалось.

Для сохранения в строжайшей тайне подготовки операции разработка планов в штабах армий и фронта производилась строго ограниченным кругом офицеров и генералов. Никаких письменных документов никому не выдавалось, обходились только устными приказами. Письменная директива фронта армиям о наступлении была отдана за несколько дней до начала операции. Командиры соединений ставили задачи командирам частей устно за 4—5 дней до наступления. Командиры стрелковых батальонов были ознакомлены с боевыми задачами за 2—3 дня, командиры стрелковых рот — за 2 дня, командиры взводов — за сутки, а солдаты и сержанты — за несколько часов до атаки. За 5—6 часов до артиллерийской подготовки на широком фронте, с наибольшей интенсивностью на второстепенных направлениях, была проведена разведка боем⁷.

Частям противовоздушной обороны было разрешено вести по вражеской авиации только слабый огонь, а по одиночным самолетам и мелким группам, летящим на средних и больших высотах, вообще запрещалось стрелять.

Сосредоточение огромного количества войск и боевой техники на магнушевском и пулавском плацдармах потребовало строительства большого числа переправ через Вислу. Совместными усилиями инженерных и дорожно-мостовых частей фронта до начала операции было оборудовано 13 мостов грузоподъемностью от 16 до 60 т и протяженностью около 1 км каждый. Некоторые мосты, а также дороги, проложенные к ним, имели важное значение как средство оперативной маскировки. Так, например, 8-я гвардейская армия генерал-полковника В. И. Чуйкова располагала тремя дорогами на плацдарм. Две проходили лесом, а третья — по открытой местности. Выход войск на плацдарм и подвоз материальных средств, как это видно из отчетного доклада начальника тыла армии генерал-майора П. Н. Пахазникова, осуществлялись по двум лесным дорогам, а обратно порожняк шел по третьей — открытой, что создавало видимость выхода войск с фронта в тыл⁸.

Следует особо отметить военную хитрость доблестных железнодорожников, которые проводили поезда на глазах у противника под артиллерийским огнем. В опасных зонах они вперед пропускали без особого соблюдения маскировочной дисциплины отдельно идущие парово-

⁶ Архив МО, ф. 16—А, оп. 949, д. 7, л. 17.

⁷ Там же.

⁸ Н. А. Антипенко. На главном направлении. М., 1973, стр. 182—183.

зы, а за ними вслед шли целые поезда при строгом соблюдении маскировки. В этом случае большей опасности подвергался одиночный паровоз, отвлекающий на себя внимание врага, но он представлял собой и труднее поражаемую цель⁹.

Тыловые учреждения, огромное количество боеприпасов, горючего и других материальных средств, находившихся на плацдармах, были тщательно замаскированы. Например, боеприпасы укрывались в котлованах и обваловывались; медицинские учреждения располагались в каменных зданиях и за обратными скатами высот.

Приблизительно такие же большие и разнообразные маскировочные мероприятия проводились и на правом крыле фронта с целью создать впечатление о сосредоточении крупных масс войск против Варшавы.

Проведенная оперативная маскировка на 1-м Белорусском фронте дала положительный эффект. Командованию удалось скрыть подготовку крупной наступательной операции (особенно ее масштабы и время начала) и достигнуть оперативной внезапности.

На 1-м Украинском фронте оперативная маскировка проводилась также на левом крыле, где имитировалось нанесение главного удара. 21 декабря 1944 г. командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев издал директиву, в которой указывалось:

1. До начала активных действий по прорыву обороны противника создать ложное сосредоточение танковой армии и танкового корпуса на левом крыле фронта, на южном участке 60-й армии генерал-полковника П. А. Курочкина в районе Ропчицы, Оцека, Дембица.

2. Силами армии оперативную маскировку провести в самые короткие сроки (не более 5—7 дней), для чего в полосу 60-й армии на 2—3 дня привлечь 4-й гвардейский танковый корпус с последующей рокировкой его в район действительного сосредоточения и оставлением макетов танков и артиллерии в районах временного расположения этого корпуса.

3. Маскировочные мероприятия должны отличаться исключительной правдоподобностью, для чего требуется привлечь на короткие сроки реальные танковые соединения, используя попутное их движение.

4. Демонстрация ложных сосредоточений войск и техники должна быть тесно увязана с действительным сосредоточением войск¹⁰.

В соответствии с данной директивой был составлен фронтовой план оперативной маскировки. На основании этих документов штаб 60-й армии разработал планы оперативной маскировки, вывода артиллерии в районы сосредоточения, в позиционные районы, а также пристрелки артиллерии. Военный совет армии рассмотрел все эти планы, утвердил специально подготовленные для войск указания по маскировочной операции.

Руководила маскировочной операцией оперативная группа, состоявшая из 7 человек: начальник группы — заместитель начальника оперативного отдела штаба армии полковник Самойлов, от артиллерии — полковник Бурнизян и майор Киселев, от бронетанковых и механизированных войск — майор Татнев, от отдела связи — майор Пьянов, от инженерного отдела — подполковник Вархотов, от политотдела — подполковник Мильхикер¹¹.

Для выполнения маскировочных работ были выделены следующие силы и средства:

от фронта — 77-й и 78-й инженерно-саперные батальоны 16-й отдельной штурмовой инженерно-саперной бригады, 22-я отдельная маскировочная рота;

⁹ Там же, стр. 190.

¹⁰ Архив МО, ф. 236, оп. 210750, д. 1, л. 2.

¹¹ Там же.

от армии — инженерно-саперный батальон отдельной инженерно-саперной бригады, до двух батальонов пехоты 177-го армейского запасного стрелкового полка, стрелковый батальон 908-го полка 246-й стрелковой дивизии, 10 автомашин из 106-го стрелкового корпуса, две армейские «МГУ», 15 квартиреров (офицеры-политработники армии), 200 разборных макетов танков, звено самолетов-истребителей, два-три артиллерийских дивизиона, две батареи большой мощности для имитации пристрелки, до трех зенитных батарей малокалиберной зенитной артиллерии, группы офицерского состава — рекогносцировочные партии от обороняющихся частей¹².

Производство всех работ по ложному сосредоточению выполнялось в три периода: подготовительный, демонстративных действий, свертывания.

Подготовительный период начался 21 декабря 1944 г., т. е. в день получения приказа армией от штаба фронта, и продолжался до конца декабря. Период демонстративных действий длился с 1 по 12 января 1945 г., свертывания — с 12 по 15 января. Рассмотрим проведенные мероприятия несколько подробнее, так как они представляют определенный интерес на сегодняшний день.

В подготовительный период силами местного населения и дорожных частей прокладывались маршруты и строились станции выгрузки. С 22 декабря 1944 г. по 3 января 1945 г. были отремонтированы дороги между населенными пунктами Ропчица, Оцека, Домбье, сделаны объезды для танков вокруг Острува и Загороды, выходы со станции Ропчица в лес, что южнее Бжезувки, со станции Завада в лес южнее ее и из Ропчицы в район Лопухова. Работы на маршрутах велись так, как при обычной подготовке наступления.

Дорожный отдел армии, получивший приказ проложить эти маршруты, не был информирован о действительном предназначении их. Засыпались ямы на дорогах, производилась планировка обочин, устанавливались вехи и указки, ремонтировались мосты, оборудовались объезды для гусеничного транспорта. На станциях Ропчица и Завады силами железнодорожных частей и местных рабочих были построены разгрузочные платформы.

Специально выделенные офицеры, переодетые в форму танкистов, занимались разведкой этих маршрутов. В ходе ее они давали указания о необходимости ремонта той или иной части дороги, при общении с населением дезинформировали его в очень осторожной форме.

В подготовительный период инженерные части и подразделения (армейские и фронтовые) изготовили макеты: танков Т-34 — 320, автомашин ЗИС-5 — 250, орудий 76-мм — 480, орудий 152-мм — 120¹³. Они были сосредоточены в трех пунктах, откуда развозились по местам установки.

Макеты танков Т-34 делались по ранее известному типу сборно-разборной конструкции из проволоки и мешковины. Но для значительной части их мешковина была заменена плотной бумагой от расшитых трофейных бумажных земленосных мешков. Массовое изготовление макетов при хорошо проведенной организации работ дало снижение затраты рабочего времени.

1 января из штаба 1-го Украинского фронта было получено указание приступить к демонстративным действиям. Начался второй период маскировочных мероприятий. Противник продолжал обороняться на прежнем рубеже и в прежней группировке. Методическим артиллерийским огнем он обстреливал наши боевые порядки. В связи с туманами

¹² Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 2004, л. 21—22.

¹³ Там же, л. 24.

и снегопадами вражеская авиация в полосе армии не появлялась, немецко-фашистское командование усиленно проводило разведку на различных участках обороны наземными подразделениями — от отделения до роты.

60-я армия осуществляла перегруппировку войск в соответствии с планом. Низкая облачность и плохая видимость, бездействие разведывательной авиации гитлеровцев, с одной стороны, неудобная местность для погрузки и установки макетов танков, артиллерии и автомашин на железнодорожные платформы — с другой, а также отсутствие вертушек внесли коррективы в план маскировочных мероприятий. Демонстрация подвоза танков по железной дороге и разгрузка их были сняты. Весь упор в дезориентации фашистов делался на их агентуру.

С этой целью в соответствии с указанием командующего фронтом на южный участок армии по маршрутам Жешув, Ропчица, Дембица дневным маршем прибыл 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. П. Полубоярова. Во всех ложных местах сосредоточения соединений корпуса по мере их ухода ночами устанавливались макеты танков, артиллерии и автомашин.

Для ускорения расстановки макетов их из районов изготовления предварительно развозили на сборные места-склады, расположенные вблизи районов размещения. На каждом складе макетов имелся старший офицер инженерных войск, который отвечал за своевременную и правильную их установку. В помощь ему в качестве консультантов выделялись по одному офицеру от танкистов и артиллеристов и командир охраны и оживления.

К исходу 3 января в различных районах было установлено следующее количество макетов: танков — 100, орудий — 312, автомашин — 50¹⁴, а к концу демонстрационного периода еще больше.

Для оживления макетов и охраны имитационных районов выделялись специальные команды. Контроль за общим ходом работ осуществлялся оперативной группой, состоявшей из трех офицеров штаба фронта. На седьмой день началась имитация выдвигания артиллерии в позиционные районы.

Демонстративные действия производились обычными приемами. На участках с макетами танков, например, днем передвигались группы солдат, в ряде мест разводились костры.

Тщательно была подготовлена и проведена охрана участков расположения макетной техники. Иногда макеты специально выставлялись на такие участки, где они могли бы удобно обозреваться со стороны дорог. Здесь особенно скрупулезно велась работа по имитации и оживлению.

Опыт показывает, что расчет на агентуру также дает хорошие результаты. Так, южнее Завады макеты ни разу не наблюдались воздушной разведкой, но зато хорошо просматривались с некоторых участков дороги, на которых было допущено свободное движение местных жителей и транспорта. В итоге на четвертый день враг произвел по этому району, находящемуся в 6 км от переднего края, артобстрел из орудий крупных калибров и выпустил более 30 снарядов¹⁵.

Успешно прошло оживление позиционных районов артиллерии. В период с 1 по 4 января производилась пристрелка реперов и целей кочующими орудиями и минометами с ложных огневых позиций. В качестве реперов выбирались хорошо видимые местные предметы или контурные точки. Для пристрелки было привлечено 180 орудий, из них 152- и 203-мм — 24. Израсходовано снарядов и мин — 2960. С 3 по 6 января артиллерия выводилась в позиционные районы, оборудовались огневые

¹⁴ Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 2004, л. 24.

¹⁵ Там же, л. 26.

позиции, продолжалась пристрелка. Всего было установлено 550 макетов орудий. В этот же период в полосах 336, 148 и 100-й стрелковых дивизий велись ночные поиски, которые подтвердили нахождение противника в прежнем районе¹⁶.

Для дезинформации местного населения в Оцека, Пшецлав, Сендзисув, Дембица были высланы группы квартирьеров с задачей предупредить жителей о выселении в связи с необходимостью размещения танковых частей.

С 4 по 6 января производилась рекогносцировка исходных и огневых позиций и вероятных направлений главных ударов в полосах дивизий, оборонявшихся южнее Вислы. Для этой цели привлекалось несколько орудий, танков, а также по две рекогносцировочные группы от каждой дивизии. В результате захвата контрольных пленных (с 6 по 10 января) было установлено, что противник знает о предстоящей перегруппировке и подтягивании стрелковых, артиллерийских и танковых частей, сосредоточенных советским командованием на рубеже Варшава, Дембица. Наличие плацдарма на западном берегу Вислы позволяло врагу сделать вывод о готовящемся здесь наступлении. Вместе с тем «сосредоточение танковой армии» на южном участке 60-й армии заставляло его держать там крупную группировку войск, постоянно проводить разведку и усиливать оборону. Так, в период с 1 по 12 января гитлеровцы активизировали разведку. Группы фашистов по 10—40 человек действовали как ночью, так и днем, их обеспечивала артиллерия. Противник усилил также работы по устройству заграждений на этом направлении. Он заминировал дороги, мосты и населенные пункты. Значительно повысила свою активность и его артиллерия, производя методические огневые налеты по переднему краю нашей обороны, по «сосредоточениям» танков в районах Завады, Радомысля, Вельки, Пустыны, Домбье. 10 января фашисты перебросили к Тарнуву 344-й артиллерийский полк, прибывший с Западного фронта, а через два дня из Тарнува к линии фронта была выдвинута 359-я пехотная дивизия. Кроме того, наша разведка обнаружила выдвижение из района Кракова к Тарнуву крупного соединения.

Следовательно, маскировочная операция, проведенная в полосе 60-й армии, достигла цели, что способствовало успешному наступлению наших войск на направлении главного удара фронта.

На правом крыле фронта была проведена небольшая по объему маскировочная операция. Суть ее в основном заключалась в следующем. В полосе 6-й армии генерал-лейтенанта В. А. Глуздовского действовали две артиллерийские дивизии и две истребительно-противотанковые бригады, которые намечалось незадолго до начала наступления перебросить на направление главного удара. Причем передислокацию их приказывалось сохранить в строжайшей тайне.

Инженерным войскам 6-й армии была поставлена задача создать в короткий срок ложные артиллерийские позиции, оживляя их имитационной стрельбой залпами и одиночными выстрелами из кочующих орудий.

Работами по маскировке руководил начальник инженерных войск 6-й армии генерал-майор инженерных войск М. Н. Тимофеев. Задача была успешно выполнена. Части 63-й инженерно-саперной бригады своевременно изготовили и установили 329 макетов орудий¹⁷ в окопы, оставленные ушедшей артиллерией. Для оживления района артиллерийских позиций и поддержания прежнего режима огня были выделены кочующие орудия, которые по плану, утвержденному командармом, вели стрельбу, систематически меняя позиции. Кроме того, для имитации

¹⁶ Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 2004, л. 27.

¹⁷ Там же, л. 30.

стрельбы специальные команды саперов взрывали особые заряды. Проводимые мероприятия выглядели настолько правдоподобными, что противник не заметил ухода артиллерийских соединений. Он, как и прежде, усиленно вел обстрел ложных артиллерийских позиций. За три дня до начала наступления наших войск гитлеровцы выпустили по этим районам 105 снарядов крупного калибра¹⁸.

Таким образом, оперативная маскировка, осуществленная на правом крыле фронта, также дала хорошие результаты.

Четко и с большим эффектом была проведена оперативная маскировка на направлении главного удара фронта, т. е. на плацдарме. Она включала различные мероприятия командования и штабов оперативных объединений. При планировании подготовки районов сосредоточения штаб инженерных войск фронта произвел тщательные расчеты естественной маскировочной емкости плацдарма, обследовав на нем природные условия маскировки, а также места (на переднем крае и в глубине), просматриваемые противником. Последнее особенно было важно, так как наличие у гитлеровцев преобладающих высот почти по всему фронту сандомирского плацдарма позволяло им вести наблюдение за нашей обороной на глубину до 5—8 км.

Чтобы обеспечить скрытое выдвижение войск в исходное положение для наступления в просматриваемых зонах, предусматривалась отрывка магистральных ходов сообщения и установка вертикальных масок. Этому предшествовала разработка штабом инженерных войск специального плана на основе произведенной рекогносцировки. К началу наступления на плацдарме было установлено 73 км вертикальных масок и открыт 121 км магистральных ходов сообщения¹⁹.

Подготовка исходных районов для наступления требовала особых мер по наиболее эффективному использованию маскировочных емкостей, так как наличие лесных массивов на плацдарме при обычной их эксплуатации не обеспечивало размещения большого количества войск и техники.

По решению начальника инженерных войск фронта генерал-лейтенанта инженерных войск И. П. Галицкого всем лесным массивам были присвоены названия; лесные просеки и дороги также получили свои наименования (наподобие городских улиц); на всех перекрестках и въездах установили соответствующие указатели.

Чтобы скрыть расположение войск от наземной агентуры врага, вдоль проезжих дорог, проходящих по опушкам леса, устанавливались вертикальные маски из свежесрезанной растительности. Они относились в глубь леса на 100—200 м, вследствие чего легко сливались с лесным массивом и не привлекали внимания проезжавших по дорогам.

Для лошадей сооружались шалаши. Прикрывались они ветвями. Автомашины и танки располагались в открытых земляных боксах, покрытых сверху растительностью. Для въезда в лес и маневра в нем подготавливались улучшенные колонные пути по имевшимся лесным просекам. За сохранение леса отвечали специально назначенные коменданты с соответствующим штатом объездчиков. Частям для оборудования своего месторасположения отводились определенные лесосеки, вне которых заготовка леса категорически запрещалась.

Планом предусматривались установка вертикальных масок (240 км), указок (600 шт.), прокладка колонных путей по просекам леса (180 км)²⁰. И этот план был успешно выполнен.

Войска сосредоточивались на плацдарме только после специальной

¹⁸ Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 2004, л. 30.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Там же, л. 16.

подготовки лесных массивов. Командование установило 9 основных районов. Каждый из них получил условное название и представлял собой либо один компактный массив, либо группу участков. Ко всем районам подводились дороги.

Выполнение работ возлагалось на 23 и 32 УОС РВГК. В результате рекогносцировки были уточнены трассы колонных путей, места, требующие установки вертикальных масок, и места нахождения колодцев. Кроме подготовки колонных путей и вертикальных масок, во всех лесных участках возводились в необходимом количестве бытовые сооружения. Образцы типовых сооружений были построены в каждом лесу.

Районы сосредоточения соединения и части начали занимать в последних числах декабря. Они совершали марш в ночное время и прибывали на плацдарм до наступления рассвета. При этом предусматривалось за ночь подвести не более 1—2 стрелковых дивизий. Подход к заданному району производился в батальонных колоннах. В заранее назначенных пунктах их встречали офицеры от комендантов участков и вводили в отведенные для них лесные массивы. На всех маршрутах была организована комендантская и регулировочная служба, в обязанность которой входило, кроме обеспечения правильного движения колонн в нужном направлении, поддержание строгой маскировочной дисциплины.

Впервые произведенная в таких широких масштабах подготовка районов сосредоточения позволила организованно на небольших площадях лесных массивов разместить крупные войсковые соединения.

Особого внимания заслуживают мероприятия по политической дезинформации противника, проводившиеся в период с 24 по 31 декабря 1944 г. В расположении врага распространялись листовки, велись передачи через мощные радиостановки, забрасывались пленные немецкие солдаты и офицеры после соответствующей разъяснительной работы, агитировалось местное население²¹.

Таким образом, маскировочные мероприятия на 1-м Украинском фронте своей правдоподобностью и полнотой дезориентировали немецко-фашистское командование в отношении состава группировки войск, времени наступления и частично направления главного удара.

Ложная группировка наших войск на восточном берегу Вислы с направлением удара на Краков скрывала несколько соединений противника. Большую роль в дезинформировании гитлеровского командования сыграли части 4-го гвардейского танкового корпуса, а также сосредоточиваемые несколько севернее соединения 21-й армии под командованием генерал-полковника Д. Н. Гусева.

На проведении маскировочных мероприятий в той или иной степени отрицательно сказались неподготовленность и недисциплинированность некоторых командиров соединений и частей, участвовавших в их осуществлении, малочисленность квалифицированных маскировочных подразделений, острый недостаток армейских табельных средств маскировки, отсутствие макетов танков, орудий и автомашин промышленного изготовления. Построенные на месте из подручных средств макеты техники по качеству были далеки от идеала. Они делались из сырого материала, имели большой вес и были настолько громоздки, что маневрирование ими затруднялось, а многократное использование их было исключено. Говоря о недостатках, следует сказать и о том, что при создании ложной группировки войск, и главным образом достижении правдоподобности сосредоточения боевой техники, командование ощущало нехватку звукоустановок, имитировавших «кипящую жизнь» районов сосредоточения; в некоторых частях, перегруппировавшихся на плацдарм, отсутствовала должная маскировочная дисциплина.

²¹ Архив МО, ф. 236, оп. 2673, д. 2004, л. 14.

Однако, несмотря на это, творческий подход, изобретательность и энтузиазм генералов, офицеров и солдат позволили достичь эффекта маскировки. В целом она обеспечивала тактическую и оперативную внезапность нашего наступления.

В ходе Висло-Одерской операции также проводилась оперативная маскировка. Многие ее мероприятия мало чем отличались от тех, которые осуществлялись в подготовительный период. Остановимся лишь на некоторых особенностях дезориентации и дезинформации противника.

В отличие от операций 1943—1944 гг. разведка боем на обоих фронтах проводилась не за день до общего наступления, а лишь за несколько часов до начала боевых действий, что значительно увеличивало элемент внезапности атаки главных сил. Впервые в ходе войны действия передовых батальонов на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта поддерживались артиллерией методом одиночного огневого вала на глубину до 1,5 км и ударами авиации, что также дезориентировало врага²². «Атаку разведывательных батальонов противник не выдержал, — пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — и, видимо, приняв ее за атаку главных сил фронта, начал отходить с переднего края в глубину. Тогда, открыв более мощный огонь всей артиллерии и бросив основную массу авиации по дальним целям обороны противника, армии фронта начали атаку всеми силами первых армейских эшелонов»²³. На 1-м Украинском фронте перед началом общего наступления пошли в бой взводы демонстрации атаки с действительными и ложными танками от каждого стрелкового батальона.

Действия передовых батальонов и взводов демонстрации атаки гитлеровцы приняли за общее наступление главных сил и обрушили на них огонь всеми своими средствами. В результате наше командование получило полную картину их системы огня. Артиллерия и авиация нанесли по ней мощный удар. Все это способствовало успеху прорыва тактической обороны.

На ряде участков войска провели ложные атаки: макеты танков и пехоты приводились в движение с помощью системы тросов, лебедок и воротов. Ложными атаками имелось в виду ослабить огонь противника на направлении главного удара, а также выявить уцелевшие и ожившие после нашей артподготовки батареи.

Ложные атаки организовывались и осуществлялись 23-й штурмовой инженерно-саперной бригадой, которой командовал Герой Советского Союза полковник И. П. Корявко. Задача была выполнена весьма искусно. Когда вся система ложной атаки была приведена в действие, фашисты открыли артиллерийско-минометный и пулеметный огонь²⁴.

В оперативной глубине заслуживает внимания скрытный маневр 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова в тыл варшавской группировки противника. Действуя стремительно и со строгим соблюдением маскировочной дисциплины, на второй день ввода в прорыв, 17 января, танкисты овладели городом Сохачевом, вышли на реку Бзура и перерезали пути отступления варшавской группировки врага. Немецко-фашистские войска, оборонявшиеся в районе Варшавы, вопреки приказу Гиглера начали отходить. Воспользовавшись этим, в наступление перешла 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С. Г. Поплавского. С боями утром 17 января она ворвалась в Варшаву. Одновременно в город вступили 61-я армия генерал-полковника П. А. Белова с юго-запада и 47-я армия генерал-

²² От каждой дивизии выделялись один-два стрелковых батальона с танками и самоходно-артиллерийскими установками.

²³ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1974, стр. 293.

²⁴ «Военно-исторический журнал», 1966, № 5, стр. 47.

майора Ф. И. Перхоровича с северо-запада. После тяжелых боев к 12 часам столица Польши была освобождена.

Успешно была проведена скрытная перегруппировка крупных сил, в том числе и двух танковых армий 1-го Белорусского фронта с берлинского направления в Восточную Померанию. Войска двигались ночью, обходили населенные пункты, не пользовались радиостанциями, не зажигали костров. В результате этого маневра наши войска сорвали мощный удар группы армий «Висла» под командованием Гимmlера по правому крылу 1-го Белорусского фронта и впоследствии совместными действиями 1-го и 2-го Белорусских фронтов вражеская группировка в Восточной Померании была разгромлена.

Заслуживает внимания маневр 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко в тыл силезской группировки. Надо было убедить немецко-фашистское командование, что стремительный удар наших танкистов приведет к полному окружению гитлеровских войск, вынудить их до «окружения» покинуть промышленный район и тем самым спасти его от разрушения. Это удалось успешно осуществить. 3-я гвардейская танковая армия совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом вышла на коммуникации противника, оставив ему коридор для выхода из промышленного района. Немецко-фашистское командование об этом не знало. Боясь полного окружения, оно спешно вывело свои войска через коридор. Силезский промышленный район был спасен от разрушения, а фашистская группировка уничтожена юго-западнее его.

Польское правительство получило возможность быстро ввести в действие предприятия и шахты Силезии.

С продвижением наших войск к Одеру немецко-фашистское командование стремилось рассредоточить силы Советской Армии, связать их осадой больших и малых укрепленных городов, таких, как Бреславль, Познань, Шнайдемюль и др. Но советское командование разгадало замысел врага. Это можно видеть на примере разгрома бреславльской группировки. Решительный удар по Бреславлю, писал Маршал Советского Союза И. С. Конев, как раз для того и был предпринят, чтобы поскорее разрубить трудный узел, высвободить силы, обмануть надежды врага²⁵. Противник хотел бы заставить нас держать вокруг города большое количество войск, что практически исключило бы их из активного действующих сил. Но этот нехитрый замысел был разгадан. Вокруг Бреславля была оставлена только малочисленная 6-я армия (о чем не знал враг), а 1-й Украинский фронт наносил мощный удар на запад.

* * *

Итак, оперативная маскировка, проведенная войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, в значительной степени обеспечила скрытное сосредоточение мощных ударных группировок и внезапность наступления.

Ожидая действий советских войск с плацдармов, гитлеровцы подтягивали к ним резервы для противодействия прорыву своей обороны. Но они не имели представления о силе удара советских войск, не знали времени перехода в наступление.

Одновременно немецко-фашистское командование боялось нашего удара на вспомогательных направлениях. Не случайно поэтому оно держало, например, против левого крыла 1-го Украинского фронта, южнее Вислы, сильную группировку войск (сколо пяти усиленных пехотных дивизий) до начала наступления.

²⁵ И. С. Конев Сорок пятый. М., 1970, стр. 65.

В этой операции, в отличие от предшествовавших, был достигнут небывалый размах маскировочных мероприятий, успешно применено много новых форм оперативной маскировки, в том числе и таких, как усиление активных действий стрелковых и разведывательных подразделений, артиллерии, авиации, ПВО на вспомогательных направлениях и на широком фронте, использование в опасных зонах вблизи от врага отдельно идущих паровозов впереди эшелонов поездов, подготовка в широких масштабах исходного района для наступления на малых площадях лесных массивов, проведение разведки боем в день общего наступления за несколько часов до атаки, действия взводов демонстрации атаки, маневр 3-й гвардейской танковой армии в обход силезской группировки противника.

Опыт Висло-Одерской операции наглядно показал, что подготовка исходных районов для скрытного сосредоточения сил и средств должна производиться самими войсками, в максимально короткие сроки и непосредственно перед приходом частей. При этом на имитационных работах целесообразно использовать наименьшее количество войск, не раскрывая им смысла проводимых мероприятий.

Все маскировочные мероприятия должны тщательно планироваться в штабах, увязываться с общим замыслом операции, быть правдоподобными, строго контролироваться.

Где бы ни находились войска, чем бы они ни занимались или какую бы работу ни выполняли, все — от рядового солдата до генерала — обязаны всегда строго соблюдать маскировочную дисциплину, сохранять военную тайну.

Висло-Одерская операция показывает, что при проведении оперативной маскировки необходимо учитывать особенности плацдарма, с которого готовится наступление. Для достижения скрытности размещения войск следует более глубоко закапывать в землю боеприпасы и другие материальные средства, устраивать большое количество вертикальных и горизонтальных масок, переправ, подводных мостов и тщательно организовывать комендантскую службу.

Важный вывод, который вытекает из рассмотренной операции, состоит в том, что проведение ложного сосредоточения войск и боевой техники на территории за пределами нашей страны требует особенно тщательной оценки обстановки, и в первую очередь поведения местного населения. Ведь оно может способствовать агентуре врага в получении сведений о проводимых нашим командованием ложных мероприятиях.

Опыт операции убедительно показал, что изготавливать макеты танков, орудий и автомашин следует промышленным способом. Они отличаются высоким качеством и очень похожи на действительную боевую технику. Кроме того, на их изготовление не будут отвлекаться подразделения, которые своей особой, специфической работой привлекают внимание других частей и агентурную разведку.

Многие формы и методы оперативной маскировки в Висло-Одерской операции не потеряли своего актуального значения на сегодняшний день. Они могут быть использованы в боевой и политической подготовке войск на современном этапе.

Совершенствование инженерного обеспечения боевых действий авиации

(1941 — 1945 гг.)

Генерал-лейтенант-инженер В. ФИЛИППОВ

В ГОДЫ Великой Отечественной войны победы наших летчиков в воздухе обеспечивала многочисленная армия специалистов инженерно-авиационной службы: мотористы, механики, техники, инженеры, которые днем и ночью самоотверженно трудились, поддерживая в боеготовности авиационную технику и вооружение.

Инженерно-авиационное обеспечение (ИАО) боевых действий Военно-Воздушных Сил осуществлялось путем правильной эксплуатации боевой авиационной техники и вооружения, содержания в постоянной готовности к вылетам самолетов, восстановления в кратчайшие сроки неисправных и поврежденных в бою машин, а также обучения летного и инженерно-технического состава правилам эксплуатации и ремонта самолетов, двигателей, оборудования и вооружения.

В предвоенный период в организационном отношении инженерно-авиационная служба ВВС в центральном аппарате не была объединена. Вопросами эксплуатации авиационной техники ведал начальник 2-го управления, подчиненный первому заместителю начальника Главного управления ВВС (ГУ ВВС), а ремонтом — начальник 14-го управления, подчиненный начальнику снабжения и ремонта ГУ ВВС.

В войсках эксплуатацией и ремонтом занимался инженерно-технический состав летных частей. Средства ремонта — подвижные авиаремонтные мастерские (ПАРМ-1) — находились в батальонах аэродромного обслуживания (БАО), т. е. в тыловых частях.

В первые же дни войны стало ясно, что разделение руководства эксплуатацией и ремонтом между разными частями и службами не способствует решению главной задачи инженерно-авиационной службы — подготовке к боевым действиям максимально возможного количества самолетов.

Главные инженеры ВВС военных округов, ставшие с началом войны главными инженерами ВВС фронтов, также не имели аппарата, с помощью которого можно было бы организовывать инженерно-авиационное обеспечение боевых действий частей фронта, особенно восстановление поврежденной в боях авиационной техники. Весь штат ИАС ВВС фронта состоял из четырех инженеров: двух специалистов по эксплуатации самолетов и двигателей и двух — по вооружению и оборудованию. Специалистов по ремонту не было вовсе. Организационные неувязки усугублялись исключительно трудным положением, в которое попали многие авиационные части в первые месяцы войны.

Новые самолеты поступали еще в недостаточном количестве. Ремонтных средств, материалов и запасных частей для быстрого и качественного восстановления поврежденных в боях самолетов явно не хватало. Потери и частые перемещения частей в связи с отходом войск в глубь страны не давали возможности своевременно организовать эвакуацию поврежденных самолетов (как с мест вынужденных посадок вне аэродромов, так и с мест старого базирования).

Все эти обстоятельства привели к тому, что количественный состав боевой авиационной техники фронтовой авиации резко сократился. В целях коренного улучшения организации работы по скорейшему восстановлению поврежденной боевой авиационной техники в сентябре 1941 года командование ВВС приняло решение об объединении руководства эксплуатацией и ремонтом под единым командованием инженерно-авиационной службы как в центре, так и в авиации фронтов.

Подвижные авиаремонтные мастерские (ПАРМ-1), являвшиеся основным средством полевого ремонта, согласно приказу командующего ВВС от 23 сентября 1941 года были переданы из батальонов аэродромного обслуживания в авиационные дивизии и подчинены во всех отношениях старшим инженерам дивизий. Эта реорганизация усилила техническое руководство и контроль за производственной деятельностью ПАРМ-1 со стороны старших инженеров частей и соединений, исключила случаи использования мастерских для хозяйственных работ и способствовала качественному и быстрому ремонту авиационной техники в авиационных частях.

В управлениях ВВС фронтов (в аппарате главных инженеров) были созданы отделы технической эксплуатации и ремонта.

В центральном аппарате ВВС из управления технической эксплуатации и управления ремонта образовали единое управление эксплуатации и ремонта, состоявшее из 12 отделов. Подчинялось оно непосредственно начальнику ГУ ВВС СА.

Проведенная реорганизация благотворно повлияла на положение с восстановлением авиационной техники в Военно-Воздушных Силах.

Следует заметить, что созданная в 1941 году организация аппарата главных инженеров ВВС фронтов оказалась настолько простой и удачной, что просуществовала практически всю войну. Однако этого нельзя сказать об организационной структуре центрального аппарата инженерно-авиационной службы. Объединенное управление эксплуатации и ремонта оказалось чрезмерно громоздким для оперативного решения организационно-технических вопросов в быстро меняющейся военной обстановке.

В апреле 1942 года из управления эксплуатации и ремонта было сформировано два управления: управление технической эксплуатации и управление ремонта. Подчинялись они главному инженеру ВВС Советской Армии.

Создание управления ремонта хотя и способствовало улучшению деятельности инженерной службы по восстановлению боевой техники, но не привело к существенным результатам. Количество невозстановленных самолетов продолжало оставаться значительным. Так, к концу 1942 года неисправных самолетов во фронтах насчитывалось 20—25 проц., а в отдельных частях и соединениях, не считая самолетов, находившихся на стационарных ремонтных предприятиях, — до 40—50 проц.¹ Состояние самолетного парка ВВС явилось предметом специального рассмотрения в Государственном Комитете Обороны (февраль 1943 г.). Было установлено, что количество неисправных самолетов в частях ВВС не должно превышать 10—15 проц. В целях достиже-

¹ Архив. МО СССР, ф. 35, д. 22170, лл. 196—210.

ния этого всемерно активизировалась деятельность ПАРМ, силами которых стало восстанавливаться наибольшее число поврежденных в боях самолетов. Однако управление деятельностью ПАРМ не было централизовано, отсутствовала единая технология ремонта, запасные части поступали со значительными перебоями. Это вызвало целый ряд трудностей.

Для устранения указанных недостатков и создания в Военно-Воздушных Силах единого органа по руководству полевым ремонтом авиационной техники во исполнение постановления ГКО от 3 февраля 1943 года приказом Народного комиссара обороны от 5 февраля в составе Главного управления инженерно-авиационной службы ВВС Советской Армии было создано два управления: управление полевого ремонта и управление капитально-восстановительного ремонта. Одновременно в составе инженерно-авиационной службы ВВС фронтов, военных округов и воздушных армий, кроме имевшихся отделов эксплуатации и ремонта, были сформированы отделы полевого ремонта.

В 1942 году издается приказ НКО № 201 с объявлением Положения о правах и обязанностях должностных лиц ИАС. Положение определило основные задачи ИАС, систему руководства, а также права и обязанности должностных лиц с учетом боевого опыта первого года войны.

Впервые в истории ВВС главные (старшие) инженеры авиационных объединений, соединений и частей были наделены правами заместителей командующих (командиров).

В 1943 году издается новое Наставление по инженерно-авиационной службе (НИАС-43) вместо действовавшего ранее Наставления по эксплуатационно-технической службе (НЭТС-40). Оно в полной мере отражало боевой опыт эксплуатации и ремонта авиационной техники.

Внедрение положений НИАС-43 в практику боевой работы авиационных частей способствовало упорядочению многих организационно-технических вопросов. Были установлены единые правила эксплуатации, технического обслуживания и контроля за состоянием авиационной техники в различных климатических условиях, определен порядок технической подготовки летного и инженерно-технического состава. Особое внимание в Наставлении уделялось новым вопросам работы ИАС, выдвинутым боевой деятельностью войск, в том числе маскировке самолетов на аэродромах, организации перебазирования авиационных частей и соединений в ходе боевых действий, сбору, транспортировке и восстановлению самолетов, получивших повреждения, особенностям эксплуатации авиационного вооружения и специального оборудования в боевых условиях. Четко определялись взаимоотношения строевых частей ВВС с заводами авиапромышленности, предприятиями полевого и стационарного ремонта авиационной техники и ряд других вопросов.

Были изданы приказы НКО о применении горюче-смазочных материалов с учетом новых типов поступавших в эксплуатацию самолетов и двигателей, а также приказ ВВС, определивший порядок эксплуатации и сбережения самолетов деревянной конструкции в условиях базирования их на полевых аэродромах.

Все эти документы четко регламентировали деятельность личного состава инженерно-авиационной службы в боевых условиях; что способствовало успешному решению поставленных перед ней задач.

Исправность авиационной техники Военно-Воздушных Сил и ее боевая готовность постоянно находились в поле зрения Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства.

Способы восстановления авиационной техники определялись обстановкой. Незначительно поврежденные самолеты восстанавливались на оперативных аэродромах; получившие серьезные повреждения — транспортировались на тыловые аэродромы и ремонтировались заводскими бригадами или бригадами стационарных авиаремонтных мастерских.

Несмотря на ряд трудностей, связанных с нехваткой запасных частей и материалов, несвоевременной транспортировкой самолетов в стационарные мастерские, недостатком полевых ремонтных средств (особенно ПАРМ-1), личному составу инженерно-авиационной службы строевых частей, ремонтных предприятий ВВС и инженерно-техническим работникам авиационной промышленности к середине 1943 года удалось снизить процент неисправной техники в Военно-Воздушных Силах до 14,8 проц., т. е. довести до норм, установленных постановлением ГКО. В воздушных армиях результаты были даже более высокими. Если в марте 1943 года в авиачастях имелось 22,9 проц. неисправных самолетов, то в июле их стало всего 9,6 проц.²

Во второй половине 1943 года произошла дальнейшая организационная перестройка полевой ремонтной сети. Из разрозненных ПАРМ-1 было организовано 138 подвижных авиаремонтных баз (ПАРБ), подчиненных непосредственно инженерно-авиационной службе ВВС. Фронты дополнительно получили 20 ПАРБ (1943—1944 гг.). Кроме того, поступило от промышленности и оборудовано силами ремонтных предприятий ВВС 649 мастерских ПАРМ-1³.

В результате проведенных мероприятий в ВВС из месяца в месяц возрастала интенсивность восстановления самолетов средствами ремонтных баз, силами и средствами ИАС строевых частей и подвижными авиаремонтными мастерскими. Так, в частях ВВС в марте 1943 года в полевых условиях было отремонтировано 12 352, в апреле — 13 594, в мае — уже 17 277 самолетов⁴. За 9 месяцев 1943 года в полевых условиях было отремонтировано 62 867 двигателей и 6829 воздушных винтов. В войсках постоянно работало свыше 800 рабочих авиазаводов, которые за апрель—декабрь 1943 года отремонтировали 2303 самолета⁵.

При столь массовом развертывании полевого ремонта важное значение приобрел вопрос его качества. Имели место случаи, когда по вине работников ремонтных органов разрушались силовые элементы конструкции самолетов. Главным образом это касалось истребителей ЯК, ЛА-5 и штурмовика ИЛ-2. В одной из частей 2-й воздушной армии в июне 1943 года ремонт перебитого пояса лонжерона на ИЛ-2 методом наложения угольников из непрочной стали привел даже к катастрофе. В другой части той же воздушной армии были выявлены случаи неправильного ремонта крыльев двух самолетов ЯК-7б. Подобные факты несоблюдения технологии ремонта отчасти объяснялись спешкой, вызванной резким повышением темпа восстановления авиационной техники. В специальном приказе от 23 июля 1943 года командующий ВВС обратил особое внимание всего инженерного состава ВВС на строгое соблюдение технических инструкций во время ремонта. С этого времени в ВВС была введена обязательная приемка инженерным составом воздушных армий, корпусов и дивизий производственных работ, связанных с восстановлением силовых элементов самолета.

Главный инженер ВВС обязал выставлять оценки за качество ремонта. Предусматривалось привлечение к строгой дисциплинарной и

² Архив МО, ф. 35, оп. 22161, д. 4, лл. 48—52.

³ Там же, оп. 22170, д. 5, лл. 196—210.

⁴ Там же, ф. 35, оп. 22161, д. 4, лл. 48—52.

⁵ Там же, оп. 22169, д. 2, лл. 1—4.

судебной ответственности должностных лиц, производивших некачественный ремонт или принимавших неисправные самолеты из ремонта ⁶.

Анализ случаев некачественного ремонта авиационной техники показал, что некоторые исполнители плохо знали технологию ремонта сложных элементов конструкции самолетов. Среди начальников ПАРБ лишь 9,6 проц. было с высшим инженерным образованием, а начальников ПАРМ-1 — менее 3 проц. Поэтому для руководящих работников ПАРМ и ПАРБ были созданы курсы. До июня 1945 года их окончило 408 начальников ПАРМ-1, 600 специалистов вновь сформированных ПАРБ и другие должностные лица инженерно-технического состава ⁷.

Принятые меры позволили значительно улучшить качество ремонта и резко сократить случаи выхода из строя авиационной техники из-за неправильного выполнения ремонтных работ.

Личный состав инженерно-авиационной службы внес значительный вклад в дело усовершенствования авиационной техники. Так, в течение трех лет (1943—1945 гг.) было произведено перевооружение и переоборудование 830 импортных самолетов А-20 («Бостон») отечественными системами бомбометания, что повысило бомбовый залп каждого самолета более чем в 3 раза. С начала 1945 года развернулась работа по усилению фюзеляжа (на 120 американских самолетах «Аэрокобра»), обшивки и крыла (на 619 самолетах ЯК-3), подмоторных рам (на 630 самолетах ПЕ-2) и пр. ⁸.

Таким образом, созданная в годы войны система полевого ремонта обеспечила поддержание исправности самолетного парка ВВС на высоком уровне и тем самым всемерно способствовала выполнению боевых задач, поставленных Верховным Главнокомандованием перед Военно-Воздушными Силами.

Рассмотрим теперь вопросы капитального ремонта самолетов и двигателей. В предвоенный период он производился по окончании межремонтного срока службы, после аварий или при преждевременном износе основных деталей самолетов. Осуществлялся этот вид ремонта в стационарных авиаремонтных мастерских ВВС округов.

Отсутствие планов и четкой классификации видов ремонта привело к тому, что к середине 1942 года стационарные ремонтные предприятия были перегружены поступившей из войск неисправной техникой. Имелось большое количество самолетов и двигателей устаревших типов (самолеты И-5, Р-6, Р-10, двигатели М-17, М-22 и М-25). Благодаря принятым мерам удалось несколько упорядочить планирование и установить сроки ремонта. В приказе командующего ВВС от 30 января 1942 года определялся порядок распределения ремонтного фонда двигателей между округами. Самолетным авиамастерским продолжительность восстановительного ремонта устанавливалась: для истребителей — 10, бомбардировщиков — 15—20 дней.

В 1943 году работа по восстановлению самолетов приняла строго плановый характер. Годовой план ремонта определялся решением ГКО. Стационарные мастерские не только сами ремонтировали авиационную технику, но и создавали для фронта новые подвижные средства полевого ремонта, увеличивали количество запасных частей.

С апреля 1944 года ремонт устаревших типов самолетов и двигателей был прекращен. Восстанавливались наиболее дефицитные двигатели АШ-82Фн, ВК-105пф, АМ-38 и М-11. С целью повысить качество ремонта большое внимание уделялось укреплению кадров ремонтных

⁶ Архив МО, ф. 277 шад. оп. 201325, д. 5, лл. 319—321.

⁷ Там же, ф. 35, оп. 22170, д. 5, лл. 196—210.

⁸ Там же.

предприятий. Ремонтная сеть была значительно расширена, ряд крупных авиамастерских преобразован в ремонтные базы.

В 1945 году возникла проблема своевременной загрузки стационарной ремонтной сети. Приказом командующего ВВС от 13 апреля органы тыла обязывались обеспечивать своевременную доставку ремфонда в мастерские и ремонтные базы в количестве не менее 70 проц. от числа всех неисправных самолетов и двигателей, требующих капитального или аварийного ремонта. Командующим воздушными армиями предлагалось обеспечивать приемку и отправку в части отремонтированных самолетов в 15-дневный срок.

Стационарная ремонтная сеть в годы войны свои задачи выполняла. Наибольшее значение имел капитальный ремонт двигателей и агрегатов самолетов.

В ходе Великой Отечественной войны перед инженерно-авиационной службой возник ряд практических вопросов, которые в предвоенный период решались лишь теоретически. Прежде всего необходимо было организовать подготовку самолетов к боевым вылетам с полевых аэродромов, не оснащенных штатным оборудованием, при ограниченном числе личного состава, под воздействием авиации противника, а иногда и под обстрелом артиллерийских и минометных батарей.

В первый период войны инженерно-технический состав, начиная от руководящих инженеров до техников самолетов, все силы направлял к тому, чтобы обеспечить боевые действия авиации и своевременно вывезти всю авиационную технику из-под удара врага.

Так, в ВВС Южного фронта поврежденные самолеты ИЛ-2 в районе Запорожья и Павлодара и МИГ-3 в районе Барвенково были вывезены под артиллерийским и минометным огнем с мест вынужденных посадок и направлены в ремонт. Руководил этой работой инженер-инспектор ВВС фронта инженер 3 ранга Н. Красных⁹.

На Ленинградском фронте личный состав ряда авиационных частей продолжительное время работал на аэродромах, находившихся под огнем артиллерии. Например, 11-й гвардейский истребительный авиационный полк проводил боевые вылеты в подобных условиях в течение 5 месяцев. Вся работа по подготовке самолетов к полетам в этих условиях осуществлялась только ночью. Вылет производился прямо из земляных капониров. После посадки самолет подруливал к капониру и технический состав закатывал его туда. Так работали и некоторые другие полки ВВС Ленинградского фронта.

Во втором и третьем периодах войны боевые действия ВВС носили маневренный характер, и это создавало дополнительные трудности для инженерно-технического состава. Авиационные соединения перебазировались по 4—6 раз в месяц, а некоторые полки и до 10 раз. При этом транспорта, как правило, не хватало. В большинстве случаев передвижными средствами обеспечивалась лишь передовая команда, а остальной технический состав передислоцировался значительно позже. В результате боевые действия с новых аэродромов велись в ряде случаев в таких условиях, когда один техник обслуживал 2—3 самолета, совершавших по нескольку боевых вылетов в сутки. Для успешного преодоления этих трудностей личный состав инженерно-авиационной службы должен был приложить максимум инициативы, предприимчивости и энергии. Передовые команды полков укомплектовывались наиболее опытным и выносливым техническим составом, а на руководящие должности назначались знающие, энергичные и расторопные офицеры.

⁹ Архив МО, ф. 35, оп. 276687, д. 5, лл. 7—9.

Рационализаторы частей за годы войны внесли большое количество предложений, усовершенствовавших инструмент, различные приспособления и наземные оборудование, позволивших значительно сократить их вес, габариты и повысить транспортабельность.

Значительное внимание инженерно-авиационной службой уделялось освоению новой техники. В предвоенный период начали поступать в войска самолеты ЯК-1, МИГ-3, ЛАГГ-3 и ПЕ-2. В первые месяцы войны вводится в эксплуатацию ИЛ-2, а в 1942—1944 гг. части ВВС получили на вооружение самолеты ЛА-5, ЛА-7, ЯК-3, ЯК-9 и ТУ-2. Наряду с отечественной боевой техникой в годы войны пришлось иметь дело с самолетами иностранных марок, такими, как «Харрикейн», «Томагавк», «Китихаук», «Аэрокобра», «Бостон», Б-25, которые не были приспособлены для эксплуатации в наших суровых зимних условиях.

Столь большое количество новых типов боевых самолетов требовало разработки специальной системы их изучения летным и инженерно-техническим составом. Начиналось оно на заводах или в запасных авиаполках. Там готовились инструкторские кадры, которые потом обучали летный состав. Для этой цели привлекались и летчики-испытатели заводов, институтов, и преподаватели Военной академии им. Н. Е. Жуковского. Так, в первый период войны большое значение имело обучение всего летного состава более полному использованию скоростных данных своих самолетов в бою. В ряде приказов по ВВС и указаниях главного инженера в 1942 году анализировались ошибки летчиков. Командиры и инженеры частей обязывались проводить занятия с летным составом, обучать его правилам эксплуатации самолетов в полете.

Одновременно были приняты решительные меры по повышению качества ремонта обшивки самолетов. Особое внимание обращалось на поверхность крыльев и фюзеляжа, от гладкости которых зависело сохранение аэродинамических качеств самолетов после ремонта. Указывалось на недопустимость пренебрежительного отношения к данному вопросу во время полевого ремонта машин.

Работа в этом направлении в некоторых частях продолжалась и в 1943 году. В результате летный и инженерно-технический состав добился эффективного использования отечественных самолетов.

Следует особо выделить мероприятия ИАС по обеспечению зимней эксплуатации авиационной техники. Зимой 1941/42 года в частях ВВС практиковался способ разжижения масла в двигателях бензином, разработаны и внедрены портативные средства подогрева двигателей и поддержания их в теплом состоянии. Ежегодно согласно приказу командующего ВВС осенью в войсках начиналась кампания по подготовке личного состава, самолетов и средств наземного обслуживания к эксплуатации в зимних условиях. Начиная с осени 1942 года она проводилась по единым типовым планам, разработанным управлением технической эксплуатации ВВС, с обязательной отработкой эталонного самолета в каждом авиационном полку. Все это обеспечило высокую боеготовность и надежную работу самолетов в суровых зимних условиях. Ежегодно сокращалось число отказов авиационной техники по вине технического состава, связанных с особенностями зимней эксплуатации (с 292 случаев зимой 1941/42 года до 40 зимой 1944/45 года). Если в 1943 году работа двигателей на земле составляла 30 проц. от времени их работы в полете, то к концу 1944 года этот процент сократился до 17,2.

Большое значение имели технические инструкции, руководства и указания, выпускаемые ИАС ВВС. Тираж их из года в год возрастал. В 1943 году было издано 289 тыс. экземпляров технической литературы, в 1944 году — 544 тыс.¹⁰.

¹⁰ Архив МО, ф. 35, оп. 22170, д. 5, лл. 170—194.

Ответственная работа проводилась по обеспечению надежности авиационной техники и безопасности полетов. С апреля 1942 года в ВВС был заведен учет всех дефектов авиационной техники. Сведения поступали в управление технической эксплуатации ВВС. После их тщательного анализа проводились профилактические мероприятия в частях и предъявлялись требования к авиапромышленности. За годы войны управлением технической эксплуатации ВВС было разработано 353 указания главного инженера ВВС по устранению и предупреждению различных дефектов авиационной техники. Массовые дефекты исправлялись силами авиапромышленности и ремонтных предприятий ВВС непосредственно на фронтовых аэродромах.

Так, летом 1943 года для устранения такого дефекта, как отставание обшивки крыльев самолетов ЯК, ИЛ-2 и ЛА-5, в частях работало 1265 рабочих, которые в условиях непрерывающихся боевых действий отремонтировали 3690 самолетов во фронтовых частях и 2555 в тыловых округах.

В 1944 году для исправления дефектов по рекламациям в авиационные части от авиапромышленности было направлено 542 специалиста. В результате проводимой работы систематически снижалась количество отказов техники в полетах. По вине технического состава в 1942 году во фронтовых частях имело место 14,8 проц. летных происшествий, а во втором полугодии 1944 года их стало лишь 4,2 проц. Число отказов авиатехники из-за ошибок в эксплуатации самолетов также сократилось с 2625 в 1943 году до 1650 в 1944 году¹¹.

Наибольшую опасность представляли собой случаи несоблюдения правил обращения с боеприпасами и системами самолетного вооружения. Главным инженером ВВС был издан ряд специальных указаний, которыми устанавливались правила обращения с авиабомбами, ракетными снарядами, пулеметами и пушками.

Личный состав ИАС внес значительный вклад в разработку методов эксплуатации и ремонта самолетного радиооборудования, электрооборудования и приборов.

В предвоенный период первые отечественные радиостанции типа РСИ появились на истребителях И-153 и И-16. Примерно на каждые 5 самолетов, оборудованных приемниками, приходился один самолет с передатчиком. Летный состав истребительных частей радиосвязью практически не пользовался, а технический состав спецслужб радиооборудования как следует не знал. В начале войны были случаи, когда летчики и даже командиры истребительных частей требовали снять с самолета радиооборудование, рассматривая его как балласт.

Лучше обстояло дело в бомбардировочных частях. Самолеты СБ, составлявшие в основном к началу войны бомбардировочный парк, были оборудованы радиостанциями РСБ. Воздушные стрелки-радисты этих самолетов умело пользовались радиосвязью (многие из них получили опыт во время советско-финляндского конфликта).

По мере возрастания активности нашей авиации и совершенствования тактики воздушных боев большинство командиров и летчиков убедились в необходимости налаживания четкой и безотказной радиосвязи в авиации. Исключительное значение для решения этой задачи имел соответствующий приказ командующего ВВС, в котором резко осуждалась недооценка радиосвязи и ставились конкретные задачи по быстрейшему овладению ею.

В середине 1942 года вместо приемника РСИ-3 в истребительной авиации массовое применение получил более совершенный приемник

¹¹ Архив МО, ф. 35, оп. 22170, д. 5, лл. 170—194.

РСИ-4. Каждый третий самолет, поступивший из авиапромышленности, был оснащен еще и передатчиком.

Расширение использования радиосредств потребовало повышения квалификации и знаний специалистов ИАС. Инженерно-технический состав спецслужб быстро выработал рациональные способы подготовки радиооборудования к полетам.

Со второй половины 1942 года радиосвязь стала неотъемлемым элементом боевой работы. Без четкой радиосвязи самолеты не выпускались на задания. На воздушные цели наши истребители стали наводиться по радио, что значительно способствовало повышению эффективности их действий.

В эксплуатации электрооборудования наиболее серьезным этапом явилось освоение электросистемы самолетов ПЕ-2, оснащенных множеством электроагрегатов дистанционного и автоматического управления. Выросшие кадры электротехников и электромехаников составили основной костяк специалистов, обеспечивавших в дальнейшем бесперебойную эксплуатацию электросистем новых самолетов при массовом поступлении их в части. Пользование приборами на самолетах особых трудностей не вызывало, так как номенклатура их за годы войны существенно не изменилась. В частях имелись кадры опытных прибористов-эксплуатационников. Аналогичное положение было и с кислородным оборудованием. Инженерно-технический состав нашей авиации еще в предвоенные годы хорошо знал правила его эксплуатации.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны инженерно-авиационная служба непрерывно совершенствовалась и надежно обеспечивала боевые действия ВВС. Инженерно-технический состав строевых частей и ремонтных предприятий ВВС, воспитанный командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями, показал образцы беззаветной преданности Родине, самоотверженного труда в любых условиях боевой обстановки.

Огромную работу по созданию единой организации инженерно-авиационной службы провели главный инженер ВВС генерал А. К. Репин, руководивший ею в годы войны, главный инженер авиации дальнего действия генерал И. В. Марков, а также заместители главного инженера ВВС СА и руководители основных управлений ИАС генералы Г. К. Волков, А. А. Лапин, А. И. Мезинов, П. В. Родимов, М. М. Шишкин, Ф. Н. Шульговский. Высокие качества организаторов и умение четко осуществлять инженерно-авиационное обеспечение показали главные инженеры воздушных армий генералы А. В. Агеев, И. И. Бондаренко, А. В. Винокуров, З. А. Иоффе, Е. А. Марков, И. П. Осипенко, В. И. Ребров, М. И. Сидоров, А. Л. Шепелев и др.

Изучение всестороннего опыта инженерно-авиационного обеспечения боевых действий ВВС в Великой Отечественной войне имеет большое значение и в настоящее время, так как позволяет использовать этот опыт при организации эксплуатации и ремонта современной авиационной техники.

Боевые действия подводных лодок КБФ в 1945 г.

Капитан 2 ранга В. ВОРОБЬЕВ

ВЫХОД наших войск в 1944 году к Балтийскому морю и вывод Финляндии из войны коренным образом улучшили положение Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). Он вышел из Финского залива в Балтийское море.

Немецко-фашистское командование стремилось во что бы то ни стало обезопасить свои морские перевозки, объем которых резко возрос, так как от них зависела боеспособность прижатой к морю курляндской группировки. Кроме того, оно требовало от кораблей всевозможного содействия сухопутным войскам, поэтому усилило состав флота в Балтийском море за счет перевода кораблей из Северного и Норвежского морей¹.

Исходя из обстановки и общего плана наступления Советской Армии в Восточной Пруссии и Восточной Померании, Верховное Главнокомандование поставило перед КБФ² (командующий адмирал В. Ф. Трибуц, член Военного совета вице-адмирал Н. К. Смирнов, начальник штаба контр-адмирал А. Н. Петров) в кампании 1945 года главной задачей нарушение морских сообщений.

К началу 1945 г. из 20 имевшихся в составе бригады подводных лодок (БПЛ) КБФ (командир бригады контр-адмирал С. Б. Верховский, начальник политотдела капитан 2 ранга С. С. Жамкочьян, начальник штаба капитан 1 ранга Л. А. Курников) 6 было развернуто на коммуникациях противника в Балтийском море.

Подводные лодки дислоцировались в Кронштадте, Ханко, Хельсинки и Турку. Боевое управление ими осуществлялось с плавбазы «Иртыш», находившейся в Хельсинки. Для организации взаимодействия подводных лодок с авиацией в Паланге создавался выносной пункт управления, что способствовало улучшению информации о местонахождении конвоев противника и управления силами.

13 января наступлением войск 3-го Белорусского фронта началась Восточно-Прусская операция, а на следующий день в нее включились силы 2-го Белорусского фронта. В конце января — начале февраля

¹ К началу 1945 г. на Балтийском море гитлеровцы имели 2 линейных корабля, 4 тяжелых и 4 легких крейсера, свыше 200 подводных лодок, более 30 эскадренных миноносцев и миноносцев, 70 торпедных катеров, 64 тральщика, около 200 десантных судов и большое количество сторожевых кораблей и катеров. (Отделение ЦВМА, д. 13753, л. 3; д. 36765, л. 10).

² К началу 1945 г. в состав КБФ входили: линкор, 2 крейсера, 12 эскадренных миноносцев, 28 подводных лодок (из них в строю 20), 5 сторожевых кораблей, 78 торпедных катеров, 220 малых охотников и сторожевых катеров, 73 тральщика, 204 катера-тральщика и 47 бронекатеров. ВВС флота насчитывали 787 самолетов. (Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 17704, лл. 2—4; ф. 18, д. 40015, л. 597).

войска этих фронтов вышли к Балтийскому морю, в результате чего восточно-прусская группировка оказалась расчлененной на 3 части: хейльсбергскую, кенигсбергскую и земландскую. В ликвидации кенигсбергской и земландской группировок вместе с сухопутными войсками участвовали все рода сил Краснознаменного Балтийского флота.

Исходя из обстановки, складывающейся на побережье Балтийского моря в связи с действиями сухопутных войск, адмирал В. Ф. Трибуц поставил перед бригадой подводных лодок следующие задачи: нарушать коммуникации противника в южной и юго-западной частях Балтийского моря до Померанской бухты включительно, прервать сообщения курляндской группировки и блокировать совместно с авиацией порт Либавы. В море должны были находиться одновременно 6—8 подводных лодок. Тем из них, которые действовали в районе приморских флангов сухопутных войск, надлежало наносить удары по боевым кораблям противника с целью недопущения обстрелов ими наших войск. Кроме того, им предстояло осуществлять оперативную разведку подходов к базам гитлеровцев в южной части Балтийского моря, ставить мины на путях движения вражеских конвоев⁴.

Чтобы выполнить эти задачи, командир бригады контр-адмирал С. Б. Верховский решил для ведения активных боевых действий на коммуникациях противника развернуть лодки в районах, которые располагались на подходах к Либаве и Виндаве, к западу от Данцигской бухты и от меридиана маяка Брюстерорт.

Предусматривалось взаимодействие подводных лодок с авиацией. Оно должно было выражаться в непрерывной взаимной информации штабов БПЛ и ВВС о данных авиационной разведки и изменении районов действий подводных лодок, их выходе на позиции и возвращении в базы.

Переход подводных лодок на позиции из баз производился по шхерным фарватерам под проводкой лоцманов в сопровождении корабля охранения, а с появлением льда — и ледокола. В точку погружения подводная лодка выходила, как правило, в темное время суток, следовала в подводном положении не менее 25 миль, после чего командир в зависимости от обстановки сам избирал способ перехода на позицию. Основным методом использования подводных лодок было крейсерство в ограниченных районах.

Своевременно поступавшие данные авиаразведки о движении конвоев давали возможность командирам подводных лодок правильно оценивать обстановку в своем районе, производить необходимые расчеты, выходить на курс движения кораблей противника и осуществлять атаки. Так, используя данные авиаразведки, выходили на курсы конвоев врага и атаковали транспорты «Щ-303», «Щ-309», «Щ-310» и др.

Боевой счет в 1945 году открыла подводная лодка «Щ-310» (командир капитан 3 ранга С. Н. Богорад). 24 ноября 1944 года она вышла из Кронштадта в Балтийское море. Ночью 7 января 1945 года, следуя в надводном положении, лодка обнаружила караван в составе 3 транспортов, охраняемых кораблями и сторожевыми катерами. Сблизившись на дистанцию 3,5 кабельтовых, из позиционного положения «Щ-310» произвели залп по головному транспорту тремя торпедами веером⁶. Две торпеды поразили транспорт, который затонул. 62 суток действовала «Щ-310» в

⁴ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 40015, л. 593.

⁶ Позиционное положение подводной лодки — надводное положение удифференгованной лодки, способной в любой момент погрузиться. При этом положении заполнены цистерны главного балласта, а средняя цистерна и цистерна быстрого погружения пусты. В позиционном положении подводная лодка обладает наименьшими мореходными качествами, может идти только малым ходом и находится на поверхности моря при волнении не свыше трех баллов.

сложных зимних условиях. За это время она прошла 3072 мили в надводном и 1210 миль в подводном положении⁷. Лодка хорошо выполнила задачу разведки, выявила систему противолодочной обороны и приемы действий дозорных кораблей противника, что явилось ценной информацией для наших лодок, которым предстояли боевые походы.

В январе успешно действовали и другие подводные лодки. Первой, вышедшей в море в 1945 году, была подводная лодка «Щ-307», которой командовал капитан 3 ранга М. С. Калинин. 4 января она вышла из базы и в полночь 7 января заняла назначенную ей на подходах к Либаве позицию. Вечером 9 января лодка лежала на грунте, когда акустик доложил, что слышит шум винтов кораблей конвоя. Всплыв в позиционное положение, командир обнаружил огни большого транспорта, идущего в охранении. Развернув лодку для атаки кормовыми торпедными аппаратами, М. С. Калинин с дистанции 6 кабельтовых произвел двухторпедный залп. Обе торпеды попали в транспорт, и он затонул. Сторожевые корабли более двух часов настойчиво преследовали «Щ-307», сбросив на нее 226 глубинных бомб; 70 из них разорвались вблизи⁸.

Исправив повреждения, лодка продолжала искать противника. Ночью она осуществляла поиск в надводном положении, днем — под перископом. Вечером 11 января, находясь в крейсерском положении⁹, подводная лодка обнаружила ходовые огни 2 транспортов, 2 сторожевых кораблей и начала маневрирование для атаки. Но в это время корабли охранения заметили лодку, осветили ее ракетами и начали обходить с обоих бортов. Ей пришлось развернуться на контркурс и погрузиться. Убедившись, что противник прекратил преследование, командир решил всплыть и продолжать атаку. «Щ-307» сблизилась с врагом и с дистанции 5 кабельтовых произвела трехторпедный залп по транспорту, который загорелся и затонул.

Успех сопутствовал и другим экипажам. Например, подводная лодка «К-51» (командир капитан 3 ранга В. А. Дроздов) 28 января атаковала стоявший на рейде Рюгенвальдемюнде транспорт и потопила его¹⁰. 4 февраля в районе Либавы подводная лодка «Щ-318» (командир капитан 3 ранга Л. А. Лошкарев), несмотря на гяжелые гидрометеословия и сильное противодействие кораблей противолодочной обороны, один вражеский транспорт потопила, а второй повредила.

10 февраля войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов приступили к осуществлению Восточно-Померанской операции. Наши армии рассекли вражескую группировку и в начале марта вышли к побережью Балтийского моря. В феврале и марте немецко-фашистское командование интенсивно перебрасывало войска из Курляндии в Данцигскую бухту и Восточную Пруссию. Движение транспортов между Либавой и Данцигской бухтой значительно усилилось, в связи с чем наши подводные лодки активизировали боевую деятельность на этих вражеских коммуникациях.

Так, 18 февраля на выполнение боевого задания вышла из базы гвардейская подводная лодка «Щ-309» под командованием капитана 3 ранга П. П. Ветчинкина. Утром 23 февраля, когда лодка маневрировала на позиции в районе Либавы, сигнальщик старшина 1 статьи К. Т. Альшаников и матрос Ф. И. Коробко при лунном свете (видимость была до 15 кабельтовых) обнаружили транспорт, шедший в охранении двух

⁷ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 37970, л. 1.

⁸ Там же, д. 19505, л. 215.

⁹ Крейсерское положение подводной лодки — надводное положение удифферентованной лодки с заполненной цистерной быстрого погружения и незаполненными цистернами главного балласта и средней цистерной. В крейсерском положении подводная лодка способна к быстрому погружению.

¹⁰ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 37932, л. 7.

кораблей. Сблизившись на дистанцию 9 кабельтовых, «Щ-309» трехторпедным залпом потопила его¹¹. Один из кораблей открыл по лодке артиллерийский огонь, а другой начал преследование. Оно продолжалось 5 часов. Бомбы рвались совсем рядом. В результате взрывов 28 бомб были повреждены командирский перископ и некоторые другие приборы. Несмотря на это, лодка произвела еще ряд атак, после чего вернулась в базу. 24 февраля в Данцигской бухте потопила транспорт и повредила сторожевой корабль подводная лодка «К-52», которой командовал капитан 3 ранга И. В. Травкин.

В целях борьбы с нашими подводными лодками и обеспечения своих морских коммуникаций противник развернул усиленную дозорную службу надводными кораблями и подводными лодками, создал специальные поисково-ударные группы из миноносцев и сторожевых кораблей, оборудованных гидроакустической аппаратурой. Основной задачей этих групп являлось уничтожение наших лодок или вытеснение их из района движения конвоя. Для этого впереди по курсу следования конвоев враг производил профилактическое бомбометание. Обнаружив подводную лодку, корабли охраны некоторое время преследовали ее с целью загнать на глубину и дать возможность пройти транспортам. В то же время они вызывали в район обнаружения поисковые группы для длительного преследования лодки. Оно продолжалось до двух суток, при этом было сброшено до 200 глубинных бомб¹².

В юго-западной части Балтийского моря для поиска наших подводных лодок противник в дневное время и светлые лунные ночи использовал самолеты, которые, обнаружив лодку, ракетами или другими способами оповещали о ее местонахождении надводные корабли. В целях противолодочной обороны враг широко применял подводные лодки, маскировку, используя акустические трешотки, которые не давали возможность прослушивать шумы винтов кораблей. Чтобы избежать встреч с нашими лодками, гитлеровцы осуществляли переходы в темное время суток или в плохую видимость. А для затруднения действий наших лодок враг производил перевозки на быстроходных транспортах. В состав конвоя включалось 2—3 транспорта, которые охранялись миноносцами, сторожевыми кораблями и катерами.

Несмотря на все трудности, советские подводники наращивали мощь своих ударов. В результате выхода наших войск на южное побережье Балтийского моря и окружения кенигсбергской и данцигской группировок в марте противник приступил к интенсивной эвакуации войск, техники и награбленного имущества в западные порты Германии. В связи с этим усилилось движение транспортов из портов Данцигской бухты в порты Померании. Поэтому основная часть наших лодок была развернута в этом районе. Деятельность подводников стала еще более эффективной. Так, днем 1 марта, ведя поиск в подводном положении, лодка «К-52» обнаружила шум винтов транспорта, но большая волна не позволяла атаковать его на перископной глубине. Тогда командир капитан 3 ранга И. В. Травкин погрузил лодку на глубину 20 м и решил произвести атаку по данным гидроакустических приборов. Благодаря высокому мастерству командира и отличной подготовке акустика первая на Балтике бесперископная атака была осуществлена успешно. Потопив еще два транспорта и израсходовав все торпеды, «К-52» 11 марта вернулась в базу¹³.

Очередной боевой поход подводной лодки «К-52» начался 17 и продолжался до 30 апреля. За этот период она потопила 3 вражеских

¹¹ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 37949, лл. 10—11; д. 19507, л. 75.

¹² Там же, д. 40015, л. 507.

¹³ Там же, д. 37951, лл. 2—11.

транспорта, несмотря на сильное противодействие противника. Так, во время преследования 21 апреля сторожевые корабли сбросили на нее с 19 час. 30 мин. до 20 час. 16 мин. 48 глубинных бомб. Весь день 24 апреля район, где находилась лодка, бомбили самолеты, сбросив около 170 бомб. Всего за время похода самолеты и корабли обрушили на «К-52» 452 бомбы, из них 54 разорвались на расстоянии от 50 до 400 м¹⁴. Однако командир искусным маневрированием отрывался от врага. Экипаж умело боролся за живучесть корабля. Лодка благополучно вернулась в базу.

Смело, спокойно, решительно действовал, активно искал противника в Данцигской бухте командир подводного минного заградителя «Л-21» капитан 2 ранга С. С. Могилевский. Используя гидроакустическую аппаратуру, он 6 раз обнаруживал конвои гитлеровцев, 5 раз выходил в атаку. Утром 25 марта, когда лодка шла на глубине 25 м, акустик зафиксировал шум винтов кораблей и работу гидролокаторов. Лодка всплыла под перископ, и командир увидел конвой в составе 6 транспортов, миноносцев и сторожевых кораблей противника. Сблизившись на дистанцию 6,5 кабельтовых, «Л-21» произвела трехторпедный залп по транспорту и потопила его. Это была третья в этом походе победа минного заградителя.

К концу марта Восточная Померания была полностью очищена от гитлеровцев и войска 2-го Белорусского фронта овладели портами Гдыня и Данциг. В апреле перед КБФ встала задача содействовать сухопутным войскам в ликвидации группировок немецко-фашистских войск, окруженных в районах Кенигсберга (Калининград), Пиллау (Балтийск), Свиномюнде (Свиноуйсьце) и Хела. В эти районы перемещались позиции наших подводных лодок, которые уничтожали вражеские транспорты и корабли на переходе морем. Получив боевой приказ, 23 марта вышла из базы и направилась в район Данцигской бухты гвардейская подводная лодка «Л-3» (командир капитан 3 ранга В. К. Коновалов). Большого успеха она добилась 17 апреля. В 00 час. 42 мин. акустик обнаружил шум винтов транспортов и сторожевых кораблей. Командир начал маневрировать для атаки. В 00 час. 48 мин. с дистанции 8 кабельтовых трехторпедным залпом «Л-3» потопила теплоход «Гойя», на борту которого находилось более 7000 гитлеровцев, в том числе 1300 подводников. Этой победой балтийцы нанесли еще один мощный удар по подводному флоту, на который немецко-фашистское командование возлагало больше надежды.

Мартовские и апрельские походы лодок свидетельствовали о том, что гитлеровское командование значительно усилило силы противолодочной обороны. В некоторых случаях противодействие противника было так велико, что нашим подводным лодкам приходилось прекращать атаку и покидать район движения вражеского конвоя.

Несмотря на сложность обстановки, подводные лодки выходили на поиск и уничтожали транспорты. По вражеским транспортам и кораблям наносили удары подводные лодки «К-51» (командир капитан 3 ранга В. А. Дроздов), «К-53» (командир капитан 3 ранга Д. К. Ярошевич), «Щ-318» (командир капитан 3 ранга Л. А. Лошкарев), «Щ-407» (командир капитан 3 ранга П. И. Бочаров) и другие. Особенно ощутимыми для гитлеровцев были потери судов, на которых перевозились боеприпасы и горючее.

Кроме торпедного оружия лодки использовали и минное. Так, подводные минные заградители «Л-3», «Л-21» и «Лембит» поставили на

¹⁴ Там же, лл. 2, 8, 9.

путях движения конвоев противника и на подходах к его базам 72 мины¹⁶. Примерные районы постановки мин назначались командиром бригады. Командиры лодок, находясь на позиции, ставили мины после производства доразведки и выявления фарвагеров врага. Так, подводный минный заградитель «Лембит» под командованием капитана 2 ранга А. М. Матияевича 30 марта поставил на пути движения кораблей 5 банок по 4 мины в каждой. В апреле на этих минах подорвались транспорт, 2 сторожевых корабля и корабль ПЛО противника.

Помимо нарушения морских коммуникаций подводные лодки КБФ противодействовали обстрелу вражескими кораблями наших войск в прибрежном районе, вели разведку баз противника, мест, удобных для высадки десантов. Например, подводная лодка «Щ-407» разведала место высадки морского десанта на о. Борнхольм. Гвардейская подводная лодка «Л-3», произведя в конце января минную постановку и ряд торпедных атак на подходах к порту Виндава, 2 февраля по приказанию командира БПЛ перешла в район Брюстерорт-Заркау для атак кораблей, обстреливавших наши части на Земландском п-ове. 4 февраля подводная лодка произвела трехторпедный залп по эсминцу. После атаки «Л-3» противник прекратил обстрел наших войск. Кроме того, «Л-3» поставила на пути движения гитлеровских кораблей мины. 10 марта по приказанию командующего флотом с целью предотвращения обстрела приморских флангов наших войск, находившихся на померанском побережье, в Данцигской бухте были развернуты подводные лодки «Л-21» и гвардейская «Щ-303»¹⁷.

Успех боевых действий подводных лодок зависел от высокой боевой выучки личного состава. От подводников требовалось превосходное знание материальной части, тактико-технических данных корабля, поэтому командиры большое внимание уделяли боевой подготовке.

Подготовка офицеров в основном складывалась из разбора боевых походов с детальным анализом действий подводников. Так, на сборе командиров минно-торпедных боевых частей подводных лодок, проходившем с 1 по 3 марта, был произведен разбор успешных торпедных атак подводных лодок «Щ-307», «С-13», «К-52» и др. Аналогичный сбор провели со старшинами групп, командирами отделений, штатными торпедистами и минерами, что способствовало повышению их квалификации, умелым действиям во время торпедных атак и минных постановок. Только за первые 3 месяца 1945 года в целях передачи боевого опыта состоялось 14 занятий с офицерами и старшинами электромеханических подразделений. На них выступили с докладами командиры боевых частей подводных лодок «С-13», «Д-2», «Щ-310», «Щ-303» и других¹⁸.

Высокие морально-политические качества, глубокое понимание воинского долга, отличное знание техники и оружия помогли подводникам добиваться больших побед над противником, умело бороться за живучесть корабля, оружия и технических средств. Несмотря на то что механизмы работали с большим напряжением¹⁹, выходов их из строя по вине личного состава не было, а когда появлялись повреждения, подводники быстро устраняли их своими силами. Например, на подводной лодке «Щ-307» вышла из строя муфта-бамаг. Коммунисты старшины

¹⁶ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 40015, л. 613.

¹⁷ Там же, л. 617.

¹⁸ Там же, д. 34157, л. 88—94; д. 40015, л. 688.

¹⁹ В 1945 г. напряженность работы механизмов сравнительно с 1944 г. значительно возросла. Например, гвардейская ПЛ «Л-3» за январь—март 1945 г. прошла 3756,8 мили, а за весь 1944 г. — лишь 1738 миль; ПЛ «С-13» за весь 1944 г. прошла 6013,6 мили, а только за один поход 1945 г. — 5229,5 мили. Кроме того, преимущественно в ночных атаках и поисках противника в надводном положении увеличивалась нагрузка на дизели. (Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 40015, л. 688).

Н. И. Танин, А. П. Дружинин и В. Н. Сухарев за 12 часов ввели ее в строй. Аналогичную неисправность за 16 часов устранили коммунисты старшины А. И. Дубков и П. П. Шур на подводной лодке «Щ-310». В заводских условиях по техническим нормам на эту работу отводилось 40 часов²⁰.

Коммунисты и комсомольцы личным примером увлекали воинов на образцовое выполнение воинского долга. Вот только один факт. 12 февраля во время торпедной атаки на подводной лодке «Щ-407» одна из трех торпед не полностью вышла из аппарата. После того как удалось оторваться от преследования кораблей охранения, бомбивших лодку, она всплыла. Надо было избавиться от торпеды, для чего требовалось спуститься в ледяную воду за борт. Выполнить это сложное дело вызвались коммунист старшина 1 статьи М. И. Соловьев и комсомолец матрос С. И. Маринин. Моряки знали, что в случае появления вражеских самолетов подводная лодка вынуждена будет срочно погрузиться и они останутся в море, но это их не остановило. Рискуя жизнью, отважные воины трудились до тех пор, пока не освободили аппарат от смертоносного груза²¹.

Успешному выполнению боевых задач способствовала партийно-политическая работа, направляемая командирами-коммунистами. Так, партийная организация подводной лодки «Щ-310» (командир капитан 3 ранга С. Н. Богорад) мобилизовала личный состав на отличное выполнение задания командования, образцовое обслуживание техники и оружия, готовность преодолеть трудности плавания в сложных и тяжелых зимних условиях. Секретарь партбюро старший лейтенант Г. А. Шагинян дал каждому коммунисту поручение. Перед выходом в море состоялось партийное собрание. На нем обсуждались итоги подготовки к походу, задачи, которые предстояло решать в море. Коммунисты провели беседы с теми членами экипажа, которые выходили в боевой поход впервые, подобрали библиотечку художественной и политической литературы. Помимо книг, в поход были взяты подшивки газет «Правда», «Красный флот», «Красный Балтийский флот». Большим успехом у личного состава пользовались газетные вырезки статей И. Эренбурга и К. Симонова.

Под руководством коммунистов хорошо работала комсомольская организация подводной лодки, возглавляемая членом партии матросом А. А. Лукьяновым. Она решала задачи обеспечения авангардной роли комсомольцев в выполнении приказов командира, безаварийной эксплуатации механизмов, высокой бдительности при несении ходовых вахт.

Особым успехом пользовался «Боевой листок», редактируемый коммунистом А. И. Семкиным. За время похода их было выпущено 28. Они выходили под шапками: «Транспорт на дне — подарок стране», «Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге!», «Высокая бдительность повышает боевую производительность» и др.

При подготовке лодок к походам политработники помогали секретарям партийных и комсомольских организаций спланировать работу, организовать ее, проводили инструктаж агитаторов, семинары активистов. Нередко они выходили в море, учили партийных и комсомольских активистов мобилизовывать моряков на успешное выполнение стоявших перед ними задач. Например, на прославленной победами подводной лодке «С-13» с 9 января по 15 февраля находился пропагандист политотдела капитан-лейтенант Б. С. Крылов. На подводной лодке «К-51» в море выходил заместитель командира 2-го дивизиона подводных лодок по политчасти капитан 3 ранга А. Н. Пикулнн. Во время похода 11 подводников «К-51» подали заявление с просьбой принять их в партию.

²⁰ Отделение ЦВМА, ф. 18, д. 27808, л. 148.

²¹ Там же.

Заместитель командира 1-го дивизиона по политчасти капитан 3 ранга С. Ф. Заикин в подготовительный к походу период помог парторгу гвардейской подводной лодки «Л-3» старшине 1 статьи А. И. Земину и комсоргу старшему матросу В. И. Полякову в планировании и организации работы. В море на этой лодке коммунисты принимали сводки Совинформбюро, сообщения о жизни страны и международных событиях, записывали их в специальный журнал последних известий и доводили до всего личного состава. Они отмечали на карте изменение обстановки на фронте. Сообщения об успехах подводников, воинов сухопутных войск воодушевляли личный состав, вызывали стремление внести свой достойный вклад в дело победы.

Высокий морально-боевой дух личного состава, его хорошая физическая закалка, глубокое знание техники и оружия способствовали использованию всех возможностей для нарушения морских сообщений противника, применению наиболее эффективных методов и способов борьбы. За январь — апрель 1945 года балтийские подводники потопили 26 транспортов²². На минах, поставленных подводными лодками, подорвались 6 вражеских кораблей и 3 судна. Гитлеровцы потеряли 16 подводных лодок, которые они использовали в целях ПЛО. В нашу базу в 1945 году не вернулась одна подводная лодка «С-4», которая погибла в Данцигской бухте.

Своими активными действиями на морских сообщениях противника подводные лодки КБФ внесли достойный вклад в дело окончательного разгрома фашистской Германии. Они способствовали достижению сухопутными войсками побед в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании.

В кампании 1945 года командиры подводных лодок показали возросшее тактическое мастерство, проявили большое умение в поиске судов противника и методах атак. Они широко использовали новые методы стрельбы, выходили в атаку по данным гидроакустических приборов, искусно маневрировали и уходили от преследования сил ПЛО.

За проявленный героизм в борьбе с вражеским судоходством командирам подводных лодок С. Н. Богораду, М. С. Калинину, В. К. Коновалову, И. В. Травкину в 1945 году было присвоено звание Героя Советского Союза²³. Указом Президиума Верховного Совета СССР подводные лодки «К-52», «С-13», «Щ-307», «Щ-310» и «Лембит» награждены орденом Красного Знамени. 8 июля 1945 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады подводных лодок КБФ орденом Красного Знамени. Всего за годы войны балтийским подводникам было вручено 2190 орденов и 983 медали. Восемь подводных лодок удостоились ордена Красного Знамени, три стали гвардейскими, шести командирам подводных лодок присвоено звание Героя Советского Союза.

²² Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1974, стр. 322.

²³ Отделение ЦВМА, ф. 9, д. 17895, лл. 2, 3, 5.

МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ

ГЕРОИ ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В ходе Висло-Одерской наступательной операции советские воины, воодушевленные грандиозными победами Советских Вооруженных Сил, одержанными в 1944 году, и величием освободительной миссии Советской Армии, несущей народам Европы избавление от фашистского ига, проявили массовый героизм. Многие солдаты и офицеры за мужество и отвагу награждены орденами и медалями, более тысячи участников операции удостоены звания Героя Советского Союза¹.

В одной статье невозможно даже коротко рассказать о всех героях Висло-Одерской операции. В данную подборку вошли материалы о Героях Советского Союза, чьи подвиги мало освещались в нашей печати. Очерки размещены в алфавитном порядке. В биографических справках должности и партийность Героев Советского Союза указаны на момент совершения подвига.

Подборку подготовили старший научный сотрудник Архива МО СССР Г. И. Ларионова и подполковник В. И. Микора.

Буниятов Зия Мусаевич

Родился в 1921 году. Азербайджанец. Член КПСС. Командир 123-й отдельной роты 5-й ударной армии. Капитан.

123-я отдельная рота, наступавшая с магнусевского плацдарма на участке 89-й гвардейской стрелковой дивизии 26-го гвардейского стрелкового корпуса, 14 января 1945 года одной из первых вышла к р. Пилица на южной окраине села Домбровка и с ходу начала ее преодолевать. На западном берегу восточнее Буды-Михайловске рота захватила плацдарм и удерживала его до подхода основных сил дивизии.

Затем рота Буниятова совершила маневр вдоль западного берега, вышла к мосту через Пилицу, атаковала с тыла охранявшее его вражеское подразделение и захватила переправу.

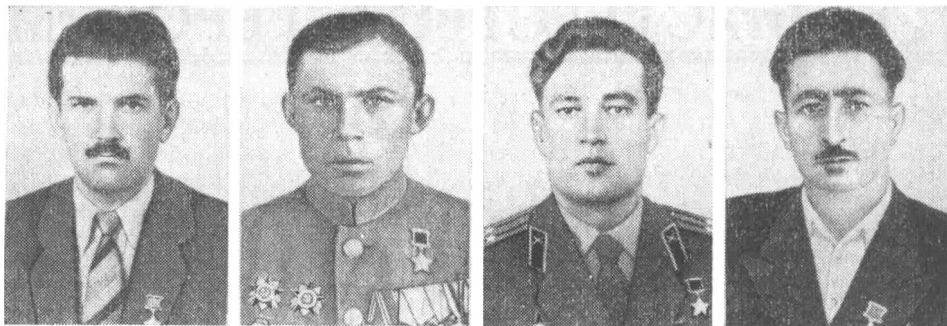
Гитлеровцы, стремясь вновь овладеть мостом, бросили в контратаку до роты пехоты, усиленной четырьмя танками. Войцы Буниятова мужественно отразили вражеский натиск. В течение двух с половиной часов контратаки следовали одна за другой. Однако наши воины удержали мост до подхода советских танковых и механизированных частей. В этот день подразделение уничтожило более 100 гитлеровцев, захватило 5 шестиствольных минометов, 3 орудия, большое количество автоматов, винтовок и боеприпасов, было взято в плен 45 солдат и офицеров².

За умелое руководство боевыми действиями подразделения, личное мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года капитану З. М. Буниятову присвоено звание Героя Советского Союза.

Отважный офицер с боями дошел до Берлина, участвовал в штурме фашистской столицы. В 1946 году он уволился в запас и поступил в институт востоковедения. В 1954 году успешно окончил аспирантуру. В настоящее время кандидат исторических наук З. М. Буниятов работает старшим научным сотрудником Института истории Академии наук Азербайджана.

¹ Выявление героев Висло-Одерской операции проведено авторами.

² Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 7, л. 128.

З. М. Бунятов

А. А. Бурындин

В. Ф. Волковский

А. И. Дanelия

Бурындин Андрей Александрович

Родился в 1920 году. Русский. Беспартийный. Командир огневого взвода минометной батареи 16-го гвардейского кавалерийского полка 4-й гвардейской кавалерийской дивизии. Гвардии старшина.

29 января 1945 года 16 гв. кп наступал в районе г. Штрассфорт. Взвод под командованием гвардии старшины А. А. Бурындина действовал в составе передового отряда, который должен был захватить мост через р. Кроддов. Рано утром, когда отряд вел бой на подступах к реке, Бурындин с телефонистом и связным скрытно проник через вражеские боевые порядки, имея задачу организовать подвижный наблюдательный пункт в тылу противника. Заметив на мосту группу саперов, готовившихся подорвать его, Бурындин с бойцами автоматным огнем уничтожил гитлеровцев и обезвредил заложенную ими взрывчатку. Затем, выявив вражеские огневые точки, прикрывающие подступы к мосту, старшина передал их координаты артиллеристам, которые уничтожили 4 ручных и 2 станковых пулемета. Действия Бурындина способствовали выполнению задачи, поставленной передовому отряду полка. Решительно перейдя в атаку, эскадрон сломил сопротивление врага, переправился через мост и закрепился на западном берегу, чем были созданы благоприятные условия для развития наступления основными силами 4 гв. кд.

За мужество и инициативу, проявленные при выполнении боевого приказа, гвардии старшине А. А. Бурындину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза³.

Отважный командир сражался с врагом до последнего дня войны. После демобилизации он вернулся в родное село Куяган, Алтайского района, Алтайского края. Сейчас бывший воин руководит отделением совхоза «Куяганский».

Волковский Владимир Филиппович

Родился в 1922 году. Украинец. Член КПСС. Командир танкоде-сантной роты моторизованного батальона автоматчиков 66-й гвардейской танковой бригады. Гвардии лейтенант.

19 января 1945 года 66 гв. тбр вела бой на подступах к г. Иновроцлав. Танкодесантной роте под командованием гвардии лейтенанта В. Ф. Волковского надлежало во взаимодействии с 1-м танковым батальоном уничтожить опорный пункт на безымянной высоте в 3 км юго-западнее Иновроцлава, господствовавшей над окружающей местностью. После артиллерийской подготовки танки, ведя огонь из пушек и пулеметов, атаковали опорный пункт с фронта. Тем временем танкодесантная рота по оврагу вышла в тыл противнику. После короткого, но упорного боя высота была взята.

21 января 66 гв. тбр вела бои в г. Иновроцлав. При поддержке танков и артиллерии стрелковые подразделения очищали от фашистов квартал за кварталом.

³ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 7, л. 169.

Г. К. Дюдин

И. Ибраев

Г. И. Идрисов

А. И. Камагин

Чем ближе к центру города, тем упорнее сопротивлялись гитлеровцы, засевшие в превращенных в доты домах.

Гвардии лейтенант Волковский проявил инициативу и находчивость. Он провел свою роту дворами, с тыла атаковал батарею противотанковых орудий, препятствовавших продвижению наших танков, и с ходу захватил ее. Стремясь ликвидировать вышедшее им в тыл подразделение, гитлеровцы пытались контратаковать гвардейцев. Успешно отбив вражеский натиск, бойцы Волковского удержали захваченную позицию до подхода наших наступающих частей.

Всего за время боев с 15 по 30 января 1945 года танкодесантная рота уничтожила 24 пулеметные точки и свыше 60 гитлеровцев⁴.

За умелое руководство боевыми действиями подразделения, проявленные при этом инициативу и находчивость Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года гвардии лейтенанту В. Ф. Волковскому присвоено звание Героя Советского Союза.

Полковник В. Ф. Волковский умер в 1971 году.

Данелия Амиран Иосифович

Родился в 1923 году. Грузин. Член ВЛКСМ. Пулеметчик танка Т-34 2-го танкового батальона 53-й гвардейской танковой бригады. Гвардии старший сержант.

Танковый взвод, в котором служил старший сержант А. И. Данелия, в бою под г. Вильгельмсбрюк 20 января 1945 года действовал в разведке. Продвигаясь впереди основных сил батальона, танки с ходу форсировали реку Просна и ворвались на западную окраину Вильгельмсбрюка. В это время 5 вражеских танков и 3 штурмовых орудия атаковали наши боевые машины. Завязался ожесточенный бой. Советские танкисты, искусно маневрируя, проскочили на большой скорости по узкой улице и, дворами выйдя в тыл фашистам, атаковали их. После двух прямых попаданий два вражеских танка загорелись. По нашим машинам открыла огонь гитлеровская противотанковая батарея. Один из снарядов попал в башню танка, командир экипажа и командир орудия погибли. Данелия, находившийся в этой машине, принял командование на себя. По его приказу механик-водитель направил тридцатьчетверку к ближайшему «фердинанду». С расстояния 150—200 м Данелия произвел выстрел из пушки. Снаряд угодил в двигатель штурмового орудия. Оно сразу же окуталось густым черным дымом.

Развернувшись, танк двинулся на артиллерийскую батарею, на большой скорости ворвался на ее позицию, раздавил гусеницами два полевых орудия и уничтожил их расчеты. После этого мужественный танкист вновь устремился на вражеские боевые машины. Посылая снаряд за снарядом, он уничтожил еще одно штурмовое орудие и танк Т-VI. В это время в правый борт тридцатьчетверки

⁴ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 9, л. 161.

П. В. Коновалов

З. А. Краснов

А. А. Манукян

С. М. Рубусин

ударил вражеский снаряд, и она загорелась. Механик-водитель погиб. Сам Данелия был ранен. Однако воин вывел свой Т-34 с поля боя и потушил огонь⁵.

За мужество, отвагу и героизм, проявленные в этом бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года гвардии старшему сержанту А. И. Данелия присвоено звание Героя Советского Союза.

В настоящее время А. И. Данелия проживает в Потти.

Дюдюкин Георгий Константинович

Родился в 1923 году. Чуваш. Член КПСС. Командир орудия 82-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Гвардии старший сержант.

В боях по освобождению Польши от немецко-фашистских захватчиков исключительно мужественно и самоотверженно действовал расчет противотанкового орудия под командованием гвардии старшего сержанта Г. К. Дюдюкина.

Части 74 гв. сд 18 января 1945 года вели ожесточенные бои за Бисезин. Стрелковый полк совместно с 82 гв. иптад атаковал город с юго-запада. Гитлеровцы при поддержке танков перешли в контратаку. Советские бойцы отразили ее и, преследуя врага, ворвались в город. Расчет Дюдюкина в этот день уничтожил 12 огневых точек, поджег до 10 автомашин и истребил много гитлеровцев.

В уличных боях за Познань 6 февраля 1945 года расчет Дюдюкина вновь показал образец мужества, героизма и высшего воинского мастерства. Действуя в составе штурмовой группы, его орудие метким огнем подавляло огневые точки. В районе моста через Варту враг оказал упорное сопротивление. В бою погиб командир штурмовой группы. Тогда Дюдюкин, указав цели своему наводчику, принял командование штурмовой группой и увлек ее в атаку. Воодушевленные отвагой артиллериста, наши бойцы бросились на штурм опорного пункта, овладели им и очистили от врага 2 квартала⁶.

Мужество и инициатива, проявленные Г. К. Дюдюкиным в боях за освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков, высоко оценены Родиной. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Свой боевой путь Г. К. Дюдюкин закончил в Берлине. После демобилизации он окончил школу сельских механизаторов. В настоящее время работает бригадиром в колхозе им. М. В. Фрунзе, Шенталинского района, Куйбышевской области.

⁵ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 13, лл. 52--53.

⁶ Там же, д. 14, лл. 270--271.

Ибраев Исхак

Родился в 1911 году. Казах. Член КПСС. Командир стрелкового взвода 177-го гвардейского стрелкового полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Гвардии лейтенант.

14 января 1945 года при прорыве сильно укрепленной обороны противника на магнусшевском плацдарме восточнее селения Буды Аугустовске (район Груйец, Варшавского воеводства) умело и решительно действовал стрелковый взвод, которым командовал гвардии лейтенант И. Ибраев.

Во время артподготовки офицер вместе со своими подчиненными выдвинулся по проходам в минных полях к переднему краю вражеской обороны. Как только артиллерия перенесла огонь в глубину, он поднял взвод в атаку. С криком «ура!» бойцы устремились вперед, с ходу преодолели проволочное заграждение и ворвались во вражескую траншею. Впереди атакующих был их командир И. Ибраев. В рукопашной схватке он лично уничтожил офицера и несколько солдат.

Овладев первой траншеей, подразделения устремились к Будам Аугустовским, но вынуждены были залечь под огнем нескольких дзотов, расположенных на подступах к населенному пункту.

Гвардии лейтенант И. Ибраев получил приказ уничтожить дзот на северо-восточной окраине селения. Приказав двум отделениям вести фронтальный огонь по дзоту, офицер с третьим отделением начал обходить его с севера. Используя складки местности, гвардейцы скрытно подобрались к вражеской огневой точке с тыла и гранатами уничтожили ее, чем обеспечили продвижение пехоте¹.

За решительные и смелые действия, проявленные при выполнении боевого задания, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года гвардии лейтенанту И. Ибраеву присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания Великой Отечественной войны И. Ибраев был на партийной работе. В 1965 году он умер.

Идрисов Тулемхан Идрисович

Родился в 1913 году. Татарин. Член КПСС. Командир орудия истребительно-противотанковой батареи 290-го гвардейского стрелкового полка 95-й гвардейской стрелковой дивизии. Гвардии старший сержант.

Г. И. Идрисов в действующей армии с ноября 1942 года. Сражался на Донском, 2-м и 1-м Украинских фронтах. Участник Сталинградской битвы, кавалер двух орденов и двух медалей, он и в период Висло-Одерской операции дрался по-сталинградски: мужественно, решительно и инициативно.

12 января 1945 года батарея, в которой служил Идрисов, поддерживала огнем боевые действия 169-й отдельной роты на сандомирском плацдарме в районе Жерники. После перехода ее в атаку батарея прямой наводкой подавляла огневые точки и очаги сопротивления противника. В этом бою расчет Идрисова уничтожил три фашистских пулемета и до взвода гитлеровцев.

После прорыва первой полосы вражеской обороны батарея, следуя за 169-й отдельной ротой, в районе села Янина подавила батарею противотанковых орудий, а затем устроила засаду на дороге Янина—Служив. Когда на дороге появился обоз противника с боеприпасами и военным имуществом, он был расстрелян прямой наводкой. При этом расчет Идрисова уничтожил несколько повозок и до 20 гитлеровцев.

Смело и инициативно артиллеристы действовали также при форсировании р. Ннда. Батарея вместе с головными стрелковыми подразделениями закрепились на ее западном берегу. Стремясь ликвидировать плацдарм, гитлеровцы предприняли контратаку силами до батальона пехоты, поддерживаемого артиллерией, танками и штурмовыми орудиями. Когда противник приблизился на 300—400 м, Идрисов открыл огонь. С третьего выстрела он поджег штурмовое орудие «фердинанд»,

¹ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 19, л. 3.

а затем ударил осколочными снарядами по группе мотоциклистов, стремившихся обойти подразделение с правого фланга. Усилиями пехоты и артиллерии, закрепившихся на плацдарме, вражеская контратака была отбита. На следующий день расчет Гилемхана Идрисовича подавил несколько огневых точек врага, а также поджег 6 машин с грузом и боеприпасами и 2 легковых автомобиля⁸.

За проявленные мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года гвардии старшему сержанту Г. И. Идрисову присвоено звание Героя Советского Союза.

В настоящее время Г. И. Идрисов — пенсионер. Проживает в Кустанае.

Камагин Александр Иванович

Родился в 1924 году. Русский. Член КПСС. Командир саперного отделения взвода инженерной разведки 249-го отдельного саперного батальона 134-й стрелковой дивизии. Сержант.

В ходе боев с немецко-фашистскими захватчиками сержант А. И. Камагин и его подчиненные неоднократно выполняли сложные и ответственные задания командования. В конце июля 1944 года части 134 сд вели бои за плацдарм в районе Сандомира. А. И. Камагин входил в расчет понтонеров, переправлявших на западный берег личный состав и боевую технику. Стремясь сорвать форсирование, гитлеровцы непрерывно вели сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Александр Камагин одним из первых высадил десант для захвата плацдарма и сразу же отправился за очередной партией пехотинцев. За 4 дня его отделение доставило на плацдарм более 800 наших бойцов и командиров, десять 45-мм пушек и много боеприпасов. Затем отважный воин действовал в подвижном отряде заграждения. Во время контрудара противника, стремившегося ликвидировать плацдарм, отделение Камагина под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем устанавливало мины на направлении движения вражеских танков. Мужественные действия воина в этих боях были отмечены орденом Красной Звезды.

Во время прорыва сильно укрепленной обороны противника в районе г. Радом 14 января 1945 года отделение Камагина получило задачу проделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Несмотря на сильное огневое противодействие, приказ был выполнен. Лично Камагин снял 150 противотанковых и 40 противопехотных мин и проделал 3 прохода в минных полях и проволочных заграждениях, через которые без потерь прошли 21 танк и много пехотинцев. После перехода наших частей в наступление Камагин с первой цепью атакующих ворвался во вражескую траншею и уничтожил гранатами 2 пулеметные точки.

30 января, действуя в составе штурмовой группы, Александр Иванович уничтожил дот и подорвал несколько металлических надолб, что способствовало продвижению наших танков и пехоты⁹.

За умелое и своевременное выполнение боевых заданий и проявленную при этом доблесть Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года А. И. Камагину присвоено звание Героя Советского Союза.

В настоящее время А. И. Камагин живет и работает в Москве.

Коновалов Павел Васильевич

Родился в 1908 году. Русский. Член КПСС. Парторг 2-го танкового батальона 220-й отдельной танковой бригады. Капитан.

Когда началась Великая Отечественная война, П. В. Коновалов работал инженером в отделе главного технолога на одном из заводов в Перми. Квалифицированный и очень нужный для предприятия специалист, он имел отсрочку от призыва в армию. Но молодой коммунист подавал одно за другим заявления с прось-

⁸ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 19, лл. 204—205.

⁹ Там же, д. 20, лл. 174—175.

бой отправить его на фронт. Наконец просьба Павла Васильевича была удовлетворена. В январе 1943 года, окончив военно-политическое училище, Коновалов был в действующую армию. Участвовал в Курской битве, освобождал Нарву и Тарту, воевал в Польше. Смелый и решительный офицер, личной доблестью завоевавший всеобщее уважение, был назначен парторгом батальона.

В период Висло-Одерской операции капитан Коновалов вновь показал пример героизма и мужества. При прорыве переднего края обороны противника на магнусевском плацдарме он на своем танке одним из первых прошел минные поля, подавил артиллерийскую батарею и уничтожил более взвода гитлеровцев.

В боях за г. Скерневице группа танков, возглавляемая Павлом Васильевичем, обошла город вдоль северной окраины и с тыла атаковала врага. Стремительный удар танкистов вызвал панику и растерянность среди гитлеровцев и способствовал захвату города нашими частями. В этом бою экипаж парторга подавил 3 пулеметные точки и уничтожил противотанковое орудие.

Бой 30 января 1945 года стал для П. В. Коновалова последним. Это было под г. Штольцберген. Стрелковое подразделение, которое поддерживал 2-й танковый батальон, на подступах к городу встретило сильное сопротивление врага и залегло. Его командир погиб. Тогда капитан Коновалов вышел из танка и с криком «ура!» увлек пехоту в атаку. Завязалась жаркая рукопашная схватка. Враг был выбит из траншеи. Но в бою с врагом Коновалов пал смертью храбрых¹⁰.

За высокое мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года П. В. Коновалову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Краснов Зосим Алексеевич

Родился в 1924 году. Мариец. Член ВЛКСМ. Снайпер 3-й стрелковой роты 543-го стрелкового полка 120-й стрелковой дивизии. Рядовой.

19 января 1945 года 543 сп вел напряженный бой в районе Оппельн. Рота, в которой служил рядовой З. А. Краснов, стремительной атакой ворвалась в первую траншею, выбила оттуда врага и начала продвигаться вперед. Тем временем противник оправился и, нанеся удар во фланг нашим наступающим подразделениям, вновь овладел траншеей. Рота оказалась отрезанной от своей части. Заняв круговую оборону, воины в течение часа отражали натиск превосходящих сил врага, а затем, прорвав кольцо окружения, вышли в расположение своего полка. Успеху подразделения способствовали действия снайпера Краснова. Метким огнем он истребил расчет фашистского пулемета, а затем незаметно подполз к дзоту, ведущему огонь по нашим цепям, и забросал его гранатами.

Когда 543 сп вышел к Одру, 3-й стрелковой роте предстояло преодолеть реку и закрепиться на западном берегу. В первых рядах наших бойцов был и рядовой Краснов. Вместе с другими пехотинцами отважный сын марийского народа под сильным огнем противника по тонкому льду преодолел реку и вступил в рукопашную схватку с гитлеровскими солдатами. В боях с 15 по 25 января З. А. Краснов лично уничтожил более 20 гитлеровцев¹¹.

За мужественные и решительные действия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года рядовому З. А. Краснову присвоено звание Героя Советского Союза.

В настоящее время З. А. Краснов живет и работает в Донецке.

¹⁰ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 24, л. 183.

¹¹ Там же.

Манукян Андраник Александрович

Родился в 1918 году. Армянин. Член КПСС. Начальник разведки 1-й гвардейской танковой бригады. Гвардии капитан.

Разведчик Андраник Манукян прошел большой боевой путь по дорогам Великой Отечественной войны. Воевал в Севастополе, участвовал в кровопролитных сражениях на Волге, в Курской битве, освобождал Украину. Смелый, инициативный офицер, не раз отличавшийся в боях, в июле 1944 года был назначен начальником разведки танковой бригады. Вместе со своими подчиненными он не раз проникал во вражеский тыл, громил штабы, нападал на опорные пункты, добывал ценные сведения о противнике.

Особенно отличился капитан Манукян в Висло-Одерской операции. 15 января он с группой разведчиков вышел в расположение противника в районе селения Цыцелювка. Затем, ворвавшись в штабной блиндаж, разведчики истребили до десятка гитлеровцев и захватили в плен командира 73-го мотополка 19-й танковой дивизии, а также важные документы. Фашистского офицера капитан Манукян доставил в штаб 1-го гв. тбр. Показания, которые были получены от пленного, представляли большую ценность для нашего командования.

17 января разведгруппа, возглавляемая Манукяном, двигалась в направлении на Ежув. На подступах к городу она была задержана вражеским подразделением, засевшим в домах на окраине. Разведав силы противника, капитан Манукян обошел город с тыла и дерзкой атакой выбил из него противника. Разведгруппа удерживала населенный пункт до подхода основных сил бригады. В этот же день, действуя впереди своей части, танкисты устроили засаду на шоссе у населенного пункта Савищув. Вечером на дороге показалась вражеская колонна. Подпустив ее на 150—200 м, танки открыли ураганный огонь из пушек и пулеметов. В скоротечном бою было уничтожено 4 орудия, сожжено и захвачено более 30 автомашин и до взвода гитлеровцев¹².

За умелое ведение разведки, личную храбрость и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года А. А. Манукяну присвоено звание Героя Советского Союза.

Сейчас подполковник А. А. Манукян служит в Министерстве внутренних дел. Он часто встречается с молодежью, проводит большую военно-патриотическую работу.

Рубусин Сергей Михайлович

Родился в 1924 году. Русский. Беспартийный. Огнеметчик 47-го отдельного батальона ранцевых огнеметов 23-й мотоштурмовой инженерно-саперной бригады РКК. Рядовой.

Сергей Рубусин стал солдатом в восемнадцать лет. Воевал на 1-м и 2-м Украинских фронтах. Неоднократно отличался в боях. В июне 1944 года был переведен в подразделение огнеметчиков. Молодой воин быстро овладел ранцевым огнеметом и умело применял это грозное оружие на поле боя.

Отделение, где служил Рубусин, 2 февраля действовало в составе штурмовой группы, которая получила приказ уничтожить опорный пункт гитлеровцев в большом угловом доме. С наступлением темноты наши бойцы быстрым рывком преодолели простреливаемую зону и вышибли противотанковыми гранатами двери здания. Затем они забросали помещение гранатами, а Рубусин под прикрытием автоматчиков ворвался в дом и с помощью огнемета поджег его. Оказавшись в безвыходном положении, уцелевшие гитлеровцы сдались в плен. В это время из соседнего дома фашисты усилили огонь из пулемета и автоматов по нашей наступающей пехоте. Необходимо было уничтожить и этот опорный пункт. Но подходы к нему простреливались.

Презирая опасность, Рубусин бросился к зданию и ударил огненной струей по амбразурам и окнам подвальных помещений. Внутри запылал огонь. Гитлеровцы в

¹² Архив МО, ф. 33, оп. 793756, л. 30, л. 44.

панике стали выбегать из дома. В этот день Сергей Рубусин лично уничтожил более 15 фашистов¹³. Но в бою мужественный воин получил смертельное ранение.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевого приказа, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года рядовому С. М. Рубусину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

¹³ Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 41, л. 45.

ОТВАЖНЫЙ РАЗВЕДЧИК ЗАПОЛЯРЬЯ

Капитан запаса С. ЛЕОНТЬЕВ

ЕСТЬ имена, одно упоминание о которых рождает представление о сильных волевых людях. К их числу относится имя командира 35-й отдельной разведывательной роты 14-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза старшего лейтенанта Дмитрия Семеновича Покрамовича¹.

Боевая жизнь этого офицера богата жаркими схватками с врагом, дерзкими рейдами в тыл противника по диким и суровым горам Заполярья.

С первых же дней Великой Отечественной войны Д. С. Покрамович находится в действующей армии на Карельском фронте. Сражался он с врагом мужественно и стойко, проявляя инициативу и смекалку. Старшие начальники быстро заметили у молодого бойца качества, необходимые командиру. В сентябре 1941 г. он был назначен командиром отделения. Доверие воин оправдал. Его отделение не раз отличалось в боях. Через три месяца последовало очередное выдвижение. 1 января 1942 г., заменив погибшего в бою командира, Дмитрий принял командование взводом разведчиков. Вскоре ему присвоили воинское звание — младший лейтенант².

Первые шаги молодого командира взвода были трудными. Подразделение накануне пополнилось молодыми бойцами. Многие из них не имели боевого опыта. Новыми оказались для них и условия Заполярья.

Это отражалось на боевых делах. Разведчики не могли, например, долго взять «языка». Казалось, все было предусмотрено: несколько дней за объектом нападения велось наблюдение, точно засекались огневые точки врага, тщательно прокладывался маршрут, но удачи не было. А причина была совсем в другом: некоторые разведчики не могли скрытно переползти по местности, затягивали движение. Неловко перерезанная проволока, неудачная пригонка снаряжения, неумелое обращение с минами выдавали появление разведчиков, и противник успевал предпринять контрмеры.

Дело улучшилось, когда была налажена боевая подготовка. На хорошо оборудованном учебном поле разведчики провели десятки занятий, командир требовал от бойцов двигаться скрытно, хорошо маскироваться, в любой обстановке проявлять отвагу, решительность, стремиться во что бы то ни стало выполнить приказ.

Тщательная и серьезная подготовка принесла успех. Подразделение Покрамовича действовало все более уверенно и умело. Успешно, например, был проведен дневной поиск 11 июня 1943 г. с целью уничтожения вражеского опорного пункта, расположенного на безымянной высоте в 15 км юго-западнее поселка Большая Западная Лица, и захвата «языка».

Готовясь к нему, Покрамович и его подчиненные под руководством командира 35-й отдельной разведроты 14-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Г. М. Ратушного в течение нескольких дней вели наблюдение за противником. Разведчики установили расположение вражеских огневых точек и направление огня, определили характер заграждений перед передним краем обороны, пути подхода и выхода к позициям гитлеровцев, изучили порядок смены часовых. Было организо-

¹ Д. С. Покрамович родился 28 декабря 1921 г. в деревне Иваново, Невельского района, Калининской области. Жил в Ленинграде, работал шофером. В сентябре 1940 г. призван в Красную Армию. В действующей армии с июня 1941 г. Дважды ранен. Был рядовым, командиром отделения, взвода, роты. В мае 1942 г. вступил в партию.

² Из личного дела Д. С. Покрамовича.

вано взаимодействие с поддерживающими подразделениями, установлены сигналы вызова, переноса и прекращения огня артиллерии, станковых и ручных пулеметов. Для проведения поиска создали 3 группы: захвата, прикрытия и обеспечения. В группу захвата отобрали наиболее смелых, решительных и физически крепких разведчиков. Все бойцы были вооружены автоматами, гранатами и кинжалами.

На местности, сходной с районом предстоящих действий, разведчики в течение нескольких дней отработывали взаимодействие между группами, преодоление препятствий и заграждений, отход и сопровождение пленных, вынос раненых и обеспе-

Д. С. Покрамович

чение отхода. Серьезное внимание уделялось подготовке и подгонке маскировочных костюмов. На ткань пришивались мох, трава, мелкие ветки. На ботинки натягивались специальные чулки. Оружие обвертывалось пестрой материей. В таком костюме разведчик сливался с местностью, и его было трудно заметить даже на близком расстоянии. В первой половине дня, когда солнце ослепляло вражеских наблюдателей, разведчики по-пластунски выдвинулись к вражеской траншее. Впереди — группы захвата и обеспечения. За ними — прикрытия. Бойцы заняли рубеж в 200 м от противника и установили наблюдение за районом действий. Затем они подошли к проволочным заграждениям, незаметно сделали в них проходы. Скрытному выдвигению разведчиков способствовал методический артиллерийско-минометный и пулеметный огонь наших подразделений в районе действий разведгруппы.

Когда до вражеской траншеи осталось 10—15 м, Покрамович подал команду «Вперед!». Коротким, стремительным броском разведчики ворвались в траншею. В скоротечной рукопашной схватке несколько гитлеровцев было уничтожено. Сразу же после этого воины во главе с Покрамовичем взяли пленного и направились к своим позициям. Группа обеспечения под командованием сержанта Г. И. Лыкова начала продвигаться по траншее вправо, уничтожая противника. Она забросала гранатами дот, несколько пулеметных точек и ротный блиндаж. Тем временем группа прикрытия подавляла автоматным огнем врага слева от группы захвата. Одновременно по траншеям, огневым точкам и НП фашистов, не давая им возможность оказать противодействие, открыли сильный огонь наши артиллерия, минометы и пулеметы.

Тщательная подготовка поиска, внезапность и стремительность обеспечили успех: в этот день подчиненные Покрамовича уничтожили 9 гитлеровцев и 5 огневых точек, разрушили артиллерийский наблюдательный пункт, захватили трофеи, ценные документы и пленного. С нашей стороны потерь не было. Вскоре на груди Дмитрия Покрамовича появилась первая награда — орден Красного Знамени³.

И в последующие дни его разведчики умело сражались с врагом. 3 августа 1943 г. они разгромили еще один опорный пункт. При этом было истреблено до 30 солдат и офицеров, взорваны 3 огневые точки, склад, 2 землянки, захвачены ценные документы, подтверждающие группировку противника, и контрольный пленный. В ходе боя Покрамовича ранило, однако он продолжал управлять взводом, умело организовывал отход и полностью эвакуировал раненых в расположение своей части. Успешные действия в поиске и личная доблесть офицера были отмечены вторым орденом Красного Знамени⁴. В декабре 1943 г. его выдвинули на долж-

³ Архив МО, ф. 1280, оп. 1, д. 45, л. 66.

⁴ Там же, д. 5, л. 90.

ность командира 35-й отдельной разведывательной роты 14-й стрелковой дивизии.

Командуя подразделением, офицер неустанно работал с личным составом, обучая его мастерству ведения разведки.

В начале февраля 1944 г. в связи с усилившейся активностью и увеличением движения противника по дорогам на участке 14-й стрелковой дивизии необходимо было захватом пленных и документов установить состав его группировки и замыслы. Эту задачу начальник штаба дивизии подполковник В. И. Тарасов поставил старшему лейтенанту Покрамовичу.

12 февраля 1944 г. после тщательной предварительной подготовки разведгруппа под командованием Покрамовича выступила на выполнение боевой задачи к сильно укрепленному взводному опорному пункту противника на высоте в 12 км юго-восточнее поселка Большая Западная Лица. Умело расположив подчиненных на исходном рубеже, командир роты атаковал опорный пункт с фронта, тыла и с правого фланга. Застигнутые врасплох гитлеровцы не смогли оказать организованного сопротивления и, понеся большие потери, оставили высоту.

В ходе боя две группы противника с других опорных пунктов, силою до взвода каждая, пытались контратаковать разведчиков. Старший лейтенант Покрамович вызвал на гитлеровцев артиллерийско-минометный огонь. Вражеский натиск был отбит. Разведотряд благополучно возвратился в расположение дивизии. Потеряв одного человека убитым, наши воины в этот день уничтожили до 50 гитлеровцев и 4 взяли в плен, взорвали 3 землянки, 3 дзота, 2 миномета, склад, компрессорную станцию, захватили станковый и ручной пулеметы и ценные документы.

За умелое руководство действиями подразделения при уничтожении сильно укрепленного опорного пункта врага и захват пленных, четкую организацию взаимодействия с поддерживающими артиллерийскими средствами старший лейтенант Покрамович был удостоен ордена Александра Невского⁵.

Слава Дмитрия Покрамовича и его подчиненных росла. Об их боевых подвигах сообщала фронтовая печать. Офицер неоднократно выступал перед командирами разведподразделений, делился опытом.

В период Петсамо-Киркенесской операции талант командира-разведчика проявился особенно ярко. Действуя по тылам противника, Покрамович и его подчиненные своевременно вскрывали группировку врага, выявляли систему его обороны, громили тыловые гарнизоны. В боях на подступах к Петсамо рота перерезала дорогу Титовка Река — Петсамо, в результате чего гитлеровцы лишились пути для отвода войск и вывода боевой техники.

При наступлении на город Киркенес Покрамович во главе роты проник через боевые порядки вражеских передовых частей и атаковал опорный пункт. В результате было уничтожено до роты солдат, захвачено 5 пулеметов, мощная радиостанция и другое военное имущество.

24 октября, действуя впереди наступающих частей, подразделение Покрамовича вышло к заливу Бек-фьорд и под огнем артиллерии приступило к его форсированию. Погрузившись на лодки, разведчики взяли направление на порт Киркенес. Гитлеровцы обнаружили их и открыли огонь. Прямым попаданием снаряда одна лодка была разбита. Но оставшиеся продолжали двигаться к порту. Первыми на пирс высадились бойцы младшего лейтенанта Г. И. Лыкова, он уже стал офицером, командовал взводом. Мокрые, полузамерзшие бойцы устремились вперед. За ними вступили в бой основные силы роты. К 2 часам ночи разведчики, разя врага гранатами и автоматным огнем, заняли порт, чем способствовали в овладении городом частям дивизии⁶.

А на следующий день Покрамович и его подчиненные совершили один из самых своих ярких подвигов. 26 октября они получили приказ разведать побережье и прилегающие к нему сопки западнее Киркенеса. С группой разведчиков в составе 20 человек Дмитрий Семенович выступил на выполнение поставленной задачи. Под

⁵ Архив МО, ф. 1280, оп. 1, д. 57, лл. 29—30.

⁶ Там же, д. 5, лл. 192, 264.

прикрытием густого тумана, разбившись на 2 группы, разведчики продвигались на запад: одна — на лодках, другая — вдоль берега, пешком. К вечеру, пройдя около 20 км, бойцы сделали привал.

Разведчики сержант Н. А. Баландин и ефрейтор И. Д. Кондратьев, высланные в дозор, расположились метрах в двухстах на вершине сопки у берега фьорда. Примерно через час сквозь пелену тумана бойцы увидели силуэт корабля, с которого доносились обрывки немецкой речи. Вражеское судно причаливало к берегу.

Покрамович принял решение захватить корабль. Он приказал младшему лейтенанту Г. И. Лыкову с 12 разведчиками на лодках плыть к кораблю, а лейтенанту Н. И. Жданову с оставшимися бойцами скрытно выдвинуться к берегу и залечь у обрыва, где причалило судно. Затем по общему сигналу забросать корабль гранатами, обстрелять из автоматов и захватить. Сам командир пошел с первой группой.

Не теряя времени, разведчики спустили лодки на воду. Маленький десант растаял в тумане. Оставшиеся на суше залегли у обрыва вблизи корабля.

Лодки медленно разрезали спокойную воду фьорда. Разведчики напряженно всматривались вперед. Наконец сквозь туман показались очертания корабля. По команде Покрамовича лодки разошлись. Они должны были подойти к судну с разных сторон, создавая видимость окружения. Когда до него осталось менее 10 м, в воздух поднялась красная ракета. Это был сигнал к атаке. Раздался автоматные очереди. На палубу полетели гранаты. Одновременно с обрыва по фашистам ударила группа лейтенанта Жданова. На корабле началась паника. Гитлеровцы вначале пытались оказать сопротивление. Разведчики усилили огонь. Через несколько минут из трюма показался белый флаг. Кто-то на ломаном русском языке прокричал: «Не стреляйте! Сдаемся!».

По трапу, спущенному по приказу Покрамовича, разведчики быстро взбежали на палубу, разоружили экипаж и, высадив его на берег, под конвоем отправили в расположение своих войск. На корабле, это был тральщик водоизмещением 800 т, остался Покрамович с десятью бойцами.

Медленно текли часы. В полночь послышался шум двигателя. Это приближался катер.

Разведчики рассредоточились вдоль палубы. Чтобы показать, что на судне идет обычная жизнь, один из солдат прогромыхал якорной цепью. Катер вплотную подошел к тральщику. Капитан крикнул что-то по-немецки.

В ответ полетели гранаты. Затем наши бойцы прыгнули через борт на палубу катера. В короткой рукопашной схватке они перебили всю команду. Последним у аппарата был уничтожен радист. Однако он, видимо, успел передать о нападении своим военным кораблям.

Разведчики открыли кингстоны. Через несколько минут катер скрылся в морской пучине.

Прошло еще несколько часов. К рассвету туман рассеялся. Видимость стала лучше. И тут бойцы обнаружили, что к ним приближается вражеская канонерская лодка. Силы были неравными. Покрамович приказал подчиненным незаметно покинуть тральщик и залечь неподалеку за валунами. «Пусть гитлеровцы сами уничтожат свое судно», — решил он.

И действительно. Приблизившись метров на четыреста, канонерская лодка открыла огонь. Фашисты били ожесточенно. Несколько снарядов попало в трюм тральщика, где находились боеприпасы. Раздался сильный взрыв. Над фьордом поднялось громадное зарево. Тем временем разведчики начали отход к своей дивизии⁷.

А через несколько дней сослуживцы поздравили отважного командира разведчиков с радостным событием. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза⁸.

Дмитрий Семенович Покрамович погиб в бою за освобождение немецкого города Росток. Там и похоронен.

⁷ Архив МО. ф. 1280, оп. 1, д. 57, л. 194.

⁸ Там же. ф. 33, оп. 793756, д. 37, л. 388.

ВОСПОМИНАНИЯ

Удар на Краков

Генерал-полковник
в отставке И. КОРОВНИКОВ

В ЯНВАРЕ 1975 года исполняется 30 лет со дня освобождения древней столицы Польши — Кракова. Город освободили армии левого крыла 1-го Украинского фронта в ходе Висло-Одерской операции. Активное участие в боях за Краков принимала и 59-я армия, которой я командовал более двух с половиной лет.

После разгрома врага на Карельском перешейке армия находилась в Резерве Ставки ВГК в районе Выборга. В ее состав входили два стрелковых корпуса (43-й и 115-й), каждый из них имел по три дивизии, а также армейские части и учреждения. В конце декабря 1944 года решением Ставки армия была переброшена на сандомирское направление и включена в состав 1-го Украинского фронта.

И вот я у командующего фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева. В самом начале беседы я почувствовал, что он уже получил подробные сведения об армии. Выслушав внимательно мой доклад о ее боевом составе, И. С. Конев поинтересовался, как укомплектованы стрелковые дивизии. Я ответил, что дивизии и армейские части полностью укомплектованы личным составом, боевой техникой и вооружением, но боеприпасов мало. Маршал с удовлетворением заметил: «Хорошо, что дивизии укомплектованы, это главное. Боеприпасами обеспечим». Затем он спросил:

— Начальник штаба и член Военного совета армии прибыли в штаб фронта?

— Да, прибыли. Начальник штаба генерал-майор Н. П. Ковальчук и его заместитель начальник оперативного отдела полковник Л. М. Крылов представляются начальнику штаба фронта генералу армии В. Д. Соколовскому, а член Военного совета генерал-майор П. С. Лебедев — члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту К. В. Крайнюкову.

— Поступили правильно, что вместе приехали.

Затем маршал Конев позвонил по телефону генералу Соколовскому и генералу Крайнюкову. Он просил их примерно через час зайти к нему вместе с представителями 59-й армии.

— А теперь перейдем к оперативным делам, — сказал командующий фронтом. Он взял карандаш и быстро подошел к карте, лежавшей на большом столе. Я последовал за ним.

— Против войск фронта, — начал маршал Конев с характеристики противника, — обороняются 4-я танковая и основные силы 17-й полевой армий группы армий «А». В первом эшелоне находятся три корпуса: 42-й и 59-й армейские и между ними 48-й танковый. В резерве, против сандомирского плацдарма, располагается 24-й танковый корпус. Обратите внимание на следующие два момента. Первый. В полосе наступления ударной группировки фронта противник имеет два танковых корпуса, которые занимают всю тактическую зону. Здесь создана прочная оборона с плотностью до 10 км на дивизию. Отсюда вытекает вывод. Надо разгромить эту сильную танковую группировку и не дать ей возможности отойти для занятия оборонительных рубежей в оперативной глубине. Второй. Штаб группы армий «А», по данным нашей разведки, располагается в Кракове, т. е. на фланге своих войск. Надо парализовать управление, тогда немецко-фашистское командование не сможет предпринять контрмеры против нашего наступления,

Далее маршал Конев кратко изложил замысел операции. Фронт наступал в полосе 230 км, главный удар наносил с сандомирского плацдарма на участке в 39 км в общем направлении Малогощ, Радомско, Бреслааль (ныне Вроцлав).

В первом эшелоне находились шесть общевойсковых армий (6-я, 3-я гвардейская, 13, 52, 5-я гвардейская и 60-я). Ударную группировку составляли: 3-я гвардейская, 13, 52 и 5-я гвардейская армии с тремя танковыми корпусами (25, 31 и 4-й гвардейский).

Во втором эшелоне были сосредоточены две общевойсковые армии (21-я и 59-я). 3-я гвардейская и 4-я танковые армии составили эшелон развития успеха.

— Ваша армия, — сказал маршал Конев, — вместе с 60-й обеспечивает левый фланг ударной группировки. Эту задачу планируется решать следующим образом. При прорыве тактической зоны обороны противника ударную группировку фронта обеспечивает 60-я армия. Несмотря на то что у нее слишком широкая полоса, она также создает ударную группировку на своем правом фланге и прорывает оборону на узком участке.

После прорыва тактической глубины обороны главную роль по обеспечению ударной группировки фронта выполняет 59-я армия. Ваша задача войти в сражение с рубежа реки Нида и развивать наступление в высоких темпах в общем направлении на Мехув, Катовице в готовности отразить контрудар немцев с юга.

Разъясняя задачу, командующий фронтом обратил внимание на то, что за южной разгранлиней армии находится административный и политический центр Польши — город Краков. При благоприятном развитии наступательной операции войскам 59-й армии придется участвовать в его освобождении. «Только запомните, благоприятные условия сами по себе не создаются», — подчеркнул в заключение маршал.

В это время в комнату вошли генералы Соколовский, Крайнюков, Лебедев и Ковальчук.

Взглянув на часы, командующий фронтом сказал: «Как быстро идет время, вот совершенно незаметно пролетел час».

Константин Васильевич Крайнюков первый обратился к Коневу, насколько мне помнится, со словами: «Иван Степанович, представляю вам члена Военного совета 59-й армии генерал-майора Петра Семеновича Лебедева. Я его ввел в курс обстановки и поставил задачи».

Тут же представился командующему фронтом и начальник штаба армии генерал Ковальчук. В его левой руке я заметил карту с обстановкой, которую вручил ему, как потом выяснилось, генерал Соколовский.

— Вот и хорошо, что все вовремя собрались. Я задержу вас минут на десять, не больше. Хочу обратить внимание командования 59-й армии на следующее. Вы и введенные вам войска все время вели боевые действия на трудном Северо-Западном театре. Сейчас прибыли на новый, Юго-Западный театр военных действий, где предъявляются другие требования к организации и ведению наступления. Если, например, там лесисто-болотистая местность сковывала маневр и темпы продвижения войск, то здесь — простор для маневра и достижения высоких темпов. Вашу армию мы оставили во втором эшелоне не случайно. Хотим дать вам больше времени для изучения нового театра, а главное — для подготовки войск. Нужно торопиться. Не теряйте ни одной минуты. Военному совету и штабу надо сразу же приступить к разработке плана армейской операции и одновременно готовить дивизии к решительным и стремительным действиям. Военный совет и штаб фронта окажут необходимую помощь, но все зависит от вас. Мы приедем в армию и на месте познакомимся с командирами корпусов, дивизий и с войсками в целом. Помните, темпы, только высокие темпы и разумный маневр принесут успех. В этом направлении нужно вести всю подготовку.

С этими указаниями и напутствием командующего фронтом мы отправились в армию. Дел было очень много, а времени мало, всего 10 суток.

В период подготовки к наступлению маршал Конев дважды приезжал к нам. Первый раз, вскоре после совещания, вместе с генералом Крайнюковым. Они знакомились с войсками. Второй раз — примерно 5—6 января 1945 года. Тогда он проверял ход тактической подготовки в дивизиях 43-го стрелкового корпуса генерала А. И.

Андреева. Очень часто нас посещали генералы и офицеры штаба фронта, оказывая существенную помощь в планировании операции и подготовке войск.

Перед каждым своим приездом маршал И. С. Конев сначала звонил по телефону и предупреждал об этом. Кстати, многие генералы и офицеры полевого управления фронта следовали его примеру. На мой взгляд, подобная практика благотворно сказывалась на работе. Помню, как мы усиленно готовились к этим встречам. У солдат и офицеров появлялась какая-то особая подтянутость, каждый хотел увидеть командующего фронтом.

Несколько слов о замысле армейской операции. С выходом войск первого эшелона 5-й гвардейской и 60-й армий на р. Нида полоса наступления значительно расширялась. Этот рубеж являлся рубежом ввода нашей армии в сражение. Она вводилась на стыке между 5-й гвардейской и 60-й армиями. Первый эшелон составлял 43-й стрелковый корпус (13, 80, 314-я стрелковые дивизии), второй — 115-й (92, 135, 286-я стрелковые дивизии). В резерве оставалась 245-я стрелковая дивизия, переданная в состав армии фронтом. Ввод в сражение 59-й армии штаб фронта планировал на третий день операции, т. е. 14 января. По плану армии предусматривалось ввод в бой дивизий осуществлять последовательно. Первой намечалось ввести 80-ю стрелковую дивизию полковника Д. Н. Кузьмина, затем из-за левого фланга — 314-ю дивизию полковника П. Ф. Ефименко. 13-я дивизия генерала С. Н. Александрова составляла второй эшелон 43-го корпуса.

На следующий день из-за левого фланга 43-го корпуса должен был вводиться в сражение 115-й стрелковый корпус генерала С. Б. Казачка. Порядок ввода был такой же. Сначала 92-я стрелковая дивизия полковника М. В. Виноградова, затем из-за ее правого фланга — 286-я дивизия генерала М. Д. Гришина. 135-я стрелковая дивизия полковника Ф. Н. Ромашина оставалась во втором эшелоне корпуса.

Таким образом, оперативное построение армии для ввода в сражение планировалось глубоким. Боевые порядки стрелковых корпусов и дивизий были также глубокими, в два эшелона. Предусматривалось последовательное наращивание усилий путем ввода в бой дивизий в сторону левого фланга. Армия должна была войти в сражение в течение двух дней вот таким веерообразным способом.

Всего к началу операции армия насчитывала 54 428 человек, 1142 орудия и миномета (без зенитных), 24 установки реактивной артиллерии и 42 самоходно-артиллерийские установки¹.

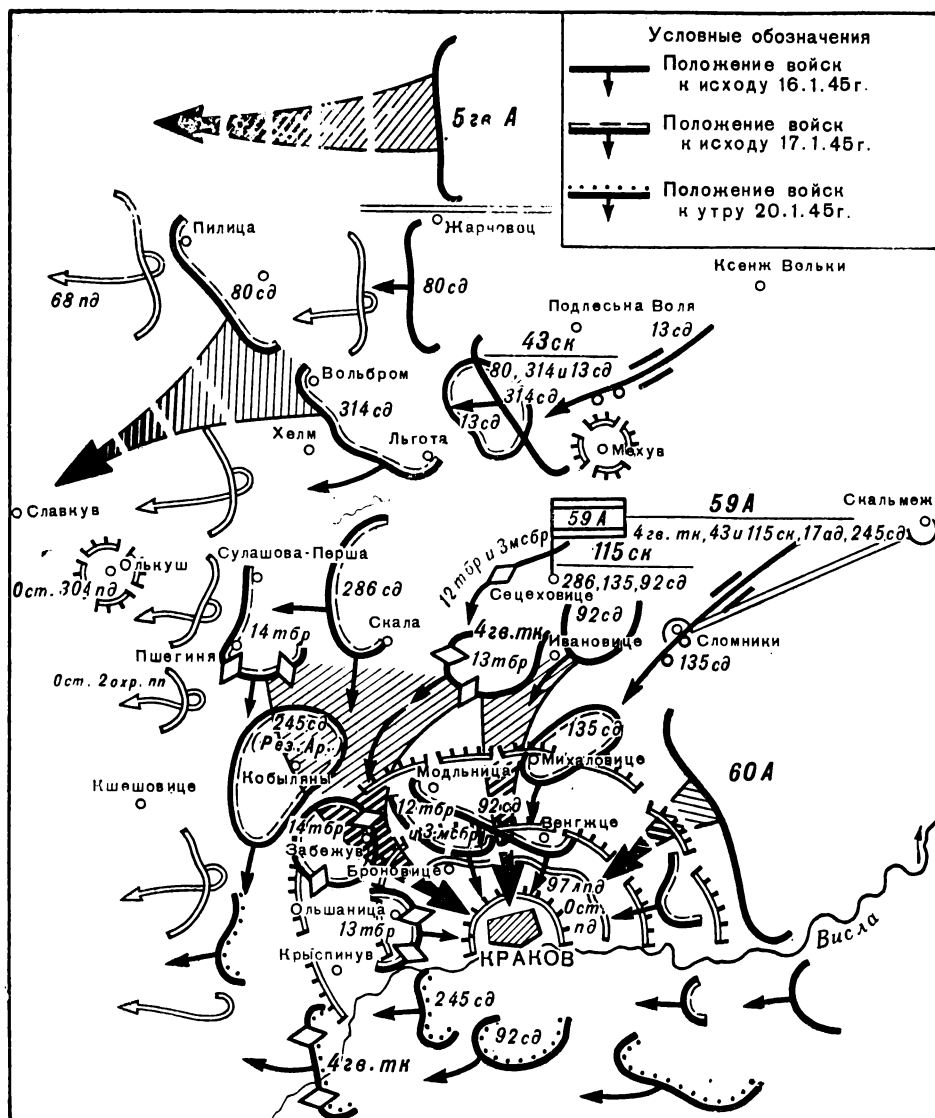
Помню, во время утверждения плана армейской операции я доложил маршалу И. С. Коневу, что у нас нет ни одного танка. Он ответил примерно так:

— Как войдете в сражение, будут у Вас танки, будут и другие средства усиления. Сейчас все танковые соединения и части, за исключением танковых армий, находятся в первом эшелоне. Они имеют задачу вместе с пехотой и артиллерией протаранить вражескую оборону.

Большую работу в войсках проделали политорганы, партийные и комсомольские организации. Каждый воин знал, что в Кракове во время эмиграции жил В. И. Ленин. В 1912 году он переехал туда из Парижа для более успешного руководства партийной работой в России и газетой «Правда». Прожил там более двух лет. Скромная краковская квартира Ильича являлась штабом революционного движения. Священные места этого города, связанные с именем великого Ленина, вдохновляли воинов на ратные подвиги. Они гордились тем, что им выпала честь освободить Краков. Моральный дух и наступательный порыв личного состава были высокими. Солдаты смело и решительно шли в бой и громили врага.

Висло-Одерская операция началась 12 января 1945 года. С утра после мощной артиллерийской подготовки войска первого эшелона фронта перешли в наступление, успешно преодолевая оборону противника. Во второй половине дня в направлении Дзялошице, Мехув, в полосе предстоящих действий 59-й армии, был введен в сражение 4-й гвардейский танковый корпус (12, 13 и 14-я гвардейские танковые бригады и 3-я гвардейская мотострелковая бригада) под командованием генерала П. П. Полубоярова.

¹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945, т. IV, М., 1959, стр. 104.

Освобождение Кракова

Это нас обрадовало, и штаб армии стал продумывать вопросы организации взаимодействия с ним.

Корпус имел в своем составе 184 танка (в том числе 19 тяжелых), 38 самоходных установок, 82 бронемшины и 8 установок М-13, т. е. был полностью укомплектован.

Вечером 12 января командующий фронтом приказал начать выдвижение войск 59-й армии на рубеж ввода в сражение. Чтобы не повторяться, хочу заметить, что ввод в сражение армии происходил строго по намеченному плану. В ночь на 14 января к Ниде вышли 80-я и 314-я стрелковые дивизии 43-го стрелкового корпуса. Быстро развернувшись, они с утра 14 января начали наступление в направлении Злота-Пинчевска, Дзялошице. 15 января из-за левого фланга 43-го корпуса, последовательно развертываясь, перешли в наступление 92-я и 286-я стрелковые дивизии 115-го стрелкового корпуса в общем направлении на Насеховице, Орлув.

К исходу 16 января, за три дня наступления, соединения 59-й армии, используя успех 4-го гвардейского танкового корпуса, который был подчинен 59-й армии, продвинулись с боями более чем на 60 км и вышли на рубеж Жарновец, Ежувка, Бискупнице, Чапле-Вельке, Ивановице. Темп наступления для стрелковых войск был очень высокий, 20 км в сутки. Полоса армии расширилась до 50 км. Войска заняли нависающее положение по отношению к Кракову.

Нам было известно, что Краков — старинная крепость. Ее еще в первую мировую войну укрепляли австрийцы, в 1939 году — поляки, а задолго до начала Висло-Одерской операции — гитлеровцы. Вокруг города было создано три обвода.

Ставка Верховного Главнокомандования, исходя из сложившейся обстановки, приказала маршалу И. С. Коневу (директива от 17 января) войсками левого крыла фронта (59-я и 60-я армии) не позднее 20—22 января овладеть городом Краков.

Вечером того же дня командующий фронтом позвонил мне по телефону «ВЧ» и поставил следующую задачу: частью сил (одним стрелковым корпусом) продолжать наступление на Славкув, Катовице, а главными силами (танковым и стрелковым корпусами) нанести удар на Краков с северо-запада и во взаимодействии с 60-й армией не позднее 20 января штурмом овладеть городом. На следующий день мы получили директиву фронта с указанной задачей армии. Ставя эту задачу, маршал И. С. Конев подчеркнул, что сперва массированным огнем артиллерии и авиации нужно разгромить противника на оборонительных обводах, а затем стремительным ударом с северо-запада освободить город с минимальными разрушениями.

Было решено в состав ударной группировки включить 4-й гвардейский танковый и 115-й стрелковый корпуса. 4-му гвардейскому танковому корпусу приказывалось нанести внезапный удар по Кракову с северо-запада, а 115-му стрелковому — с севера. 43-й стрелковый корпус получил задачу продолжать наступление на Славкув, обеспечивая фланг ударной группировки от контрударов противника с севера. 245-я стрелковая дивизия, находившаяся в резерве², получила задачу выйти в район Кобыляны в готовности к штурму Кракова.

Распоряжением фронта в состав армии были переданы 17-я артиллерийская дивизия (командир генерал-майор артиллерии С. С. Волкенштейн) и другие артиллерийские части. Таким образом, для штурма Кракова создавалась мощная группировка.

В ночь на 18 января соединения и части ударной группировки армии резко повернули на юго-запад и юг. Совершив охватывающий маневр, они вышли на северо-западные подступы к Кракову. Особо стремительно действовали танковые соединения. 14-я гвардейская танковая бригада (командир полковник А. Е. Скиданов) после захвата Сулашова-Перша, повернув на юг, овладела Забежув и перерезала дорогу Краков — Кшешовице. 13-я гвардейская танковая бригада (командир подполковник С. К. Куркоткин), развивая наступление, с ходу прорвала внешний оборонительный обвод и вышла на рубеж Крыспинув, Ольшаница. Одновременно 12-я танковая и 3-я мотострелковая гвардейские бригады полковников Н. Г. Душака и М. А. Леонова, также прорвав оборону, овладели районом Броновице.

Не теряя времени, быстро продвигались и стрелковые соединения и части. 92-я дивизия полковника М. В. Виноградова во взаимодействии с бригадами танкового корпуса при поддержке артиллерии прорвала два оборонительных обвода и вышла на рубеж Модльница, Венгце, нависая над городом с севера. 286-я дивизия стремительно наступала на Кшешовице, отрезая противнику пути отхода из Кракова на запад и прикрывая одновременно действия войск от возможных контрударов со стороны Олькуш. В район Михаловице выдвигалась и 135-я стрелковая дивизия. С востока подходили соединения 60-й армии.

Таким образом, в результате ночных боев соединения 59-й армии охватили город с севера и запада.

Утром 18 января после мощной артподготовки войска армии перешли в решительное наступление.

² Архив МО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1074, л. 65.

Противник оказывал упорное сопротивление, ведя интенсивный огонь из всех видов оружия и осуществил несколько контратак пехотой при поддержке танков и штурмовых орудий. Наиболее сильной была контратака против 317-го стрелкового полка 92-й дивизии из района городского парка Лобзув. Полк огнем с места вначале отразил контратаку, а затем окружил гитлеровцев в парке и уничтожил³.

Сломив сопротивление противника на окраинах, пехота и танки продолжали наступление на улицах Кракова. Упорное сопротивление враг оказал в районе вокзала и в боях за древний военный замок Барбакан. Разгромив фашистов, наши части двинулись к центру города. 13-я танковая бригада после овладения районом Звезинец стремительно продвигалась к центральной площади. Первым на площадь ворвался на танке парторг танкового батальона старший лейтенант И. А. Кондаков и водрузил красное знамя. Успешно продвигались и наши стрелковые части. К исходу дня танки с пехотой прорвались к Висле и завязали бои на переправе.

Командующий фронтом внимательно следил за ходом боевых действий в Кракове. Во второй половине дня 18 января он прибыл на мой НП, располагавшийся на северной окраине на холме Костюшко (высота 333,0). Выслушав доклад о ходе штурма и план дальнейших действий, маршал И. С. Конев указал на необходимость более тесного взаимодействия пехоты с танками в условиях боев в крупном городе и потребовал самого энергичного ведения наступления. Уехал он поздно вечером, удивившись, что наступление идет успешно.

Боевые действия продолжались и ночью. Немецко-фашистские войска под угрозой окружения начали быстро отходить из Кракова по единственной дороге на юг.

В середине дня 19 января соединения и части 4-го гвардейского танкового и 115-го стрелкового корпусов во взаимодействии с войсками 60-й армии полностью очистили город от врага⁴.

Отступая, гитлеровские войска не успели взорвать многочисленные заминированные объекты, в том числе электростанцию и ряд исторических зданий. Краков не был превращен в руины. Спасти его от разрушения помогли внезапность и стремительность действий наших войск, величайшее мужество и героизм личного состава, мастерство командиров и штабов. Большая заслуга в этом саперов, которые сразу же производили разминирование зданий и других важных объектов.

Мы с радостью доложили Военному совету фронта о выполнении боевой задачи. Ведь это была наша первая победа на новом направлении. Она значительно подняла моральный дух и наступательный порыв войск.

Маршал И. С. Конев выразил нам благодарность и поставил задачу, не теряя темпов наступления, быстрее выйти на подступы к Силезии. В ночь на 20 января войска армии были выведены из Кракова и приступили к выполнению дальнейшей задачи.

19 января был обнародован благодарственный приказ Верховного Главнокомандующего войскам 1-го Украинского фронта и Москва 24 залпами из 324 орудий салютовала в их честь.

Население Кракова радостно встречало советских воинов. На улицах возникали стихийные митинги. 20 января 1945 года на центральной площади «Главный рынок» состоялся большой городской митинг, на котором выступил член Военного совета армии генерал П. С. Лебедев. Он рассказал о Советском Союзе, о нашей армии-освободительнице, о советско-польских отношениях. Горожане заявляли, что только с Востока они ждали своего избавления от фашистского ига. Жители дарили нашим воинам цветы, радостные улыбки, угощали, чем могли, и заверяли в крепкой дружбе.

Ровно через месяц войска армии облетела радостная весть. Приказом Верховного Главнокомандующего от 19 февраля 1945 года 92-й и 135-й стрелковым дивизиям, 898-му стрелковому полку 245-й стрелковой дивизии, 994-му стрелковому и 854-му артиллерийскому полкам 286-й стрелковой дивизии, 22-й инженерно-саперной бригаде было присвоено почетное наименование Краковских.

³ Архив МО, ф. 416, оп. 10437, д. 13, л. 71.

⁴ Там же, л. 72.

Теория прорыва обороны противника в предвоенные годы

*Кандидат военных наук
полковник Н. НАУМОВ*

ПРОБЛЕМЫ прорыва обороны, возникшие в первую мировую войну, стояли в центре внимания советской военной науки в 20-е и 30-е годы. Итогом их решения явилась теория глубокой операции, основные положения которой подверглись серьезной проверке на ряде учений 1937—1938 гг., вскрывших некоторые ее недостатки. В частности, разновременные действия трех эшелонов танков — сначала танков дальнего действия (ДД), затем танков дальней поддержки пехоты (ДПП) и, наконец, танков непосредственной поддержки (НПП) — уменьшали силу первоначального удара. При действиях танков ДД в отрыве от последующих двух эшелонов и пехоты задача прорыва в район огневых позиций артиллерии противника оказывалась трудновыполнимой. Поэшелонное применение танков в прорыве слишком усложняло взаимодействие, ибо артиллерия, обеспечив атаку танков ДД, должна была переключаться для поддержки атаки танков НПП и пехоты.

Военные конфликты с Японией на дальневосточных границах, а затем на реке Халхин-Гол, кампании немецко-фашистской армии в 1939—1940 гг., боевые действия Красной Армии в военном столкновении с Финляндией зимой 1939/40 гг. дали богатый материал для обобщений и выработки теоретических положений и рекомендаций, в наибольшей степени отвечающих складывающимся условиям вооруженной борьбы.

После совещания членов Центрального Комитета партии совместно с высшим командным составом Вооруженных Сил (апрель 1940 года), на котором обсуждались вопросы повышения боеспособности войск и флота¹, в Красной Армии развернулась научно-исследовательская работа по обобщению боевого опыта и применению новой техники, начавшей широко поступать в войска. Результатом ее был выход ряда монографий, многочисленных статей и нескольких проектов полевых и боевых уставов. В частности, в предвоенные годы появились такие труды, как «Новые формы борьбы» Г. С. Иссерсона (М., 1940 г.), «Прорыв укрепленной полосы» П. С. Смирнова (М., 1941 г.), учебники «Общая тактика», «Тактика танковых войск», «Тактика артиллерии» и многие другие.

Центральным вопросом этих работ был прорыв подготовленной обороны противника. Ему же отводилось значительное место в выступлениях на совещании высшего командного состава, проведенном в декабре 1940 года².

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, стр. 244.

² Там же, стр. 243.

Г. К. Жуков в докладе на этом совещании так определил характер наступательных операций и роль в них прорыва: «...вполне законно ожидать, что первоначальные исходные операции скорее всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем уже во второй фазе перейти к широким маневренным действиям»³.

Это положение верно учитывало складывающиеся условия вооруженной борьбы. Наш наиболее вероятный противник — фашистская Германия к концу кампании во Франции развернула около 156 дивизий. Готовясь к войне с Советским Союзом, она начала формирование еще 58 дивизий. Кроме того, значительное число соединений согласилось поставить сателлиты. Этого количества было достаточно, чтобы создать мощные ударные группировки, перекрыть от моря до моря весь стратегический фронт и тем исключить обход позиций и группировок. А это означало, что, предпринимая ответные действия, войска Красной Армии вынуждены были бы осуществлять прорыв, чтобы открыть себе путь для широких маневренных действий.

Вместе с тем на совещании была высказана и такая точка зрения: наступление может начаться с прорыва железобетонных укреплений, которыми уже опоясаны границы крупных государств. Ее нельзя признать верной, поскольку на линии развертывания немецко-фашистской армии и сателлитов укрепленные районы имелись только на флангах — в Восточной Пруссии и Румынии.

Теория глубокой операции, положенная в основу новых исследований, позволила найти правильные решения коренных вопросов сложной проблемы прорыва обороны противника.

По установившемуся перед войной мнению, прорыв мог применяться для создания бреши в заранее подготовленной и поспешно созданной обороне, а также в укрепленном районе⁴.

Считалось, что прорыв фронта обороны противника должен иметь место в ходе проведения фронтовой наступательной операции. При этом фронтовое объединение могло наносить несколько армейских ударов, один из них — главный.

Армия могла осуществлять прорыв на одном направлении, в центре или на фланге своего оперативного построения, а также на двух-трех направлениях, нанося при этом удары либо фронтальные, либо сходящиеся с целью рассеяния или окружения определенной группировки противника.

Оперативным прорывом считался такой, который исключал взаимодействие оставшихся на флангах разорванного фронта общевойсковых соединений, обеспечивал ввод в сражение подвижной группы, а также выводил наступающие войска на оперативный простор. Для армии наиболее целесообразным считался участок прорыва шириной в 20—30 км, минимальная ширина допускалась в 16 км⁵. При определении этой величины исходили из следующего: такая брешь не может простреливаться насквозь артиллерией противника с флангов; легкая вражеская артиллерия лишается возможности вести прицельный огонь по колоннам подвижной группы при вводе ее в прорыв; брешь шириной 20—30 км не может быть надежно закрыта ближайшими оперативными резервами неприятеля. Для фронта, который наносил несколько ударов, общая ширина участков прорыва могла достигать 80—100 км.

³ Архив МО СССР, ф. 112, оп. 796, д. 77 л. 18.

⁴ Полевой устав Красной Армии 1941 г. (проект), стр. 139.

⁵ Тактика танковых войск. М., 1940, стр. 125.

Оперативный прорыв считался завершенным, когда войска выходили на глубину 30—70 км, т. е. прорывали тактическую зону обороны и полосу обороны армейских резервов. Осуществление его на одном направлении возлагалось на общевойсковую, обычно ударную армию, или две армии, наносившие удар на смежных флангах. В состав главной группировки ударной армии рекомендовалось включать три-четыре стрелковых корпуса, сосредоточенных на участке, составлявшем 20—50 проц. (не более) ширины полосы наступления армий.

Наряду с главным в армии рекомендовалось наносить вспомогательный удар такой силы, чтобы им можно было прорвать тактическую оборону и тем притянуть на себя значительные силы обороняющегося противника.

Сопоставление этих очень важных нормативных категорий прорыва с опытом Великой Отечественной войны показывает, что они были близки к наиболее распространенным во многих наступательных операциях, связанных с прорывом подготовленной обороны.

Чтобы взломать оборону огнем, по довоенным взглядам, считалось достаточным иметь на 1 км участка прорыва 50—100 орудий. При продолжительности артиллерийской подготовки от 1 до 3 часов они должны были выпустить около двух боевых комплектов снарядов⁶. Опыт Великой Отечественной войны показывает, что степень огневого поражения противника, предусмотренная предвоенной теорией, была достигнута лишь в операциях 1943 г., в которых, хотя и создавалась плотность в 100—150 и более орудий и минометов на 1 км участка прорыва, расход снарядов на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ определялся меньше. Это говорит о том, что перед войной плотности огневого поражения были правильно определены для прорыва полевой обороны, оборудованной на глубину 3—4 км, а также обороны, подготовленной в ограниченные сроки.

Следует, однако, заметить, что в связи с качественными изменениями в боевом составе артиллерии в 1941 году, когда преобладающими стали 76—122-мм орудия и 82-мм минометы, такие плотности часто оказывались явно недостаточными.

Артиллерийское обеспечение, по предвоенным взглядам, кроме артиллерийской подготовки, включало и огневую поддержку. Далее артиллерия нацеливалась на обеспечение ввода в бой вторых эшелонов, отражение контратак, на сковывание огнем тыла и воспрепятствование подхода резервов⁷.

В ходе артиллерийской подготовки была тенденция воздействовать огнем на всю глубину тактической зоны обороны⁸, но наиболее сильно — по первой позиции. Следует заметить, что стремление подавить всю позиционную оборону не соответствовало возможностям артиллерийских группировок, создаваемых по уставам. Эта задача стала в какой-то мере выполнимой лишь при плотности 250 орудий и минометов и более на 1 км, из которых не менее 60 проц. составляли крупные калибры. Артиллерийская подготовка включала не менее двух огневых налетов по 10 минут каждый, методический огонь, повторяемый два-три раза по 10—15 минут, один-два ложных переноса огня⁹.

Если предусматривался период разрушения с закрытых позиций, то на него отводилось около половины времени артиллерийской подготовки. Специальное время для стрельбы прямой наводкой еще не выделялось, хотя в боевых действиях на Карельском перешейке в 1940 году она нашла уже довольно широкое применение.

⁶ Тактика артиллерии, ч. I. М., 1941, стр. 228.

⁷ Там же, стр. 226—253.

⁸ Там же, стр. 227.

⁹ Там же.

Поддержка атаки предусматривалась на глубину 1—1,5 км¹⁰. Задача ее состояла в том, чтобы воспретить противнику с началом атаки восстанавливать нарушенную систему огня, обеспечить бросок в атаку пехоты и танков, захват ими переднего края и развитие атаки в глубину¹¹. Методы поддержки — огневой вал, последовательное сосредоточение огня (ПСО) и сочетание этих двух видов огня¹². Далее при выполнении огневых задач артиллерия применяла сосредоточенный, массивный и заградительный огонь по требованию общевойсковых командиров.

В целом огневое поражение противника артиллерией отвечало современным требованиям ведения боевых действий и нашло широкое применение в операциях Великой Отечественной войны.

Задачи по взлому обороны противника возлагались также на авиацию. Основной закон ее применения, писал А. П. Лапчинский, заключается в том, чтобы войска не были покинуты авиацией в трудные для них дни¹³.

В общем это положение было верным. Однако в предвоенные годы обострилась борьба двух тенденций. В основе одной, рожденной опытом боевых действий в Испании, лежало применение авиации только на поле боя, другой же — за пределами поражения противника огнем артиллерии. Высказывалось даже мнение о том, что нанесение ударов на поле боя штурмовой авиацией нецелесообразно¹⁴.

Первая тенденция все больше брала верх. И поэтому в Полевом уставе 1941 года было записано, что содействие успеху наземных войск в бою — важнейшая задача авиации¹⁵. В ходе прорыва она должна была поражать глубинные цели, содействовать развитию тактического успеха в оперативный и прикрывать войска от ударов авиации противника¹⁶.

Хотя надежный взлом обороны противника огнем — одна из важнейших предпосылок ее успешного прорыва, брешь в ней продельвает удар пехоты и танков при непрерывной поддержке их наступления артиллерией и авиацией. Прорыв главной полосы обороны возлагался на дивизию и корпус первого эшелона армии, что составляло их ближайшую задачу. Прорыв второй полосы, а вместе с ней и всей тактической зоны обороны мог осуществляться стрелковыми дивизиями и корпусами¹⁷. При этом ширина полосы наступления корпуса на направлении главного удара предусматривалась 7—12 км, а на скользящем — 15—18 км. При наступлении на сильно укрепленную оборону дивизии нарезалась полоса шириной в 2—3 км. При наступлении на недостаточно укрепленную оборону полоса ее расширялась до 3—3,5 км¹⁸. Для завершения тактического прорыва в сражение могла вводиться подвижная группа армии (механизированный корпус). Одной из ее задач ставился захват второй оборонительной полосы раньше, чем противник успеет организовать на ней оборону¹⁹.

Для прорыва обороны на всю оперативную глубину и расширения его в сторону флангов могли использоваться вторые эшелоны и резервы армий, а также подвижная группа фронта. В зависимости от прочности обороны прорыв мог начинаться с подхода и из непосредственного сопри-

¹⁰ Тактика артиллерии, ч. 1, стр. 244.

¹¹ Полевой устав 1941 г. (проект), ст. 167.

¹² Там же, ст. 66.

¹³ Вопросы тактики в советских военных трудах 1917—1940 гг. М., 1970, стр. 319.

¹⁴ Там же, стр. 326.

¹⁵ Полевой устав 1941 г. (проект), ст. 19.

¹⁶ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968, стр. 21.

¹⁷ Общая тактика, том первый. М., 1940, стр. 131.

¹⁸ Там же, стр. 123.

¹⁹ Тактика танковых войск, стр. 125.

косновения с противником²⁰. На организацию прорыва при наступлении рекомендовалось затрачивать: на поспешно занятую оборону — 6—8 часов, на средне укрепленную — 1—2 суток, на сильно укрепленную — от двух и более суток²¹.

Дивизии, наступающие в первом эшелоне, строили боевой порядок обычно в два эшелона, корпуса, как правило, в один²². В боевом порядке дивизии предусматривались также и артиллерийские группы: поддержки пехоты (ПП) — по числу полков, дальнего действия (ДД) и, кроме того, общевойсковой и танковый резервы²³. В корпусе также создавались общевойсковой и танковый резервы и группа артиллерии ДД.

Ударная армия для прорыва строилась в два эшелона. В первом на главном направлении рекомендовалось иметь два-три стрелковых корпуса, а на вспомогательном — один. В последующем — подвижную группу и стрелковый корпус.

Оперативное построение фронта включало первый эшелон в составе двух—пяти ударных и двух—четырёх скользящих армий, во второй — входили конно-механизированная армия (группа), а также общевойсковой резерв, или резервная армия.

В связи с развертыванием в 1940—1941 гг. большого количества механизированных корпусов, формируемых из многих отдельных батальонов и бригад, усложнилось создание эшелона танков непосредственной поддержки пехоты. Дело в том, что для этого танковые части выделялись из механизированных корпусов, характер боевой подготовки которых был иной, чем требовали действия танков при прорыве во взаимодействии с пехотой. Эшелон танков НПП рекомендовалось создавать из расчета одна танковая рота на стрелковый батальон. Для усиления стрелковой дивизии требовалось два-три танковых батальона. Это позволяло доводить плотность танков НПП до 30 машин на 1 км участка прорыва. Кроме того, из одного—трех танковых батальонов формировались резервы в дивизиях и корпусе²⁴. А это значит, что в армии около одной танковой дивизии нужно было выделить для создания эшелона танков НПП. Эшелон танков НПП строился в две-три линии с дистанциями между ними 100—200 м, при этом первую линию составляли тяжелые и средние танки из расчета 10 на 1 км фронта²⁵.

Плотности войск, рекомендуемые советской предвоенной теорией, следует признать достаточно высокими. В условиях сосредоточения усилий ударных армий на одном участке прорыва они позволяли создавать трех—пятикратное превосходство над противником. Но поскольку в армии предусматривались главный и вспомогательный удары, превосходство снижалось до двукратного, что считалось вполне достаточным для осуществления прорыва. Однако такой перевес сил редко приводил к успешному осуществлению прорыва и к концу войны увеличился втрое и более.

Занятие исходного положения проходило в зависимости от способа перехода в наступление. Когда прорыву предшествовал подход, войска совершали его в колоннах или расчлененных строях (в предбоевых порядках), имея впереди авангарды. Если авангардам удавалось вклиниться в оборону противника, которая оказывалась недостаточно устойчивой, главные силы могли переходить в наступление с ходу. При наступлении на достаточно прочную оборону войска сначала выводились в

²⁰ Полевой устав 1941 г. (проект), ст. 139.

²¹ Общая тактика, том первый, стр. 122.

²² Полевой устав 1941 г. (проект), ст. 147.

²³ Общая тактика, том первый, стр. 130.

²⁴ Тактика танковых войск, стр. 37.

²⁵ Там же, стр. 108, 86.

районы сосредоточения, отстоящие от переднего края на удалении 3—5 км, и только оттуда организовывалось сближение, наступление и атака²⁶.

При наступлении из непосредственного соприкосновения с противником проводилась перегруппировка, а занятие исходного положения осуществлялось во время смены войск, ранее находившихся с ним в соприкосновении.

Начало атаки рекомендовалось спланировать так, чтобы в течение одного дня можно было преодолеть основную и овладеть второй полосой обороны или выйти к ней, если она оказывалась заблаговременно занятой²⁷.

В период подготовки прорыва атакующие войска, обычно ночью или во время артиллерийской подготовки, должны были занять исходный рубеж на удалении не более 300 м от переднего края обороны. На нем пехота окопывалась и изготавливалась к отражению контратак.

В атаку войска переходили по окончании артиллерийской подготовки. При этом движение с исходной позиции должно было начинаться с таким расчетом, чтобы пехота достигла рубежа атаки к началу последнего огневого налета артиллерии²⁸. Опыт войны показал, что задержка на рубеже атаки нежелательна, ибо она позволяла противнику изготовиться к стрельбе, поразить наступающую пехоту и тем самым сорвать атаку.

После захвата переднего края обороны пехота и танки, поддерживаемые артиллерией и авиацией, должны безостановочно продвигаться вперед, используя каждую брешь для развития успеха в глубину. С этой целью вводились в бой вторые эшелоны и резервы — перекатами или из-за флангов первого эшелона²⁹, а на глубине 1,5—2 км мог даже вводиться в бой и танковый резерв³⁰. Основным объектом его атаки считалась артиллерия противника.

После преодоления основной оборонительной полосы командир корпуса должен был немедленно организовать прорыв второй. Для этого рекомендовалось высылать передовые отряды, состоящие из моторизованной пехоты, танков и артиллерии.

С целью развития тактического прорыва в оперативный вводились и подвижные группы армий, обычно с выходом атакующей пехоты в район артиллерийских позиций главной оборонительной полосы неприятеля³¹. По теоретическим положениям 1936—1937 гг. подвижная группа могла вводиться как перед второй полосой обороны, так и после ее прорыва.

Подвижная группа в составе механизированного корпуса вводилась в прорыв в полосе 10—12 км. Это позволяло вести колонны на удалении 5—9 км от вскрытых флангов противника и тем затруднять ведение по ним действительного огня его легкой артиллерии³².

Впереди колонн главных сил танковых дивизий высылались разведывательные и передовые отряды, которые с прорывом главной полосы обороны устремлялись ко второй с задачей захвата на ней участков и выявления системы огня и укреплений. На основании их данных командир механизированного корпуса уточнял задачи дивизиям.

Прорыв второй полосы танковыми и механизированными соединениями рекомендовалось предпринимать с ходу. Если же она занималась

²⁶ Общая тактика, том первый, стр. 125, 126.

²⁷ Там же, стр. 128.

²⁸ Полевой устав 1941 г. (проект), ст. 190—192.

²⁹ Там же, ст. 190—198.

³⁰ Тактика танковых войск, стр. 94. Танковый резерв мог использоваться и для усиления атакующих частей.

³¹ Полевой устав 1941 г., ст. 242.

³² Тактика танковых войск, стр. 125.

прочно и войска подходили к ней незадолго до наступления темноты, то атака ее могла быть отложена на утро.

Характер действий войск при наступлении на вторую полосу определялся примерно таким же, как и при прорыве первой. Подробных рекомендаций ни устав, ни учебники, ни учебные пособия не давали.

Что касается действий войск при развитии тактического прорыва в оперативный, то в учебниках и учебных пособиях лишь указывались условия, в которых могут проходить боевые действия механизированных соединений в оперативной глубине (в отрыве от своих войск и в тактическом окружении отдельных частей) и определялись возможные задачи: замкнуть кольцо окружения, разгромить ближайшие оперативные резервы или препятствовать подходу более глубоких резервов, захватить тыловой армейский рубеж.

Основными способами выполнения этих боевых задач считались: марш-маневр для сближения с резервами врага или для перехвата путей отхода его главной группировки; маневрирование для обхода препятствий и прочно занятых участков обороны; встречный бой с оперативными резервами; наступательный бой, если противник поспешно перешел к обороне на широком фронте.

Теория наступательной операции совершенно не рассматривала вопросы развития оперативного прорыва в стратегический.

При проведении тактических учений и военных игр основное внимание также обращалось на осуществление тактического прорыва. Что касается развития его в оперативный, то чаще всего ограничивались вводом в сражение подвижных групп. Действия войск в оперативной глубине в основном отрабатывались на картах.

Анализ взглядов на прорыв подготовленной обороны показывает, что они в основе своей отвечали складывающимся условиям вооруженной борьбы и большинство из них нашли применение в операциях Великой Отечественной войны. Имевшиеся недостатки при несколько иных условиях начала войны могли быть быстро исправлены и приведены в соответствие с конкретными условиями военных действий. Однако процесс этот затянулся³³. Причины состояли в том, что новые положения не были узаконены уставом, который в виде проекта вышел в начале войны, когда условия вооруженной борьбы для Красной Армии сложились намного тяжелее, чем они предполагались. Поэтому войска учились и действовали на основе Временного полевого устава 1936 года. Новые положения, изложенные в руководящих указаниях Народного комиссара обороны и учебниках, успел изучить сравнительно узкий круг командиров и штабов, и мало кто овладел ими при вождении войск на учениях.

Вторая причина состояла в том, что развертывание большого числа соединений велось в основном за счет приписного состава, прошедшего подготовку на основе территориальной системы обучения. Этот состав не обладал теми знаниями, которые бы позволили ему быстро усвоить новые формы вооруженной борьбы.

Наконец, в 1941—1942 гг. изменилась материальная основа боя и операции, что требовало иных рекомендаций и положений. С довоенной она сравнялась примерно в 1943 году, когда стало возможным многое из прежней теории внедрить в практику осуществления прорыва и развить ее дальше на основе богатейшего опыта Великой Отечественной войны.

³³ А. Радзиевский. Прорыв обороны в первом периоде войны. — «Военно-исторический журнал», 1972, № 3.

В братских АРМИЯХ

Военное искусство НВСО Южного Вьетнама в 1968—1973 гг.

*Доцент, кандидат военных наук
полковник запаса Г. БЕРДНИКОВ*

ДВА года назад закончилась война во Вьетнаме, был ликвидирован опасный очаг войны на земном шаре. «Победа вьетнамского народа, — говорил Л. И. Брежнев в речи на приеме делегации Партии трудящихся Вьетнама 30 января 1973 года, — это большая победа сил мира, победа реализма и разума в международных делах, это наглядное свидетельство действенности интернационализма Советского Союза и других стран социализма»¹.

Нелегко далась победа вьетнамскому народу. В ходе длительной и изнурительной борьбы ценой огромных жертв он сумел отразить сильнейший натиск военной машины США и их союзников, в тяжелых оборонительных боях измотать противника и подготовить условия для решительных наступательных действий в последнем периоде войны.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы развития военного искусства Народных вооруженных сил освобождения (НВСО) Южного Вьетнама в последние годы войны.

Главнейшими военными событиями заключительного периода (январь 1968 г. — январь 1973 г.) явились первая и вторая стратегические наступательные операции войск НВСО (соответственно в 1968 г. и 1969 г.), оборонительная операция на дороге № 9 (1971 г.), третья стратегическая наступательная операция и оборонительная операция в районе Куангчи, Гуэ (1972 г.).

К началу 1968 года военно-политическая обстановка в целом складывалась благоприятно для вьетнамских патриотов, чему в немалой степени способствовали общее ослабление международной напряженности и нарастающие политические и экономические трудности в самих США. В результате ранее достигнутых успехов происходило дальнейшее укрепление политических позиций Народного фронта освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ), росли его авторитет и влияние среди населения как истинно народной власти. Все это создавало и более благоприятные, нежели в предшествовавшие годы, условия для ведения боевых действий.

К этому времени, по американским данным, войска НВСО насчитывали десять пехотных дивизий, несколько отдельных пехотных полков и большое количество отдельных пехотных батальонов и рот, общая численность которых достигала 300 тыс., а вместе с местными войска-

¹ «Правда», 1973, 31 января.

ми и партизанами превышала 1 млн. человек². Они были оснащены современным вооружением, включая танки, и, что очень важно, уже имели богатый боевой опыт. Это позволяло НВСО вести широкие наступательные действия, навязывать противнику свою инициативу. При этом все больший удельный вес приобретали операции регулярных частей, умело сочетаемые с действиями местных войск и партизан.

Противостоящие НВСО войска США, их союзников и сайгонских марионеток в начале 1968 года имели в своем составе 17 пехотных дивизий (из них 10 сайгонских), две дивизии морской пехоты, две автомобильные дивизии, девять отдельных бригад, шесть отдельных бронетанковых полков — всего 1,4 млн. чел.; свыше 4500 орудий, 500 танков и до 4100 самолетов и вертолетов. Собственно американские войска насчитывали 516 тыс. человек, однако к 1971 году в соответствии с решением военного руководства США перейти к стратегической обороне и осуществлению программы «вьетнамизации» их численность сократилась до 304 тысяч³. Основные силы американо-сайгонских войск располагались в двух четко выраженных районах: на севере Южного Вьетнама — до 40—45 проц. сил и средств и в районе Сайгона — до 40; на центральном плато находилось не более 10 и в дельте Меконга — 5—10 проц. В ходе операций заключительного периода эти группировки существенно не менялись.

Для того чтобы расширить боевые возможности сайгонских войск, американское командование в 1971—1972 гг. довело общее количество стратегических бомбардировщиков В-52 в зоне боевых действий до 200. Армейская, тактическая и авианосная авиация насчитывала более 4700 единиц, в том числе свыше 3000 вертолетов. 7-й флот США к тому времени имел до 175 боевых кораблей.

Переход к стратегической обороне с началом широких наступательных действий НВСО способствовал появлению новых моментов в оперативном искусстве и тактике войск интервентов и их сайгонских марионеток. Во-первых, высокая боевая активность НВСО вынуждала американо-сайгонское командование выделять для обороны баз и коммуникаций свыше половины своих войск, что в значительной степени снижало их боевые возможности.

Во-вторых, тактическое нововведение состояло в попытке вести «противопартизанскую» войну с использованием мелких подразделений.

В-третьих, новым моментом была активизация ночных наступательных действий ограниченного характера.

Наконец, характерной чертой явилось увеличение масштабов применения агрессорами отравляющих веществ, напалма, белого фосфора, супербомб, предназначенных для массового уничтожения людей, а также средств «метеорологической» и «геофизической» войны⁴.

Руководство НФО ЮВ в заключительном периоде войны поставило перед войсками НВСО решительные цели: очистить территорию страны от оккупантов, ликвидировать сайгонский марионеточный режим и установить власть народа. Такие цели могли быть достигнуты только решительными наступательными операциями широкого масштаба.

Наступательные действия НВСО в последние годы войны все больше приобретали характер современных операций. Ярким примером этого явилось третье стратегическое наступление, предпринятое войсками НВСО весной 1972 года. Оно началось в ночь на 30 марта на трех основных направлениях на фронте свыше 1000 км и представляло собой ряд операций, объединенных общим замыслом.

² «Международная жизнь», 1970, № 1, стр. 97.

³ «Wehrkunde», 1971, № 3, S. 119—122.

⁴ «New Scientist», 1972, June 22, pp. 694—695.

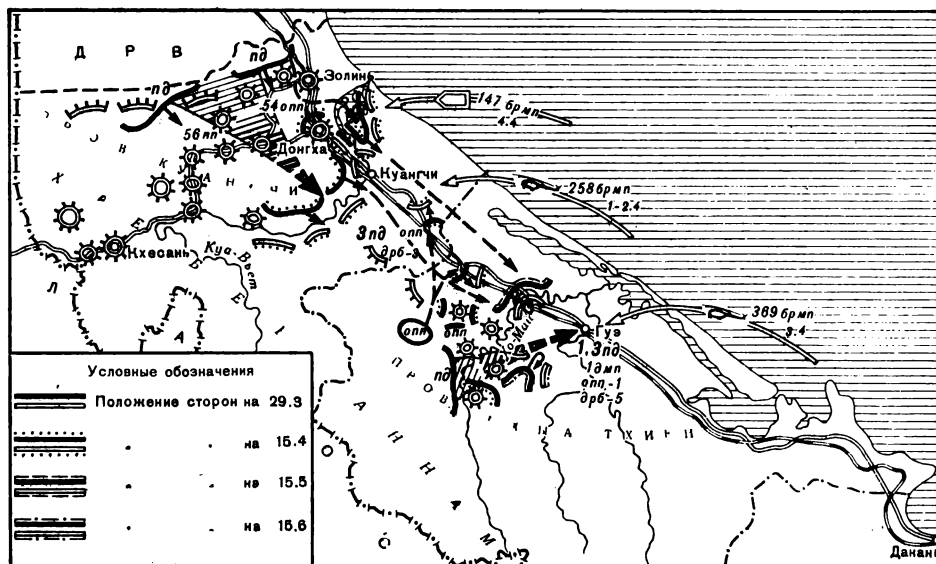

Схема 1. Наступательная операция НВСО в районе Куангчи, Гуэ в марте — июне 1972 г.

Оперативная группировка НВСО, сосредоточенная в северной части Южного Вьетнама, проводила наступательную операцию крупного масштаба, которая началась мощной артиллерийской подготовкой и ударом пехоты и танков на фронте до 120 км одновременно на двух направлениях. Главный удар наносился силами до двух дивизий из района южнее демилитаризованной зоны в направлении 15—20 км западнее Донгха, Куангчи, второй удар силами до одной дивизии — из района 30—40 км западнее Гуэ на Гуэ (см. схему 1).

В течение трех суток наступающие овладели системой баз и опорных пунктов, разгромили пехотную дивизию противника, несколько отдельных пехотных полков и батальонов, имевших более 200 танков и бронетранспортеров и свыше 100 орудий крупного калибра, продвинулись на 16—20 км, выйдя на ближние подступы к г. Куангчи и к р. Куа-Вьет западнее города. Бои на этом рубеже продолжались до конца апреля. После перегруппировки войска НВСО возобновили наступление, нанесли поражение частям 1-й и 3-й пехотных дивизий сайгонской армии, овладели Донгха, Куангчи и вышли на дальние подступы к Гуэ. Однако последующее продвижение войск НВСО было остановлено противником.

В центре Южного Вьетнама соединения НВСО нанесли поражение двум дивизиям сайгонских войск и, развивая успех с плато Тхайнгуен на восток, создали реальную угрозу выхода на побережье Южно-Китайского моря и рассеяния группировки американско-сайгонских войск.

В районе Сайгона войска НВСО силами до трех пехотных дивизий и нескольких отдельных пехотных частей и подразделений — всего свыше 60 батальонов (по американским данным), нанося главный удар вдоль дороги № 13, разгромили части двух дивизий 3-го армейского корпуса сайгонских войск. Овладев г. Локнинь и окружив центр провинции Биньлонг — г. Анлок, они освободили большую часть территории провинции Биньлонг, Фуоклонг и Тайнинь и повели наступление на Сайгон. Второй удар наносился в дельте Меконга, где в результате боев было уничтожено более 1000 мелких опорных пунктов и постов сайгонских частей.

В результате была освобождена территория с населением свыше 2,5 млн. человек.

Стратегические наступательные операции, характерные для последнего периода войны, означали качественно новое явление в военном искусстве НВСО.

Они представляли собой совокупность боевых действий рассредоточенных по фронту и глубине оперативных группировок, состоящих из отдельных соединений и частей регулярных войск, десятков частей и подразделений местных войск и партизан, которые развивались по единому замыслу и были нацелены на выполнение единой оперативной задачи.

Отличительной чертой этих операций в первую очередь было нарастание силы ударов. Так, если в первом наступлении в 1968 году за 31 день войска НВСО предприняли 1314 атак и артиллерия выпустила 20 104 снаряда, то в наступлении 1969 года, также за 31 день, было принято 2037 атак и выпущено 27 823 снаряда. При этом 30 атак осуществлялись силами батальона и выше. Наступление 1972 года, о котором уже говорилось, было еще более мощным.

Большой интерес представляют также методы, применявшиеся НВСО при подготовке и организации наступательного боя и операции. Хорошо поставленная разведка, накопленный в предыдущих боях опыт позволяли командованию НВСО осуществлять четкое планирование операций. При этом умело учитывались специфические условия вьетнамского ТВД, максимально использовались для подготовки и ведения боевых действий период дождей (май—октябрь), когда применение противником авиации было затруднено, а также темное время суток; четко распределялись и перераспределялись в ходе операции средства огневого поражения; умело сочетались усилия частей регулярной армии, местных войск и партизанских отрядов и обеспечивалось их взаимодействие при овладении опорными пунктами противника, закреплении местности, в ходе борьбы с его резервами, особенно мобильными, и т. д.

Особого внимания заслуживают методы сосредоточения ударных группировок. Как правило, компактных группировок для наступления войска НВСО не создавали. Это объяснялось, с одной стороны, сложностью их маскировки от сильной разведки противника, особенно воздушной и радиотехнической, опасностью поражения массированными ударами авиации и огнем артиллерии, с другой — резко выраженным очаговым характером построения обороны противника. И поскольку опорные пункты противника располагались в 10—15 км и более друг от друга, то и ударная группировка НВСО рассредоточивалась для их атаки до полков и батальонов. В некоторых случаях для атаки группы опорных пунктов привлекалась дивизия (например, при атаке базы Кхесань).

Как показал опыт боевых действий, войска НВСО использовали только один способ перехода в наступление — из непосредственного соприкосновения с противником. При этом исходное положение для наступления части и подразделения занимали обычно ночью, непосредственно перед атакой. Если опорный пункт, намеченный для атаки, находился в глубине оккупированной территории, то выход к нему подразделения НВСО осуществлялся методом просачивания через промежутки между опорными пунктами первой линии обороны противника. В отдельных случаях, когда переходу войск в наступление предшествовала блокада того или иного опорного пункта, подразделения НВСО занимали исходное положение в системе траншей и туннелей, опыт возведения которых вьетнамские войска получили еще при Дьен Бьен Фу. Как правило, войска сосредоточивались и занимали исходное положение для на-

ступления настолько умело, что противник их не обнаруживал, несмотря на новейшие технические средства разведки⁵.

Особенностью операций являлась также четкая согласованность действий войск НВСО: до сотни опорных пунктов, баз, аэродромов противника, расположенных на фронте 800—1000 км и на различной глубине, атаковывались строго в одно и то же время. Такой одновременный переход в наступление имел целью обеспечить внезапность, а также дезориентировать противника относительно направления сосредоточения основных усилий, вынудить его использовать свою авиацию и резервы на многих, в том числе и второстепенных, направлениях. Этим достигался и большой психологический эффект.

По сравнению с ранними периодами войны во Вьетнаме, когда части НВСО предпринимали внезапные скоротечные атаки с последующим быстрым отходом в джунгли, в заключительном периоде войны напряженность и продолжительность боевых действий возросла. Так, в ходе стратегического наступления 1972 года войска НВСО перенесли боевые действия из гор и джунглей в равнинные прибрежные районы Южного Вьетнама и вели их в течение трех месяцев.

Следует отметить и такую особенность: наступление, как правило, осуществлялось не непрерывно, а поэтапно. Каждый этап включал серию атак (по вьетнамской терминологии «волн») и оперативных пауз. «Волна» осуществлялась основными силами с задачей овладеть определенными объектами, районами в обороне противника и продолжалась 1—10 дней. Оперативные паузы значительно большей продолжительности заполнялись активными действиями мелких подразделений, а также огневыми налетами артиллерии и минометов по базам, штабам противника с целью его изматывания и деморализации. Так, в операциях 1968—1969 гг. за сутки совершалось 40—60 таких нападений, а в операции 1972 года количество их возросло до 120—150. При этом широко использовались темное время суток и партизанские методы действий.

Необходимость таких оперативных пауз, помимо чисто военных, обуславливалась также политическими причинами. Обычно части НВСО, освободив от оккупантов и их марионеток тот или иной район, немедленно создавали во всех населенных пунктах временные административные органы НФО ЮВ, а также отряды самообороны и приступали к формированию местных войск. После того как последние принимали на себя функции охраны и обороны освобожденной территории, части регулярной армии высвобождались для проведения новой наступательной «волны».

Для ведения наступательного боя, операции в заключительном периоде войны характерен и ряд других особенностей. Так, ограниченное количество артиллерии, имевшееся в войсках НВСО, вынуждало привлекать для огневого поражения противника, помимо артиллерийских орудий и минометов, также и безоткатные орудия, что позволяло создавать плотность 30—50 единиц на один батальонный район обороны.

Переходу в наступление на главном направлении обычно предшествовала огневая подготовка. В 1968 году под Сайгоном она продолжалась 2,5 часа, в 1972 году под Куангчи состояла из периода предварительного разрушения — до 2 суток и непосредственной огневой подготовки продолжительностью около 2 часов. На второстепенных направлениях атака осуществлялась либо после короткого огневого налета, либо, в целях достижения внезапности при ночной атаке, вообще без огневой подготовки.

⁵ «Army», 1969, August, pp. 28—35.

В отличие от предыдущих лет атаки перестали быть чисто пехотными. И если в стратегическом наступлении 1968 года дивизия НВСО впервые была усилена танковой ротой при атаке базы американской морской пехоты Кхесань, то в наступлении 1972 года танковые роты придавались некоторым пехотным батальонам, действующим на главном направлении.

Во время атаки бойцы НВСО стремились навязать противнику ближний бой. Здесь учитывались, с одной стороны, психология американских солдат, которые избегали этого вида боя, с другой — возможность уклониться от ударов вертолетов огневой поддержки и авиации.

Поскольку вражеская оборона состояла из отдельных опорных пунктов, бой в глубине распадался на отдельные бои за овладение ими. На путях возможного подхода резервов противника организовывались засады и устанавливались разного рода заграждения.

Характерным для наступательных операций заключительного периода являлся также неоднократный перенос основных усилий в зависимости от обстановки с одного направления на другое (в тактическом плане — с одного объекта на другой). При этом командование НВСО стремилось нанести главный удар там, где оборонялись сайгонские войска, имевшие низкую боеспособность, и, как правило, добивалось успеха. Это вынуждало противника снимать свои резервы с других направлений и бросать их на угрожаемый участок. Чтобы еще более осложнить обстановку, командование НВСО в таких случаях резко активизировало действия своих войск и партизан на том направлении, откуда были переброшены резервы. И так в ходе операции повторялось неоднократно. Тем самым противник вынужден был метаться на огромном фронте (до 1000 км) из одного района в другой, чтобы закрыть бреши, и дробить свои резервы. Личный состав его войск изматывался физически и морально.

Сильные опорные пункты и базы, которые не удавалось захватить в ходе наступления, блокировались. Так, в течение многих месяцев подвергались осаде базы специальных войск в Бажаи, Дакко, Кхесань и других районах. Потери осажденных гарнизонов были настолько велики, что в конце концов американо-сайгонское командование принимало решение оставить базы.

В то же время следует отметить, что для всех трех стратегических наступлений характерна их незавершенность.

Большая роль в боевых действиях НВСО в период оперативных пауз отводилась так называемой «битве на коммуникациях», которая велась весьма успешно. Так, на железнодорожной линии Ханой—Сайгон протяжением 1344 км интервенты в 1972 году могли осуществлять движение только на 56-км участке. Пока восстанавливался один разрушенный участок пути, партизаны и подразделения НВСО разрушали другой. Это вынудило американо-сайгонское командование отказаться от попыток использовать железнодорожный транспорт для перевозок.

Немногом лучше для оккупантов было положение на шоссейных дорогах, связывающих основные города Южного Вьетнама. Партизаны постоянно устраивали на дорогах засады, взрывали мосты. Противник вынужден был для обеспечения движения снаряжать целые военные экспедиции с привлечением танков и авиации. Так, дорога № 13 на участке Сайгон—Локнинь в течение нескольких лет была практически закрыта для движения. Лишь раз в 30—40 дней в Сайгоне формировалась колонна из 100—120 грузовых автомашин, которая под охраной крупных сил пехоты (иногда до дивизии) при поддержке танков и вертолетов доставляла грузы войскам в северные районы. На преодоление

этого «страшного», по признанию американцев, 120-км пути, усеянного минами и засадами, требовалось не менее 12 часов⁶.

Особое место в боевой деятельности войск НВСО занимали диверсии. По свидетельству американского генерала Барклей, бойцы НВСО «оказались высокоподготовленным противником, использовавшим различные диверсионные методы»⁷.

Непревзойденные по дерзости многократные нападения на аэродромы, в том числе на крупнейшие авиабазы США в Южном Вьетнаме, такие, как Бьенхоа, Таншонхят, в результате которых были уничтожены и повреждены многие сотни самолетов и вертолетов, подрыв транспортных кораблей, взрывы в сайгонских гостиницах, где размещались американские офицеры, уничтожение ракетного дивизиона «Хок» под Данангом, крупнейших складов горючего в Нябе (окраина Сайгона), Тамки — далеко не полный перечень успешных диверсионных операций НВСО.

В заключительном периоде войны во Вьетнаме получили дальнейшее развитие и оборонительные действия НВСО как в тактическом, так и в оперативном и стратегическом масштабе.

В соответствии с курсом НФО ЮВ на прочное закрепление освобожденной территории стратегическая оборона войск НВСО стала жестко позиционной, оставаясь мобильной в тактическом и отчасти оперативном масштабе. Появились участки оборонительных позиций с траншеями и тоннелями.

В 1968—1972 гг. НВСО неоднократно осуществляли оборонительные операции, что было качественно новым явлением. Такие операции проводились под Гуэ (март 1968 г.), на плато Тхайнгуен (осень 1969 г.), под Сайгоном (весна 1968 г. и 1972 г.), под Куангчи (май—июль 1972 г.).

Характерным для НВСО примером в этом отношении может служить оборонительная операция, проведенная на дороге № 9 в феврале—марте 1971 года (см. схему 2) при отражении наступления американо-сайгонских войск (операция «Ламшон-719»). Главный удар противник наносил из района Кхесань в направлении Тчепон, Саваннакет силами до трех сайгонских дивизий (1 пд, 1 вдд, 1 дмп), усиленными двумя бронетанковыми батальонами (30 танков и 180 бронетранспортеров). Их поддерживали десять дивизионов артиллерии, до 500 вертолетов и 1500 самолетов.

Командование НВСО, располагая данными о подготовке противником наступления, выработало и блестяще провело в жизнь оборонительную операцию. Замысел ее заключался в том, чтобы сковать ударную группировку ограниченными силами с фронта, нанести ей урон, измотать мелкими стычками, а затем решительными контратаками главных сил с флангов разгромить вторгнувшегося противника.

Сайгонские войска, начавшие наступление 8 февраля 1971 года, встретили хорошо организованную оборону. Продвинувшись в первые девять дней на 25—30 км, они вынуждены были остановиться для отражения нарастающих по силе контратак пехоты и танков НВСО⁸. Кроме того, мелкие группы бойцов НВСО, которые в большом количестве проникали в тыл противника, нападали на штабы, транспортные колонны, склады. В результате сайгонские войска почти полностью отказались от снабжения наземным путем. Возобновив 4 марта наступление и продвинувшись еще на 15—20 км, ударная группировка вынуждена была остановиться, а с 12 марта, опасаясь окружения и уничтожения, начать отход в исходное положение. Потери противника, по данным командования НВСО, за 1,5 месяца боев составили около 15 тыс. убитыми и

⁶ «Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift», 1969, № 7, S. 369.

⁷ «Military Review», 1970, March, pp. 11—19.

⁸ «Newsweek», 1971, March 15, pp. 19—24.

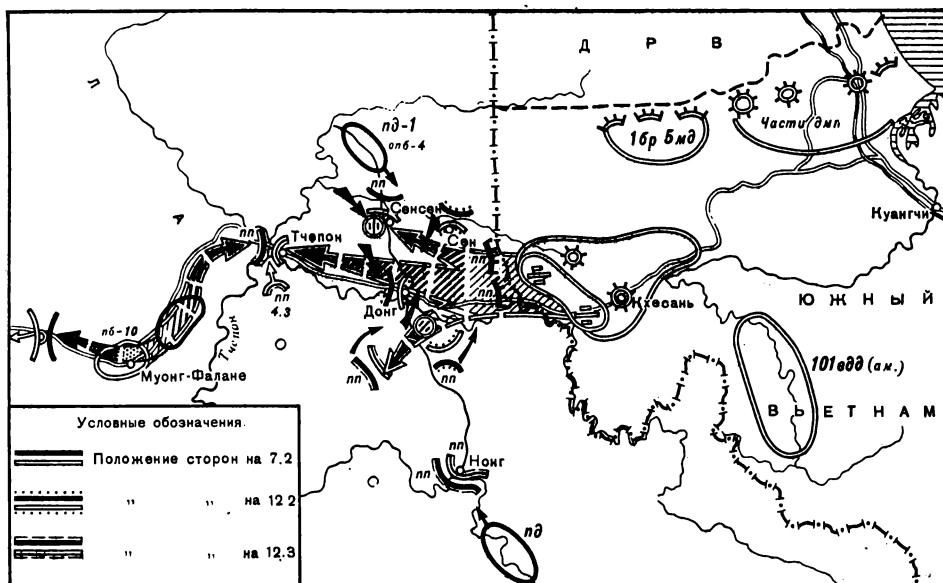

Схема 2. Оборонительная операция НВСО на дороге № 9 в феврале — марте 1971 г.

ранеными, огнем зенитных средств было сбито свыше 300 вертолетов и самолетов.

Представляет интерес и опыт НВСО в борьбе с воздушными десантами при проведении противником аэромобильных операций. Эта борьба складывалась из двух этапов: уничтожение самолетов и вертолетов противника в воздухе при их следовании к району высадки, разгром десанта во время высадки или после нее.

Для борьбы с десантом в воздухе устраивались засады средств ПВО в полосах вероятного пролета вражеской десантной авиации. Районы ожидаемой высадки минировались, по ним подготавливался огонь минометов. В местах, где ожидалась высадка, заблаговременно занимали оборону небольшие пехотные подразделения. При бое с высадившимся десантом части НВСО максимально использовали свою высокую подвижность, внезапные огневые налеты, кинжальный огонь стрелкового оружия и успешно уничтожали противника.

Такая тактика, как показал опыт боев в заключительном периоде, себя полностью оправдала, на что, в частности, указывает уменьшение количества и масштабов аэромобильных операций в 1971—1972 гг.

С противодействием аэромобильным операциям тесно связана борьба с вертолетами, которые получили во вьетнамской войне самое широкое (правда, со стороны США) распространение. Масштабы применения вертолетов в ходе войны были внушительными. По неполным данным, с начала боевых действий до февраля 1970 года вертолеты совершили более 25,5 млн. вылетов (в том числе около 18 млн. боевых), перевезли до 3,5 млн. т грузов и около 38,5 млн. человек¹⁰.

Использование противником вертолетов в качестве боевых, десантных и транспортных средств, бесспорно, сильно затрудняло патриотам ведение боевых действий. Однако они постепенно научились бороться с вертолетами, и не без успеха. Одним из наиболее распространенных способов являлось уничтожение вертолетов на аэродромах, базах огневыми налетами артиллерии, а также диверсионными методами. Другим

¹⁰ «Flugrevue und Flugwelt International», 1971. Februar.

эффективным способом стало поражение их во время полёта огнём МЗА, зенитных пулеметов, а также зенитными ракетами.

Увеличение количества зенитных средств в войсках НВСО в последние годы привело к росту потерь вертолетов и отказу от их использования для огневой поддержки войск интервентов на второстепенных направлениях.

Война во Вьетнаме показала, что агрессивные круги империализма испытывали в ней новые концепции вооруженной борьбы, новые средства и способы ее ведения, использовали варварские средства поражения (ОВ, супернапалм, белый фосфор и др.), объявляя их «обычными», пытались воздействовать на растительный и животный мир, ведя «геофизическую» войну.

Войска НВСО, отражая агрессию одной из сильнейших армий империалистических стран, внесли много нового и важного в развитие военного искусства. Их боевые действия позволяют вскрыть важные тенденции развития тактики и оперативного искусства.

Для войны во Вьетнаме, как показал опыт, характерны следующие основные тенденции:

- возрастание огневой мощи войск;
- увеличение мобильности на поле боя, бурное развитие аэромобильных сил, усиление роли вертолетов, которые привлекались для решения широкого круга задач;
- интенсивное внедрение радиоэлектронных средств в системы управления и различных видов обеспечения войск;
- широкое ведение боевых действий ночью;
- возрастание роли мелких подразделений при решении не только тактических, но и оперативных задач;
- расширение масштабов действий диверсионно-разведывательных частей и подразделений.

Наступательные операции НВСО, проведенные в заключительном периоде войны, закрепили и упрочили ранее достигнутые успехи. В июне 1969 года была провозглашена Республика Южный Вьетнам и сформировано Временное революционное правительство, в 1969—1970 гг. во всех провинциях Южного Вьетнама созданы органы местной власти. Всего к началу 1973 года от американских оккупантов и сайгонских марionеток было освобождено около 80 проц. территории Южного Вьетнама, на которой проживает 11 млн. человек (все население страны составляет 18,3 млн. человек).

Поражения, нанесенные НВСО американско-сайгонским войскам в 1968—1969 гг., вынудили их перейти к стратегической обороне. США дали согласие на мирные переговоры с представителями ДРВ и ВРП РЮВ. Подписание Соглашения привело к прекращению боевых действий, эвакуации американских войск из Южного Вьетнама и созданию условий для мирного воссоединения вьетнамского народа.

Победа вьетнамского народа неотделима от ценной помощи и поддержки со стороны Советского Союза и других братских стран, отмечал президент ДРВ Тон Дык Тханг.

«С 28 января 1973 г. в истории революционной борьбы нашего народа, — писала газета «Нян Зан», — открылась новая глава, которая ставит целью ускорение социалистического строительства на Севере при одновременном завершении исторических задач национальной народно-демократической революции на Юге»¹¹.

¹¹ «Нян Зан», 1973, 2 февраля.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

МПВО В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

БОЕВАЯ деятельность местной противовоздушной обороны СССР (МПВО) в первом периоде войны проходила в условиях, когда фашистская бомбардировочная авиация наносила наиболее интенсивные удары по городам и объектам тыла. Из зарегистрированных за время войны 30 212 вражеских воздушных налетов на тыловые объекты страны 23 265 приходятся на первый ее период; из сброшенных на нашу территорию 587 тыс. фугасных (ФАБ) и 989 922 зажигательных (ЗАБ) бомб на первый период соответственно падает 431 741 и 465 373. Кроме того, многие города, такие, как Ленинград, Одесса, Севастополь, Сталинград, Ворошиловград и другие, в течение длительного времени подвергались ожесточенным артиллерийским обстрелам. В результате было разрушено большое количество зданий и сооружений, пострадали тысячи мирных жителей, возникло свыше 90 тыс. пожаров².

Естественно, что в годы войны Коммунистическая партия и Советское правительство уделили МПВО самое серьезное внимание. В мероприятиях противовоздушной обороны принимали участие миллионы советских граждан.

Вероломное нападение фашистской авиации не застало местную противовоздушную оборону врасплох. Формирования МПВО городов Белоруссии, Украины, Молдавии и Прибалтийских республик в считанные часы были приведены в боевую готовность. Так, по приказу штаба Краснознаменного Балтийского флота Тал-

лин был затемнен в 0,05 мин. 22 июня³. В Киеве МПВО находилась в боевой готовности к 6 час. 30 мин. первого дня войны⁴. В постановлении Запорожского обкома КП(б)У от 22 июня 1941 года указывалось, что «развертывание МПВО г. Запорожья проходит нормально»⁵. Своевременно были подготовлены формирования МПВО Севастополя, Одессы, Житомира, Каунаса, Вильнюса, Новороссийска, Архангельска, Мурманска и других городов.

После заявления Советского правительства о нападении фашистской Германии на нашу Родину в столице был объявлен приказ начальника местной противовоздушной обороны, в котором говорилось: «В связи с угрозой воздушного нападения на город в Москве и Московской области объявляется с 13 часов 22 июня 1941 года угрожаемое положение»⁶. Все му населению вменялось в обязанность точно и своевременно выполнять требования МПВО.

Местные партийные и советские органы приступили к организации специальных формирований в городах, где до войны развертывание МПВО в полном объеме не предусматривалось. Например, 25 июня 1941 года исполком Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся образовал областной штаб МПВО, а с июля штабы МПВО были созданы во всех городских районах и городах области⁷.

Таким образом, созданная под руководством Коммунистической партии задолго до войны местная противовоздушная

³ «Военные знания», 1965, № 5, стр. 14.

⁴ Там же, 1964, № 10, стр. 16.

⁵ Запорожская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Запорожье, 1959, стр. 26.

⁶ «Вечерняя Москва», 1941, 22 июня.

⁷ В дни суровых испытаний. Волгоград, 1966, стр. 85.

² А. Алтушин. На боевом посту. «Красная звезда», 1972, 4 октября.

оборона нашей страны, несмотря на внезапное нападение врага, была развернута вовремя. Но сложившаяся обстановка на советско-германском фронте потребовала усиления МПВО во всех ее звеньях.

3 июля 1941 года И. В. Сталин выступил с программной речью борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, где, в частности, указал на необходимость «наладить местную противовоздушную оборону»⁸. Мобилизуя советский народ на защиту Родины, Совет Народных Комиссаров Союза ССР 2 июля 1941 года издал постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Выступление И. В. Сталина и указанное выше постановление оказали огромное влияние на дальнейшую деятельность МПВО. Каждый гражданин СССР (от 16 до 60 лет) был обязан принимать участие в мероприятиях МПВО. Руководство по обучению групп самозащиты возлагалось на Главное управление МПВО НКВД СССР⁹. Во исполнение постановления СНК СССР от 2 июля в союзных республиках развернулась подготовка населения к противовоздушной обороне.

Боевым помощником Коммунистической партии в деле укрепления ПВО тыла нашей страны с первых дней войны выступил Ленинский комсомол. Конкретные задачи для комсомольцев и советской молодежи определялись в постановлениях ЦК ВЛКСМ от 23 июня и 9 июля 1941 года. В школы ПВХО и Осоавиахима было направлено 200 тыс. комсомольцев¹⁰. Только сталинградская комсомольская организация выделила в МПВО около 55 тыс. человек. Комсомол оказывал содействие в образовании групп самозащиты при домоуправлениях¹¹.

Городские комитеты ВЛКСМ, направляя в МПВО в первую очередь комсомольцев, принимали меры к созданию там комсомольских организаций. Например, в Ленинграде к осени 1942 года в системе МПВО имелись 143 комсомольские организации, в городских и районных штабах работали комсорги ВЛКСМ¹². По реше-

нию ЦК ВЛКСМ в крупных городах создавались комсомольские противопожарные полки, игравшие большую роль при ликвидации больших очагов пожаров.

Боевая деятельность формирований и частей МПВО сочеталась с партийно-политической работой, размах и значение которой в связи с усложнившейся военной обстановкой значительно возросли. На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 июля 1941 года, так же как в армии, в штабах МПВО городов, районов и участков были введены военные комиссары (с осени 1942 года — заместители командиров по политической части)¹³. Они утверждались горкомами партии и несли полную ответственность за политико-моральное состояние и боевую деятельность личного состава формирований. Так, комиссарами штабов МПВО были секретари горкомов: В. Кулибаба — в Севастополе¹⁴, М. Манзюк — в Днепропетровске¹⁵, работник горкома партии А. Чепурнин — в Ленинграде¹⁶. Укреплением МПВО неумолимо занимались секретари ЦК ВКП(б), секретари областных и городских комитетов партии А. Щербаков, А. Жданов и другие. Непосредственное руководство местной ПВО осуществляли председатели городских Советов депутатов трудящихся, являвшиеся начальниками МПВО городов: в Москве — В. Пронин, Ленинграде — П. Попков, Сталинграде — Д. Пигалев, Одессе — Б. Давыдченко, Севастополе — В. Ефремов.

Значительному усилению боевой готовности, слаженности и организованности многочисленных групп самозащиты способствовало создание на участках МПВО первичных партийных организаций¹⁷.

Личный состав формирований, самоотверженно ликвидируя последствия вражеских налетов, активно участвовал в строительстве укрытий для населения. В результате только в первые месяцы войны к ранее имевшимся прибавилось несколько сот тысяч убежищ, щелей и землянок вместимостью до 20 млн. человек¹⁸.

⁸ «Правда», 1941, 3 июля.

⁹ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941—1945 гг.). Документы и материалы. М., 1970, стр. 50.

¹⁰ «Военно-исторический журнал», 1973, № 1, стр. 4.

¹¹ Организация удесвяряет силы. М., 1968, стр. 193.

¹² ЛПА, ф. К-598, оп. 3, ед. хр. 300, л. 22.

¹³ ЛГАОР СС, ф. 4886, оп. 1, ед. хр. 2, л. 119.

¹⁴ Б. Борисов. Записки секретаря горкома. М., 1964, стр. 39.

¹⁵ К. С. Грушев о вой. Тогда в сорок первом. М., 1972, стр. 51.

¹⁶ ЛПА, ф. 25, оп. 2, ед. хр. 3777, л. 21.

¹⁷ «Военно-исторический журнал», 1972, № 8, стр. 80.

¹⁸ «Военные знания», 1972, № 5, стр. 12.

Многие бойцы МПВО плечом к плечу с советскими воинами сражались против немецко-фашистских захватчиков. Так, в августе 1941 года городские формирования МПВО Запорожья совместно с личным составом 157-го стрелкового полка укрепляли передний край обороны, снабжали фронтовые части боеприпасами, вели разведку боевых позиций противника. Сандружинницы вынесли с поля боя сотни раненых¹⁹. На базе частей и подразделений МПВО нередко создавались и успешно действовали партизанские отряды. Таким, например, являлся отряд «Ястребок», состоявший из бойцов МПВО Новороссийска. Командовал им начальник штаба МПВО города Б. Василенко²⁰. Выполняя задачи по укреплению ближайших подступов к столице, 3-й инженерно-противохимический полк МПВО Москвы в короткий срок установил 20 756 противотанковых и 5236 противопехотных мин, а также множество всевозможных заграждений.

Меры, принятые партией по усилению МПВО в первые месяцы войны, подтвердили их своевременность и необходимость. Особенно это сказалось в период обороны Москвы и Ленинграда²². Всего на Москву противнику удалось совершить 141 воздушный налет и сбросить более 1600 ФАБ и 100 тыс. ЗАБ²³. Действуя смело и решительно, бойцы МПВО внесли свой вклад в дело спасения Москвы от разрушения и пожаров. В отчете штаба Московского корпусного района ПВО о боевых действиях войск за первые шесть месяцев войны указывалось: «Все планы немецких оккупантов разрушить с воздуха... столицу нашей Родины натолкнулись на организованное и стойкое сопротивление частей 1-го корпуса ПВО, 6-го авиационного корпуса, МПВО и потерпели полный крах»²⁴.

То же самое можно сказать об МПВО Ленинграда. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. Жуков пишет: «За первые три месяца войны город Ленина сформировал 10 дивизий народного ополчения, 16 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, десятки маршевых подразделений... многочисленные от-

ряды местной противовоздушной обороны...»²⁵. Когда войска противника подошли вплотную к Ленинграду, в системе МПВО города имелось около 300 тыс. бойцов и командиров, объединенных в различные формирования и находившихся в постоянной готовности²⁶. За проявленную смелость и находчивость во время тушения ЗАБ и обезвреживания невзорвавшихся ФАБ, а также охрану общественного порядка уже в январе 1942 года 79 бойцов и командиров МПВО Ленинграда были награждены орденами и медалями²⁷.

В усилении МПВО страны огромную роль сыграли городские комитеты обороны²⁸. В числе других задач они решали задачи боевой деятельности формирований, комплектования подразделений и частей МПВО, обеспечения населения средствами защиты, взаимодействия МПВО с частями Советской Армии и многие другие. Так, созданный 23 октября 1941 года Сталинградский городской комитет обороны 4 ноября обсуждал вопрос «Об усилении МПВО г. Сталинграда»²⁹. В 1941—1942 гг. вопросы МПВО решались городскими комитетами обороны Астрахани, Архангельска, Вологды, Воронежа, Краснодар, Майкопа, Мурманска, Мурома, Севастополя, Новороссийска, Тамбова и многих других городов³⁰. Проверя состояние боевой готовности МПВО, городские комитеты обороны принимали срочные меры по устранению выявленных недостатков. Так, Орджоникидзевский городской комитет обороны 9 декабря 1941 года потребовал от дирекции Задонского комбината немедленно дооборудовать бомбоубежища для рабочих; в сжатые сроки привести в боевую готовность силы МПВО на фабриках и заводах города³¹.

Из 122 городов-пунктов ПВО в 1941—1942 гг. 93 было захвачено противником. В целях сокращения потерь среди гражданского населения, а также сохранения промышленных предприятий и жилого фонда в новых прифронтовых районах

¹⁹ Операция «Искра», Л., 1973, стр. 25.

²⁰ ЛГАОР СС, ф. 4886, оп. 1, ед. хр. 159, л. 48.

²¹ «Ленинградская правда», 1942, 15 января.

²² Об их создании см. «Военно-исторический журнал», 1972, № 2.

²³ ЦПА, ф. 17, оп. 88, ед. хр. 507 (ч. 1), л. 27.

¹⁹ «Военные знания», 1972, № 5, стр. 12.
²⁰ Там же, 1967, № 7, стр. 9.
²² «Военно-исторический журнал», 1972, № 3, стр. 85; № 8, стр. 79.

²³ Москва — фронту. М., 1966, стр. 237.

²⁴ Там же, стр. 108.

²⁹ Там же, ф. 17, оп. 88, ед. хр. 507, л. 27;
³⁰ Там же, ф. 17, оп. 88, ед. хр. 507, л. 27; ед. хр. 510, л. 42, ед. хр. 483, л. 23; оп. 43, ед. хр. 1049, л. 15.

³¹ Там же, ед. хр. 492, л. 22.

Коммунистическая партия создавала и укрепляла в них системы МПВО. Зона угрожаемого положения определялась с учетом расстояния от линии фронта. К концу первого периода войны мероприятия МПВО проводились уже в 223 городах, переведенных в разряд городов-пунктов ПВО. К весне 1942 года в частях и формированиях МПВО находилось более 6 млн. бойцов и командиров. Кроме того, к концу года было подготовлено по нормам ПВХО 53 млн. рабочих и служащих предприятий и учреждений, учащихся старших классов и студентов³⁴.

В новых прифронтовых районах страны в формированиях МПВО происходил процесс замены мужчин женщинами. Из системы МПВО в марте—апреле 1942 года отзывались военнообязанные мужчины до 45 лет, а их места занимали женщины в возрасте от 18 до 35 лет³⁵. Так, в МПВО столицы взамен убитых на фронт 12 тыс. мужчин прибыли девушки-добровольцы³⁶. В Ленинградскую организацию МПВО влилось 16,5 тыс. женщин³⁷, в систему МПВО Сталинграда — 7 тыс.³⁸. Женщины овладевали трудными профессиями, обучаясь пожарному, подрывному, саперному и другому делу. В группах самозащиты они составляли 90 проц. командного и политического состава.

Группы самозащиты формировались по месту жительства и являлись самыми многочисленными в МПВО. Их начальниками назначались люди самых различных специальностей. Например, в Москве эти обязанности выполняли 109 учителей, 92 работника искусства, 16 врачей, 17 профессоров, 6585 рабочих и служащих, 485 домашних хозяек и т. д.³⁹. В столице группы самозащиты с помощью комсомольско-молодежных противопожарных подразделений ликвидировали до 99 проц. загораний в жилых кварталах⁴⁰.

На промышленных предприятиях, электростанциях, железнодорожных станциях комплектовались объектовые формирования, куда входило 50—60 проц. рабочих и служащих. Таких формирований по

стране насчитывалось около 6 тыс. общей численностью до 1 млн. бойцов⁴¹.

Ответственные задачи выполняли медико-санитарные дружины. Без санитарных звеньев групп самозащиты они насчитывали более 50 тыс. человек⁴². Разыскивая в очагах поражения пострадавших, сандружинницы действовали самоотверженно и бесстрашно. Боец Сима Котлярова в Сталинграде оказала помощь 260 пострадавшим, Валентина Вихрева спасла 185 ленинградцев, а Александра Турова извлекла из особо сложных очагов поражения 32 жителя Мурманска, за что посмертно была награждена орденом Ленина.

С целью распространения массовых пожаров в Москве, Ленинграде и других городах немецко-фашистская авиация с первых дней войны начала сбрасывать на жилые и промышленные кварталы огромное количество зажигательных бомб. Лишь благодаря самоотверженности бойцов МПВО и активности жителей врагу не удалось достичь своих целей. За умелые действия при тушении пожаров Ленинградская пожарная служба МПВО 10 июня 1942 года была награждена орденом Ленина.

Кроме зажигательных, противник сбрасывал на объекты тыла нашей страны бомбы самых различных типов. Свыше 70 видов немецких электрических и механических взрывателей стало известно нашим подрывникам! Сложные по устройству, они делали очень опасную работу подразделений МПВО, занимавшихся обезвреживанием невзорвавшихся авиабомб. Однако отважные бойцы-пиротехники успешно справлялись со своими обязанностями. Со знанием дела действовали группы подрывников: Ленинграда — А. Хонюкаев, А. Литвинов, Н. Лопатин, М. Медведева, А. Ковалева, Я. Урбанович; Сталинграда, а затем Киева — И. Харченко и П. Окорков; на Октябрьской железной дороге — И. Пудич, С. Противень, И. Коротких, М. Минько, А. Аникин и многие другие. Героический подвиг совершил рядовой 4-го инженерно-противовоздушно-полка МПВО А. Белавин. Обезвреживая невзорвавшуюся бомбу, ценою своей жизни он спас Ленинградский почтамт. За мужество и отвагу А. Белавин посмертно награжден орденом Ленина и приказом

³⁴ К. С. Углоблин. Молодежь и гражданская оборона. М., 1973, стр. 81.

³⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, стр. 308.

³⁶ «Военные знания», 1966, № 12, стр. 15.

³⁷ ЛПА, ф. К-598, оп. 3, ед. хр. 300, л. 21.

³⁸ ЦА ВЛКСМ, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 85, л. 24.

³⁹ Беспримерный подвиг. М., 1969, стр. 43.

⁴⁰ «Военные знания», 1965, № 9, стр. 15.

⁴¹ Г. К. Колтунов и др. От МПВО — к гражданской обороне. М., 1968, стр. 35.

⁴² Там же.

НКВД СССР навечно зачислен в список части.

Участковые команды, объектовые формирования и группы самозащиты в основном успешно выполняли свои боевые задачи. Однако с большими очагами поражения им было очень трудно справляться. Для этого требовалась более мобильная, достаточно оснащенная техническими средствами организация. По решению ГКО в июле—августе 1942 года в 49 городах-пунктах ПВО на базе участковых команд по структуре частей Красной Армии было создано 132 отдельных городских батальона (в Москве — 25, в Ленинграде — 35), 22 отдельные роты, 3 роты управления и 26 штабных взводов общей численностью 70 тыс. человек. Эти подразделения стали укомплектовываться кадровым командным составом⁴⁴. Опыт применения подобных военизированных частей МПВО полностью себя оправдал.

Наиболее организованную и достаточно оснащенную в техническом отношении силу представляли кадровые инженерно-противохимические полки МПВО НКВД СССР. Они находились в оперативном подчинении начальников МПВО городов и областей и использовались в наиболее сложных очагах поражения.

Местная противовоздушная оборона страны свои боевые задачи решала в тесном взаимодействии с частями и соединениями Советской Армии, особенно с войсками ПВО. ГУ МПВО НКВД СССР держало постоянную связь со штабом Войск ПВО страны. Штабы МПВО городов имели связь со штабами корпусов ПВО. Так, штаб МПВО Москвы постоянно взаимо-

действовал со штабом 1-го корпуса ПВО⁴⁶, штаб МПВО Ленинграда — со штабом 2-го корпуса ПВО, штаб МПВО Баку — со штабом 3-го корпуса ПВО. Один из непосредственных руководителей контрбатарейной борьбы под Ленинградом генерал Н. Жданов в своей книге «Огневой щит Ленинграда» писал: «Только хорошо организованная система наблюдения, связи и оповещения, которая включала в себя посты МПВО и многочисленные артиллерийские наблюдательные пункты... позволяла нашим артиллеристам моментально знать о начавшемся обстреле города и о тех объектах, по которым ведется стрельба»⁴⁵.

Итак, в первом периоде Великой Отечественной войны под руководством Коммунистической партии МПВО превратилась в многомиллионную массовую организацию, которая успешно ликвидировала последствия массированных налетов фашистской авиации и артиллерии.

В тесном взаимодействии с частями Советской Армии, особенно с Войсками ПВО страны, личному составу МПВО удалось спасти от разрушения и пожаров крупнейшие административно-политические и экономические центры.

Опыт войны показал, что наиболее эффективной силой в сложных очагах поражения являются военизированные части и подразделения МПВО — полки и батальоны, а лучшей формой управления ими — единоначалие.

⁴⁴ Архив МО, ф. 135, оп. 717170, д. 4, л. 284.

⁴⁵ Н. Н. Жданов. Огневой щит Ленинграда. М., 1965, стр. 24.

*Кандидат исторических наук
полковник запаса
А. Беляев*

УДАРЫ АВИАЦИИ ПО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ ТРАНСПОРТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ТРАНСПОРТ является важнейшим элементом военно-экономического по-

тенциала страны. Еще Ф. Энгельс писал о том, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹. Промышленность и сельское хозяйство не выполняют своей задачи по обеспечению

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

⁴⁴ ЛПА, ф. 25, оп. 12, ед. хр. 113, л. 28.

армии вооружением и продовольствием, если будет нарушено сообщение между фронтом и тылом. Мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на театрах военных действий невозможно осуществлять без развитой и специально подготовленной транспортной системы.

Особое значение в обеспечении потребностей войны имеют железные дороги. На их долю в годы Великой Отечественной войны приходилось свыше 90 проц. перевозок военных грузов и свыше 97 проц. перевозок личного состава на континенте. Поэтому в период войны железные дороги явились одним из главных объектов вооруженной борьбы. При планировании операций захвату железнодорожных узлов и станций, нарушению движения по железнодорожным коммуникациям всегда придавалось важное значение. Военно-воздушные силы, партизанские и диверсионные отряды проводили специальные операции по нарушению железнодорожных коммуникаций.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что масштабы и способы борьбы на железнодорожных коммуникациях прежде всего зависят от военно-политических целей войны, имеющихся средств борьбы и складывающейся оперативно-стратегической обстановки.

В первый период войны удары нашей авиации по железным дорогам в связи с нехваткой бомбардировочной авиации и привлечением ее в основном для непосредственной поддержки сухопутных войск осуществлялись небольшими силами со значительными перерывами, что позволяло врагу быстро восстанавливать разрушенное. Поэтому действия авиации по железным дорогам не оказали существенного влияния на оперативные и снабженческие перевозки противника.

Во втором и третьем периодах войны советская авиация, захватив господство в воздухе, стала наносить массированные удары по тыловым транспортным объектам. Основными задачами авиации при действии ее по железнодорожным объектам были: задержка выдвижения и сосредоточения оперативных резервов противника, нарушение его планомерного отхода и снабжения, воспрепятствование вывоза наших людей и экономических ресурсов в Германию.

Наиболее активно советская авиация действовала по железнодорожным объектам в момент подготовки к решающим летним сражениям 1943 года. В этот период Ставка Верховного Главнокомандования потребовала усилить борьбу с железнодорожными и автомобильными перевозками в тылу противника, чтобы дезорганизовать сосредоточение и развертывание его войск. В приказе Народного Комиссара Обороны И. В. Сталина от 4 мая 1943 года указывалось: «Удары по железнодорожным составам, нападение на автоколонны считать важнейшими задачами наших ВВС»². Для борьбы с вражескими коммуникациями была привлечена авиация Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Удары наносились по всем основным дорогам в широкой полосе на глубину до 200—250 км от линии фронта — фронтовой авиацией, 250 км и более — авиацией дальнего действия. Обычно в воздушной армии для этой цели выделялось по одному штурмовому и истребительному полку. На каждое железнодорожное направление назначалась постоянная группа «охотников» из двух—четырёх самолетов. Это давало возможность летчикам за короткое время изучить порядок движения поездов врага, рельеф местности, ПВО на каждом участке дороги и успешно вести борьбу с перевозками противника. Авиация дальнего действия наносила удары главным образом по железнодорожным узлам и мостам. Только за апрель—июнь 1943 года она совершила более 7,5 тыс. самолето-вылетов³.

Опыт войны показывает, что для достижения крупных оперативных результатов необходимо массированное использование авиации одновременно по нескольким основным железнодорожным объектам, что наглядно подтверждается следующим примером. В битве под Курском для разрушения железнодорожных и автомобильных перевозок и уничтожения резервов противника были привлечены 2, 5, 3 и 17-я воздушные армии. Они нанесли массированные удары по врагу на станциях Славянск, Барвенково, Макеевка, Павлоград, Харьков, Люботин, Мереха. С 6 по

² Архив МО СССР, ф. 362, оп. 24100, д. 2, л. 107.

³ Там же, ф. 35, оп. 283244, лл. 8, 9, 10.

17 августа было совершено 2300 самолето-вылетов, в результате чего сосредоточение вражеских резервов задержалось ⁴.

Для того чтобы помешать противнику восстановить разрушенное и возобновить железнодорожное сообщение, на этом участке наша авиация в последующем наносила непрерывные удары днем и ночью. Враг вынужден был оставить технику и награбленное имущество и в панике отступить.

Опыт войны показывает, что наиболее эффективные удары наносились по станциям, на которых находились крупные склады ГСМ, боеприпасы или поезда с такими же грузами. В этом случае даже небольшие группы самолетов наносили серьезный урон гитлеровцам.

В боях за освобождение Донбасса группа из 18 ИЛ-2 305-й штурмовой авиационной дивизии произвела 25 августа налет на склады боеприпасов на станции Барвенково. Бомбами и реактивными снарядами было создано несколько очагов пожаров. После налета склады горели и взрывались более двух суток. В течение нескольких дней через станцию Барвенково не мог проследовать ни один эшелон ⁵.

В Проскурово-Черновицкой операции 8 самолетов ИЛ-2 атаковали железнодорожную станцию Клемашовка, на которой скопились военные эшелоны. В первой атаке летчики взорвали выходящий со станции эшелон и на продолжительное время прервали движение поездов. Повторными атаками они причинили противнику материальный ущерб. Железнодорожная станция была объята пламенем. Горели составы, взрывались вагоны с боеприпасами и бензином. Это надолго остановило движение ⁶.

Для того чтобы помешать противнику восстановить пути и возобновить железнодорожное сообщение, осуществлялись непрерывные удары днем и ночью не только по транспортным объектам, но и ремонтным средствам ⁷.

В период Великой Отечественной войны одним из основных объектов для действий авиации были железнодорожные

мосты. Их разрушение давало возможность на несколько суток приостановить движение. Причем наибольшие результаты достигались в том случае, если одновременно разрушалось несколько крупных железнодорожных мостов. Это прерывало железнодорожные перевозки на продолжительное время на многих магистралях, способствовало изоляции активных участков фронта от тыловых районов противника. Так, в Висло-Одерской операции усилия авиации в полосах наступления 5-й ударной и 2-й гвардейской танковой армий были направлены на дезорганизацию планомерного отхода войск противника и на борьбу с подходившими резервами, чтобы не допустить их к Варшаве. С этой целью были разрушены железнодорожный мост и переправа через Вислу у Вышеград, переправы через реки Охня у Кутно, Варта у Сердау и железнодорожный узел Лодзь. Разрушение этих объектов способствовало нашим войскам в уничтожении противника по частям ⁸.

Важные железнодорожные узлы и мосты обычно надежно защищались гитлеровцами, и для их разрушения с воздуха требовалось много сил. В этом случае, а также при недостатке сил и средств разрушение рельсов и перерыв линий в нескольких уязвимых местах на перегонах приносили нередко больший эффект, чем легкие повреждения железнодорожного узла и моста, и не приводили к большим потерям наших самолетов.

Наибольший эффект при разрушении рельсовых участков достигался в том случае, если имелось малое количество сквозных линий, а участок железной дороги проходил по труднодоступной местности.

Выгодным объектом для действий авиации являлся и подвижный состав. Это объяснялось тем, что после разрушения его было трудно восстановить. В случае вывода из строя на линиях даже небольшой части локомотивов и вагонов движение резко сокращалось.

Так, например, наша авиация, нанося удары по железнодорожным поездам на перегонах, сорвала попытки врага отвести свои войска из Орши по железной дороге на Минск. Совершив 138 самолето-вылетов, 1-я гвардейская штурмовая авиа-

⁴ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968, стр. 196.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 254.

⁷ Там же, стр. 69.

⁸ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., стр. 375.

ционная дивизия уничтожила 10 паровозов и 15 эшелонов. Движение на участке Орша — Толочин было парализовано⁹.

Опыт войны показал, что использование подвижного состава в большой мере зависело от снабжения топливом, водой и электроэнергией. В связи с этим стационарные устройства, связанные со снабжением локомотивов, также явились объектами для действий авиации. Однако наибольший эффект принесли одновременные удары по всем важнейшим железнодорожным объектам и на нескольких железнодорожных линиях. В этом случае прерывалась связь фронта с тылом в полосе целых операционных направлений. Характерным в этом отношении являются действия нашей авиации по железнодорожным коммуникациям на Дальнем Востоке при разгроме Квантунской армии. В этот период Советская Армия имела значительное превосходство в воздухе над японской авиацией. Это давало возможность поставить перед бомбардировочной авиацией 12-й воздушной армии задачу парализовать работу всех важнейших железнодорожных и автомобильных коммуникаций и не допустить к району сражений оперативные резервы противника.

Непрерывные удары нашей авиации по железнодорожным объектам оказались весьма эффективными. Они вывели из строя почти все основные коммуникации врага, сковали маневр резервами, что лишило противника возможности перебрасывать свежие силы в районы сражения.

Японское командование в условиях бездорожья и распутицы не смогло вовремя подтянуть оперативные резервы и занять

подготовленные оборонительные рубежи.

Однако в целом в период Великой Отечественной войны воздействие по коммуникациям противника нашей авиации осуществлялось небольшими силами. Советские ВВС главное внимание уделяли непосредственной поддержке сухопутных войск и завоеванию господства в воздухе.

Все вышеизложенное показывает, что эффективность воздушных ударов по железнодорожным коммуникациям зависела главным образом от наличия бомбардировочной авиации и правильного выбора транспортных объектов.

При значительном количестве самолетов максимальный эффект давали удары по дорогам с целью изоляции района активных боевых действий от притока оперативных резервов и нарушения материально-технического снабжения войск. При этом наносились одновременные массированные (иногда до 100—500 самолетов) и непрерывные удары с воздуха по всем основным железным дорогам и транспортным объектам.

Главные усилия направлялись на разрушение железнодорожных узлов и мостов, по которым к фронту шел основной поток войск и снабженческих грузов.

При ограниченном количестве авиации, а также надежно организованной системе воздушного прикрытия и восстановления железнодорожных узлов и мостов наибольший результат достигался путем уничтожения эшелонов, повреждения путей на слабокрытых перегонах, станций и мостов через крупные реки.

⁹ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., стр. 303.

*Кандидат военных наук
полковник М. Широков*

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ЕЩЕ в предвоенные годы Коммунистическая партия и Советское правительство, взяв курс на всемерную моторизацию и механизацию Красной Армии, провели огромную работу по оснащению:

всех видов вооруженных сил автомобильной техникой. Наряду с развертыванием массового производства новых автомобилей была разработана довольно четкая система поставки автомобильной техники и ремонтных средств в войска. В результате к 1 июня 1941 года автомобильный парк Красной Армии насчитывал 272,6 тыс. единиц, из них более 27 тыс. машин составляли специальные формирования автомобильных войск — резерв оперативного и стратегического командования. Всего в

Вооруженных Силах было: 19 отдельных автомобильных полков, 37 отдельных автомобильных батальонов и 65 автомобильных депс¹. Несмотря на это, с началом Великой Отечественной войны возник ряд трудностей при комплектовании войск автомобильной техникой, поступавшей из народного хозяйства.

Вероломное нападение фашистской Германии и временные неудачи наших войск в первые дни войны затруднили мобилизацию автотранспорта в западных приграничных областях СССР. В результате большое количество автомобилей осталось на захваченной территории. Много автомашин, направленных из внутренних районов страны в войска, оказалось технически неисправными и без водителей. К концу июня 1941 года на железных дорогах в прифронтовой полосе простояло 1320 поездов с автомобилями без водителей и горючего, в то время как войска нуждались в автотранспорте². С июня по декабрь 1941 года в армию из народного хозяйства поступило 166,2 тыс. автомобилей, а потери по разным причинам за этот же период составили 159 тыс. машин, или 45 проц. потерь автомобилей за все годы минувшей войны³.

Формирование автомобильных частей и подразделений в большинстве внутренних военных округов срывалось. Острая потребность в транспорте вынуждала направлять автоформирования на фронт не только не сколоченными, но даже не полностью укомплектованными водителями и автомобилями. Так, на Юго-Западный фронт своим ходом из центральных районов страны были направлены автобатальоны в составе 40—60 машин различных марок, что составляло немногим более 15—20 проц. штатной численности⁴. Примерно так же обстояло дело с поставкой автотранспорта и другим фронтам и армиям.

В связи с тяжелым положением, создавшимся в начале войны в транспортном обеспечении Советской Армии, Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб предприняли решительные меры. В результате проведенных в июле — августе 1941 года крупных организаци-

онно-технических мероприятий уже к началу сентября 1941 года фронты и армии значительно пополнились автотранспортом, было создано несколько новых автомобильных формирований. Автомашины поступили за счет дополнительной мобилизации из народного хозяйства, внутренних военных округов, выпуска автозаводами и усиленного ремонта на различных предприятиях. Это позволило обеспечить первоочередные нужды оперативных объединений по перевозке войск, подвозу боеприпасов и горючего. Общее количество наличного парка авточастей фронтового и армейского подчинения составляло (главным образом автомобили ЗИС-5, ГАЗ-АА) на Северном фронте — 2454 автомобиля, на Северо-Западном — 1632, на Западном — 3883, Юго-Западном — 4535, Южном — 3851, во фронте Резервных армий — 3768. Грузоподъемность их была соответственно 4899, 3043, 8277, 8982, 8351 и около 8200 т⁵.

В результате большой работы, проведенной командованием фронтов, органами тыла, автотранспортными частями и дорожными органами, к концу первого периода войны эксплуатация автомобилей улучшилась, движение транспорта на дорогах упорядочилось. Увеличилось и количество машин в автомобильных частях с 21 292 (на 1 августа 1941 года) до 32 936 (на 1 апреля 1942 года). В этот период, несмотря на сложность обстановки, автотранспортом было перевезено 12 556 тыс. т грузов и общий пробег составил свыше 226 млн. км⁶.

Особенно большую роль сыграли автомобильные перевозки войск и грузов в наступательных операциях, проведенных Советской Армией во втором и третьем периодах войны. Огромный размах, чрезвычайная подвижность и маневренность войск в операции, высокие темпы продвижения их, особенно танковых и механизированных, обусловили резкое увеличение потребностей фронтов и армий в материальных средствах, а следовательно, и в средствах доставки их на поле боя. В то же время массовое разрушение противником железных дорог и крупных объектов на них вызывало неизбежный

¹ Архив МО СССР, ф. 41, оп. 34880, д. 2, л. 2.

² Там же, ф. 288, оп. 2891, д. 2, л. 55.

³ Там же, ф. 41, оп. 34880, д. 2, лл. 3—8.

⁴ Там же, оп. 35441, д. 6, лл. 4—6.

⁵ Архив МО, ф. 41, оп. 34764, д. 19, лл. 128—131.

⁶ «Военно-исторический журнал», 1971, № 2, стр. 87.

отрыв наступающих войск от железных дорог, темпы восстановления которых были сравнительно невысокими. Поэтому основной объем перевозок в ходе операций, особенно в армейском тылу, перекладывался на автотранспорт.

Этому способствовало и то, что к концу 1943 года значительно увеличился автопарк транспортных машин фронтowego и армейского подчинения. К этому времени стало больше выпускаться отечественных автомобилей, улучшилось дело поставки машин по ленд-лизу, значительно увеличались производственные возможности авторемонтных предприятий всех категорий, а также использовался в войсках трофейный автотранспорт. Например, Сталинградский фронт с 20 ноября по 30 декабря 1942 года захватил 2821 автомобиль⁷, а Воронежский фронт в битве под Курском — 1344 автомашины⁸. Если в 1942—1943 гг. фронты имели по 3—6 отдельных автобатальонов для перевозки войск и грузов, а армии по 1—2 батальона, то уже в 1944—1945 гг. каждое фронтное объединение включало, как правило, автомобильную бригаду трехполкового состава и несколько отдельных батальонов, а общевойсковая армия — 2—3 отдельных автомобильных батальона.

Кроме того, был накоплен богатый опыт организации и осуществления перевозок автотранспортом. Так, при увеличении численности грузового автопарка в ходе второго периода войны на 25 проц. количество перевезенных грузов автотранспортом возросло почти в три раза.

С каждым годом в соединения и части поступало все большее количество автомашин. Так, если по штату 1942 года в стрелковой дивизии предполагалось иметь 154 единицы автомобильной техники всех видов, то к концу войны в ее штате числилось уже около 342 машин. Общая численность автопарка Красной Армии на 1 мая 1945 года составляла 665 тыс. автомобилей⁹. Из этого количества около 80 тыс. было сосредоточено в специальных автомобильных батальонах, полках и бригадах армий, фронтов и центра, которые использовались как мощные транспортные средства для перевозки войск и

грузов по планам оперативного командования и Ставки ВГК.

В ходе Великой Отечественной войны автотранспорт, кроме непосредственного обеспечения боевых действий, использовался для воинских перевозок различного назначения: оперативных, снабженческих, эвакуационных, военно-восстановительных, людского пополнения, тыловых частей и учреждений, а также выполнял транспортные работы в народном хозяйстве, особенно в отраслях военного производства и сельском хозяйстве.

В общей сложности за годы минувшей войны автотранспортом были перевезены сотни соединений и частей, около 3,5 млн. человек, 145 млн. т снабженческих грузов¹⁰, эвакуировано несколько миллионов раненых и больных, а также значительное количество поврежденной техники, вооружения, различного военного имущества.

Обеспечение бесперебойной работы транспорта уже в первые месяцы войны вызвало необходимость создания, по существу, новой, более надежной системы технического обеспечения. Выход из строя значительного количества автотехники по разным причинам потребовал организации полевого ремонта машин в широких масштабах и во всех звеньях автомобильной службы — от полка до центра. Уже к концу 1943 года ремонтные средства Главного автомобильного управления насчитывали свыше 300 частей, в том числе: подвижных ремонтных баз (ПРБ) — 93, отдельных ремонтно-восстановительных батальонов (орвб) — 64, армейских ремонтно-восстановительных батальонов (арвб) — 16, ремонтных баз — 7, эвакуационных рот — 49, подвижных авторемонтных заводов (парз) — 5, центральных ремонтных заводов и баз — 14¹¹. Наличие такого количества предприятий позволило в ходе войны своевременно производить ремонт автомобильной техники.

Всего за время войны было выполнено более 1 715 тыс. средних и капитальных ремонтов автомобилей различного назначения, из них в полевых условиях 1639 тыс. Всего же за годы войны в среднем и капитальном ремонте побывало свыше 1,5 млн. машин, с поля боя и маршрутов движения войск эвакуировано около

⁷ Архив МО, ф. 220, оп. 451, д. 4, л. 175; ф. 413, оп. 5130, д. 8, лл. 13—15.

⁸ Архив МО, ф. 236, оп. 8695, д. 54, л. 169.

⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 6, М., 1965, стр. 72.

¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 6, стр. 72.

¹¹ Архив МО, ф. 41, оп. 34441, д. 13, лл. 15—16.

328 тыс. поврежденных и трофейных автомобилей¹².

Органы автомобильной службы проделали большую работу по организации снабжения войск автомобильными запасными частями. Известно, что централизованное снабжение запасными частями с начала войны и до 1943 года в связи с эвакуацией многих предприятий на восток (особенно Московского автозавода и его смежников) было сопряжено с большими трудностями. Нехватка запасных частей, естественно, вынудила войска компенсировать их за счет мобилизации своих внутренних источников. В полевых условиях ремонтники всех звеньев автослужбы реставрировали старые и изготавливали новые детали для машин, а также изыскивали их в районе боевых действий. Накопленный опыт позволил в 1944—1945 гг. до 70 проц. потребности в автомобильных запасных частях покрывать путем полного использования внутренних ресурсов войск действующей армии, в том числе: за счет местных средств — от 10 до 15 проц.; за счет изготовления в ремонтных подразделениях и частях — от 10 до 25 проц.; за счет реставрации — от 30 до 50 проц. В третьем периоде войны в значительных размерах использовалось трофейное автомобильное имущество и техника.

Важное место в деле планомерного снабжения войск запасными частями занимали склады и базы автотракторного имущества. К концу войны общее число их достигло 115 единиц, из них центрального подчинения было 8, фронтового — 18, окружного — 14 и армейского — 75. Склады выполнили огромный объем работ по приему, отпуску, хранению и учету автотракторного имущества и техники.

Обеспечение бесперебойной работы автотранспорта действующей армии вызвало необходимость организации подготовки огромного количества кадров водителей и ремонтников, техников и механиков. В связи с этим в течение 1941—1944 гг. было сформировано 12 учебных автомобильных полков и несколько учебных автомобильных батальонов и специальных автомобильных школ. Эти части и подразделения за годы войны выпустили около 250 тыс. специалистов автомобиль-

ной службы. Автомобильными училищами и высшей автомобильной офицерской школой было подготовлено 4750 офицеров¹³. Это позволило своевременно восстанавливать потери автомобилистов в ходе боевых действий.

Ускоренная автомобилизация войск настоятельно потребовала создания самостоятельных органов автомобильной службы. В январе 1943 года согласно постановлению Государственного Комитета Оборонных дел было сформировано Главное автомобильное управление Советской Армии, а также автомобильные управления и отделы — во фронтах и армиях¹⁴. На вновь созданные органы управления возлагались задачи: снабжение войск автотехникой и имуществом, организация и выполнение автомобильных перевозок, техническая эксплуатация и ремонт автомобилей, а также подготовка кадров специалистов автомобильной службы. Резкое увеличение в соединениях и частях количества автомобилей вызвало необходимость создания в них самостоятельной автомобильной службы. В связи с этим в первой половине 1944 года в частях и соединениях всех родов войск была учреждена должность начальника автомобильной службы. Проведенные мероприятия способствовали повышению уровня обеспечения войск в транспортном отношении. Это также позволило значительно эффективнее использовать автомобили. Коэффициент технической готовности фронтового и армейского автопарка возрос в 1944—1945 гг. по сравнению с 1941—1942 гг. на 25—30 проц., а коэффициент использования до 25 проц.

Хорошо налаженный ремонт и восстановление автомобилей, продуманное решение вопросов дорожного обеспечения и проведение различных организационных мероприятий обеспечили значительное увеличение среднесуточного пробега автотранспорта. Так, если в большинстве фронтовых операций 1941 года среднесуточный пробег автомобилей составлял немногим более 100 км, то уже в 1943—1944 гг. — 150—160 км, а в 1945 — до 200 км¹⁵. В связи с быстрым продвижени-

¹² Архив МО, ф. 41, оп. 34765, д. 14, л. 141.

¹⁴ Новая служба была создана за счет выделения сил и средств из Главного автотанкового управления и Главного управления автотранспортной и дорожной службы. (История Великой Отечественной войны 1941—1945, т. 3. М., 1964, стр. 218).

¹⁵ Архив МО, ф. 41, оп. 280958, д. 11, лл. 14—21.

¹³ Архив МО, ф. 41, оп. 34441, д. 13, л. 41.

ем наступающих войск, особенно в третьем периоде войны, резко возросло и расстояние подвоза грузов автотранспортом — в среднем оно составляло 250—300 км. Отдельные разовые перевозки, особенно боеприпасов, осуществлялись на расстоянии 500—600 км, как это было, например, в Виспо-Одерской операции¹⁶.

За годы войны в центре, на фронтах и в армиях выросли кадры квалифицированных специалистов автомобильной службы, опытных командиров частей и подразделений. Крупными организаторами массовых автомобильных перевозок войск и грузов, смелыми новаторами в деле эффективной эвакуации и ремонта поврежденной техники в наступательных и оборонительных операциях, где впервые использовались десятки тысяч автомобилей, проявили себя многие генералы и офицеры автомобильных войск. Среди них: начальники Главного управления в разное время минувшей войны — генерал-полковник В. Е. Белокосков, генерал-лейтенанты технических войск Э. И. Кондратьев, И. П. Тягунов, начальники управлений фронтов — генерал-лейтенанты технических войск Н. В. Страхов, С. М. Черемис, генерал-майоры технических войск П. С. Вайзман, М. А. Кузнецов, А. Л. Матвиевский, генерал-майор танковых войск И. А. Лапшин и многие другие.

Образцы самоотверженности, трудолюбия и высокой сознательности показали водители боевых, транспортных и специальных машин. Героический труд воинов-автомобилистов в годы войны по достоинству отмечен Советским правительством. Десятки тысяч солдат, сержантов и офицеров автомобильных войск были награждены орденами и медалями Советского

Союза. Наиболее отличившимся воинам-автомобилистам было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них: старшие сержанты Н. А. Бабаев, В. Н. Терлецкий, П. И. Назаренко, сержант М. А. Самодеев, рядовой Ф. И. Земляных и другие.

За образцовое выполнение заданий по перевозке войск и грузов в сложных боевых условиях 39 автомобильных бригад полков и батальонов были награждены орденами, а 15 — удостоены почетных наименований городов, в освобождении которых они принимали участие. Среди них: 18-я Барановичская Краснознаменная, ордена Кутузова II степени бригада, 22-я автомобильная Одесская бригада, 70-й автомобильный ордена Кутузова III степени и ордена Красной Звезды полк, 783-й отдельный автомобильный ордена Александра Невского и ордена Красной Звезды батальон и многие другие.

Отмечен правительственными наградами трудовой и ратный подвиг личного состава ремонтных частей. Орденом Красной Звезды награждены 268, 275 и 289-й отдельные ремонтно-восстановительные батальоны, 54-я и 566-я подвижные авторемонтные базы и другие.

В годы Великой Отечественной войны в войсках действующей армии был накоплен огромный опыт по организации и выполнению массовых воинских автомобильных перевозок, ремонту и восстановлению автомобильной техники, снабжению ее запасными частями и эксплуатационными материалами, подготовке кадров специалистов автомобильной службы. Этот опыт не потерял своего значения и в настоящее время. С учетом современной организации и боевой техники он может служить делу обучения и воспитания воинов-автомобилистов.

*Доцент, доктор военных наук
полковник Н. Малюгин*

ШЕФСКИЕ ЗНАМЕНА — СИМВОЛ ЕДИНСТВА АРМИИ И НАРОДА

В. И. ЛЕНИН неоднократно указывал, что в победах над врагами молодого Советского государства большую роль сыграли прочные связи тыла и фронта, что советский тыл являлся одним из источ-

ников высокого морального духа Красной Армии. «Когда красноармейцы видели, что в тылу о них заботятся,— говорил он,— тогда Красная Армия была одушевлена тем духом, который давал ей победу»¹.

Ценнейшими историческими памятниками нерушимой связи армии и народа

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 361.

¹⁶ Архив МО, ф. 236, оп. 2719, д. 67, лл. 106-109; оп. 2735, д. 21, л. 91.

являются шефские Красные знамена, многие из которых ныне хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил СССР (ЦМВС СССР).

В числе инициаторов вручения сражающимся частям Красных знамен были трудящиеся Петрограда. В первую годовщину Октябрьской революции Петроградский Совет передал Красное знамя войскам VI армии Северного фронта, в составе которой сражались и рабочие города. В ответной телеграмме командование писало: «Войска VI армии, уже нанешие ряд тяжелых ударов регулярным войскам империалистов, окажутся досгойными той чести, которую оказал им Красный Питер, и понесут вперед алое знамя, символ пролетарской революции, вперед к победам»².

В трудный для Родины час, когда денкинцы рвались к Москве, на помощь Южному фронту первыми пришли рабочие Петрограда. Проведя мобилизацию, они направили на фронт лучших своих представителей. В. И. Ленин высоко оценил этот патриотический почин. В статье «Пример петроградских рабочих» он писал: «Товарищи рабочие! Возьмемтесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей! Больше сил на деятельность в войске, больше почина и смелости, больше соревнования, чтобы сравняться с петроградцами, и победа будет за трудящимися; помещичья и капиталистическая контрреволюция будет добита»³. Вскоре на фронт прибыла делегация из Петрограда. Она привезла красные знамена для передачи их воинским частям, отличившимся в боях.

Одно знамя и грамота РВС XIII армии, датированная 15 декабря 1919 г., были вручены стрелковому полку 3-й стрелковой дивизии в Купянске⁴. На одной стороне полотнища изображены серп и молот и помещена надпись: «Питерские рабочие и работницы смелым бойцам Красной Армии Южного фронта. Красному Югу от Красног Севера». На другой стороне в левом верхнем углу изображены плуг, молот и написано: «Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских депутатов. Совет профессиональных союзов». В правом нижнем

Шефское знамя, врученное 1-му Петроградскому караульному батальону

углу изображены наковальня, серп и молот.

О том, какой подъем вызвало вручение знамени, говорится в ответном письме воинов. «Дивизия просит передать братский привет петербургским рабочим и работницам, клянется под Красным знаменем вести до конца разгром белогвардейских банд, кровью своею освободить юг России и восстановить власть Советов на братской Украине»⁵.

Другое Красное знамя от Петроградского Совета было вручено латышской стрелковой дивизии в Харькове 27 декабря 1919 г. На площади имени Розы Люксембург проходил парад частей соединения. Собралось много народу. Представитель Реввоенсовета Южного фронта М. Л. Павлович вручил знамя и грамоту начальнику дивизии — Ф. Калныню. «Красный Питер, — говорилось в грамоте, — приветствует доблестную Латдивизию, отличившуюся в непрерывных боях с гидрой контрреволюции, нанесшую первый грозный удар под г. Кромами черным силам царского генерала Деникина, наступавшего на Москву... Признавая эти геройские заслуги Латдивизии, красный питерский пролетариат вручает... Красное знамя и надеется, что Латдивизия, сокрушившая адские планы контрреволюции, нанесет остаткам белогвардейских банд генерала Деникина окончательный удар»⁶.

После войны шефство над частями Красной Армии получило дальнейшее рас-

² ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, д. 28, л. 22.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 208.

⁴ ЦГАСА, ф. 34912, оп. 1, д. 806.

⁵ «Боевая правда» (газета 7-й армии), 1919, 25 декабря.

⁶ Гражданская война на Украине. Киев, т. 2, 1967, стр. 598.

пространение. Вначале эта помощь именовалась как «попечительство», «приписка», а вскоре получила установившееся название — шефство. В 1922 г. была организована Центральная шефская комиссия при РСФСР, разработавшая проект «Положения о Красном шефстве».

Шефство принимали Центральные правительственные и партийные органы, местные советские и общественные организации, коллективы предприятий. В ознаменование принятия шефства воинские части и соединения получали красные знамена. Вручение их, как правило, приурочивалось к праздникам: 23 февраля, 1 мая, 7 ноября, а также к датам одержанных боевых побед или формирования частей.

В январе 1922 г. над 1-й Конной армией стал шефствовать ВЦИК. В станице Лабинской на торжественном построении председатель ВЦИК М. И. Калинин вручил командарму С. М. Буденному Красное знамя (см. фото).

7 ноября 1923 г. над Артиллерийской академией РККА принял шефство Петроградский Совет. Учебному заведению передавалось на хранение Почетное революционное Красное знамя с орденом Красного Знамени, которым по решению 7 Всероссийского съезда Советов был награжден Петроград. На древке алела лента с надписью: «Артиллерийская академия, храни дар 7-го Всероссийского съезда Советов. Петросовет»⁷.

⁷ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Церемония вручения знамени состоялась в академии.

В связи с принятием шефства воинским частям и соединениям присваивались почетные наименования, которые объявлялись приказами РСФСР, а затем РСФСР СССР.

Надписи и лозунги, эмблемы и изображения на Красных знаменах свидетельствуют о неразрывной связи народа и армии, о том, что Красная Армия — надежная защитница первого в мире государства рабочих и крестьян.

Так, например, на шефском знамени 92-го кавалерийского полка, принятом от Кубанского окружного профессионального союза строительных рабочих, надпись гласит: «Сила Красной Армии в союзе рабочего класса с крестьянством под руководством ВКП (б)»⁸. На Красном знамени 1-го Демидовского кавалерийского полка 4-й Смоленской стрелковой дивизии, врученном Демидовским уездным исполкомом, начертано: «Красная винтовка, плуг и молот — сила и опора пролетарской диктатуры»⁹. На шефском знамени 5-го моторно-пontonного отряда призыв: «Да здравствует союз между трудящимися РСФСР и Красной Армией — их оплотом и защитой»¹⁰.

В первые годы шефской работы большое внимание уделялось материальной помощи, особенно улучшению красно-

⁸ Военно-исторический музей артиллерии, войск связи и инженерных войск.

⁹ ЦМВС СССР, инв. 9/5014.

¹⁰ Там же, инв. 0/4830.

армейского быта, красноармейских казарм. Газета «Известия» в статье «Туркестан — Красной Армии» писала: «Общественная помощь выражалась в виде отчислений с заработка рабочих и служащих, в виде бесплатной работы в мастерских в форме субботников и, наконец, в виде материальных и денежных... пожертвований по подписным листам и т. д.»¹¹. Например, к 25 октября 1923 г. в 147 воинских зданиях Одессы был произведен ремонт за счет трудящихся.

Материальная помощь шефов сочеталась с помощью по повышению культурного уровня воинов. В решении этой проблемы большое значение приобрело шефство профсоюза работников просвещения и искусства. В приказе РВС СССР говорилось: «В торжественный день празднования пятилетнего существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии Всероссийские профессиональные союзы работников просвещения и работников искусств принимают культурное и художественное просветительное шефство над Красной Армией и Красным Флотом.

В годы ожесточенной гражданской войны работники просвещения и искусств на фронтах и в тылу давали свои силы на укрепление духа и боеспособности армии.

Повсеместно и стихийно возникала эта помощь в деле ликвидации неграмотности и облегчения тяжелой обстановки фронтовой жизни художественными развлечениями.

Ныне, в годы усиленной всенно-политической учебы, та же братская связь, но уже в форме широко развернутого, планомерно организованного шефства с повседневным неослабным попечением о духовных нуждах Красной Армии и Флота»¹².

Воинским частям и соединениям, над которыми было принято шефство работниками культурного фронта, также вручались красные знамена. Шефы помогали бороться с неграмотностью, читали лекции, организовывали бесплатные посещения театров, кинотеатров, концертов и т. д. Только за 5 месяцев шефства было выдано 75 тысяч бесплатных билетов для воинов Петроградского гарнизона¹³. И

так было во многих городах.

12 декабря 1924 г. М. В. Фрунзе подписал приказ РВС СССР, в котором указывалось, что шефство «дало прекрасные образцы братской заботливости пролетарских организаций о всех материальных и культурных нуждах частей Красной Армии». Далее отмечалось, что «ныне признается необходимым перенесение центра тяжести на укрепление спайки и культурной смычки трудящихся с Красной Армией, т. е. на идейное шефство»¹⁴.

Этот приказ отражает те изменения, которые произошли в экономике Советской страны в результате успешного восстановления народного хозяйства. Воинские части полностью перешли на обеспечение государства, и необходимость материальной помощи им от трудящихся отпала.

До 1927 г., т. е. до введения единого образца Красного знамени воинской части Красной Армии, шефское знамя в ряде случаев становилось Знаменем части. Однако и после 1927 г. шефские знамена, врученные от имени правительственных органов государства или союзных республик, разрешалось считать Знаменем воинской части или соединения¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны шефские связи народа и армии еще более окрепли. Вся страна принимала участие в этом патриотическом движении. Проявлялось оно в различной форме. Как и прежде, в знак шефских связей вручались красные знамена. Во время войны в шефской работе принимали участие почти все районы Москвы, многие предприятия и учреждения. Трудящиеся столицы шефствовали над 96 воинскими частями и соединениями¹⁶.

Известны многочисленные примеры самоотверженных поступков советских воинов, совершенных под красными знаменами, врученными шефами.

В Брестской крепости, например, воины героически сражались под шефским знаменем, врученным 16-му стрелковому полку в 1922 г. от имени III Коммунистического интернационала¹⁷.

¹¹ «Известия», 1923, 13 ноября.

¹² Приказ РВС СССР № 397 от 23 февраля 1923 г.

¹³ «Правда», 1923, 14 ноября.

¹⁴ Приказ РВС СССР № 1502, 12 декабря 1924 г.

¹⁵ Приказ РВС СССР № 57, 3 февраля 1927 г.

¹⁶ Москва—фронту. Сб. документов и материалов. М., 1966, стр. 386.

¹⁷ ЦМВС СССР, инв. 9/7291.

В период подготовки советских войск к боям на Курской дуге, в конце апреля 1943 г., в 129-ю стрелковую дивизию прибыла делегация из Москвы и привезла переходящее Красное знамя РК ВКП (б) и райисполкома для вручения его от имени трудящихся Железнодорожного района столицы, шефствовавшего над соединением, лучшему полку. По приказу командира дивизии Красное знамя было вручено 457-му стрелковому полку, который был сформирован в октябре 1941 г. и участвовал в обороне столицы.

Вручение знамени состоялось в торжественной обстановке 1 мая. Руководитель московской делегации передал алое полотнище командиру полка и зачитал письмо-наказ: «Мы, трудящиеся Железнодорожного района г. Москвы, желая еще больше усилить непосредственную связь с фронтом, взяли шефство над вашей частью, и с тех пор вся ваша боевая жизнь, ваши дела и успехи стали нашим родным и кровным делом. Для того чтобы эта связь была еще более глубокой, мы решили установить переходящее Красное знамя РК ВКП (б) и райисполкома и сегодня, вручая это переходящее Красное знамя лучшему полку, даем вам свой боевой наказ: помните о поруганной русской земле, о сотнях тысяч замученных... советских людей, помните и никогда не забывайте об этом! До тех пор, пока в жилах ваших течет кровь, пока бьется ваше сердце, пока видят ваши глаза — бейте врага насмерть.

Пусть освобождение родной земли от врага станет смыслом и целью всей вашей жизни»¹⁸.

Бойцы и командиры 457-го стрелкового полка поклялись с честью пронести это знамя через огонь сражений и беспощадно истреблять немецко-фашистских захватчиков (см. фото на стр. 89).

Красное знамя москвичей стало Знаменем полка (Знамя части образца 1942 г. полку было вручено только в 1944 г.)¹⁹.

Особенно отличилась 129-я стрелковая дивизия, сражаясь за Орел. Здесь 457-й стрелковый полк вел тяжелые бои с противником. Красное знамя шефов вдохновляло воинов, вселяло в них силы в борьбе с врагом. В исключительно напряженные моменты по приказу командира полка оно появлялось в боевых поряд-

ках. Так было во время боев за высоту 240,2, за населенный пункт Большой Малиновец. С гордостью пронесли воины полка шефское знамя, опаленное огнем сражений, по улицам освобожденного Орла.

Когда 129-я стрелковая дивизия была удостоена почетного наименования Орловской, от трудящихся Железнодорожного района Москвы пришли приветствия. Они были опубликованы в газете «За Родину».

«Дорогие товарищи, — писали шефы, — мы бесконечно счастливы, что среди доблестных воинов Красной Армии, первыми ворвавшихся в исконный русский город Орел, на своих штыках пронесших победу сквозь огонь и дым, заслуживших благодарность современников и потомков, было наше подшефное подразделение...

Сегодня мы с радостью отмечаем, что наши слова и наказы вы претворили в жизнь, в боях за Родину проявили мужество, доблесть и овеяли вечной славой свои боевые знамена.

Ваши исторические победы вдохновляют трудящихся нашего района, как и всех трудящихся Советского Союза, на новые трудовые подвиги на помощь фронту.

Мы обязуемся мобилизовать все свои силы на досрочное выполнение производственного плана 1943 года всеми предприятиями района, на отличную подготовку железнодорожного транспорта и предприятий промышленности к работе в условиях зимы, на увеличение продукции для фронта.

Мы будем еще напряженнее трудиться для достижения окончательной победы.

Желаем вам новых боевых успехов во славу Родины, на погибель врагам.

Мы уверены, что в предстоящих боях знамена вашей части покروются новой славой.

Близится день победы, близится день великого салюта в честь Красной Армии, изгнавшей врага с территории нашей Родины. Мы верим, что этот день недалек.

Да здравствует честь, свобода и независимость нашей Родины»²⁰.

Это письмо подписали свыше 10 тысяч человек.

Теплые слова шефов вдохновили воинов на новые подвиги. В дальнейших боях полк получил наименование Белостокского и был награжден орденом Красного

¹⁸ ЦМБС СССР, инв. 16/5657.

¹⁹ Там же, инв. 13/4140.

²⁰ «За Родину», № 92, 1943, 19 августа.

Знамени. 6 воинов полка стали Героями Советского Союза, а 4246 человек получили ордена и медали. Всю войну знамя шефов находилось в полку и лишь в 1947 г. поступило в Центральный музей Вооруженных Сил СССР²¹.

Тесные шефские связи с воинами поддерживали и жители осажденного Ленинграда. Вот только один пример. В составе войск Ленинградского фронта сражалась 11-я стрелковая дивизия, сформированная в 1918 году в Петрограде и еще четверть века назад защищавшая колыбель революции. Воины соединения писали ленинградцам: «...принимая от вас Красное знамя, мы все, солдаты и офицеры, клянемся: Знамя это понесем высоко в грядущих боях, славой немеркнувшей овеем его»²². В канун 26-й годовщины Великого Октября в письме-рапорте они доложили ленинградцам о боевых успехах соединения, об особо отличившихся воинах. Рассказали о том, что в марте 1942 г. в дивизию прибыли братья-сибиряки Шумовы — Александр, Авксентий, Лука, Иван и Василий, добровольно ушедшие на фронт. Они составили расчет миномета и уничтожили свыше 500 фашистов, несколько дзотов и огневых точек. 15 правительственных наград удостоены братья Шумовы. Вскоре к ним присоединился шестой брат, Семен, ранее воевавший на другом фронте.

В конце письма говорилось:

«Заверяем вас также о том, что каждое слово о ваших трудовых успехах придает нам новые силы в борьбе, повышает наш боевой наступательный порыв. Это происходит потому, что все мы — вы в городе-герое, а мы на передовой линии фронта — делаем одно общее дело — дело нашей победы над врагом...»²³.

В фондах музея имеется еще много шефских знамен, у которых не менее интересная история. Знамена, пронесенные по полям сражений, стали бесценными реликвиями более чем полувекового пути Советской Армии и Военно-Морского Флота. Шефские и боевые знамена широко используются в военно-патриотическом воспитании трудящихся, в партийно-политической работе в частях и соединениях. Пропаганда их истории тесно увязывается с материалами борьбы за Советскую власть, за честь и независимость нашей Родины.

В декабре 1974 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по культурному шефству над Вооруженными Силами. В выступлениях говорилось, что в наши дни военно-шефская работа выросла в целый комплекс идеологических мероприятий. Особенно она активизируется в связи с приближением 30-летнего юбилея Победы над фашистской Германией.

Шефские связи помогают решать одну из важнейших задач идеологической работы, поставленных XXIV съездом КПСС, — воспитывать советских людей на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии, народа и его Вооруженных Сил.

*Старший научный сотрудник
Центрального музея Вооруженных Сил
СССР*

В. Рыбкина

²¹ ЦМВС СССР, инв. 16/5401.

²² Там же, инв. 4/1088.

²³ Там же.

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. П. МИХНЕВИЧА

СОВЕТСКАЯ военная наука базируется на методологических положениях марксистско-ленинского учения о войне и армии. Она, указывает Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, «впитала в себя также лучшие достижения военно-теоретической мысли прошлого, критически переработав их применительно к новым условиям»¹. К таким достижениям в известной степени относится и военно-теоретическое наследие Николая Петровича Михневича², который создал ряд трудов по военной истории, стратегии и тактике³. В них Н. П. Михневич стремился осмыслить военное искусство армий эпохи империализма, чем внес заметный вклад в военную теорию.

Изучением наследия Михневича уже занимались советские военные историки Л. Г. Бескровный, А. А. Строков и Г. П. Мещеряков, но главным образом в рамках тех задач, которые решались в их трудах⁴. В целом оно еще недостаточно

раскрыто. Настоящая статья имеет целью осветить важнейшие военно-теоретические положения Михневича.

Как военный писатель Михневич сложился в 90-е годы XIX века, когда в буржуазных государствах Европы и в России, раздираемых социальными противоречиями, шел интенсивный процесс роста массовых армий и оснащения их новыми по тому времени средствами борьбы. Армии вооружались магазинными винтовками, скорострельными орудиями и пулеметами, вводились бездымный порох, телефон и радио. В военных целях широко использовались железные дороги и паровой флот. Вследствие развития системы всеобщей воинской повинности армии возросли до огромных размеров. Все это, будучи обусловлено экономическим и научно-техническим прогрессом буржуазных государств, превращало войну не только в военное, но и экономическое состязание сторон, выдвигало перед военными теоретиками задачу пересмотра стратегических и тактических взглядов, разработанных ранее на основе опыта наполеоновских войн.

В русских и западноевропейских военно-научных кругах предпринимались попытки осмыслить новые явления и тенденции в военном искусстве. Среди русских военных теоретиков в вопросе о путях развития теории определились два идейных течения. Представители одного из них во главе с видным теоретиком стратегии Г. А. Леером⁵ сводили сущность военной науки к «вечным и неизменным принципам» военного искусства, опирались главным образом на полководческое наследие Наполеона. Русское военное искусство и опыт войн второй половины XIX века ими недооценивались. Такой подход к теории вел к насаждению в войсках догматизма и шаблонов. Представители другого течения выступали против принципов военного искусства в трактовке Леера. Критикуя догматизм лееровской школы, они пытались установить связь военной теории с материальными условиями развития военного дела, подчеркивали его национальные особенности, ратовали за возрождение суворовских традиций в русском военном искусстве, но в то же время недооценивали и даже отрицали военную

¹ А. А. Гречко. Вооруженные Силы Советского государства. М., 1974, стр. 287.

² Н. П. Михневич родился 7 октября 1849 г.; образование получил в 1-й московской гимназии и Константиновском межевом институте, в 3-м военном Александровском училище (1867—1869) и Академии Генерального штаба (1879—1882); службу начал в лейб-гвардии Семеновском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; после окончания академии проходил службу в войсках; с 1892 г. — профессор военного искусства Академии Генерального штаба; в 1901—1907 гг. — начальник этой академии; с 1907 по 1911 г. командовал 24-й и 2-й гвардейской пехотными дивизиями и 5-м армейским корпусом; с 1910 г. — генерал от инфантерии; с 1911 по 1917 г. — начальник Главного штаба. В годы Советской власти Михневич работал (1919—1925 гг.) штатным преподавателем стратегии, тактики и военной истории в Артиллерийской академии РККА, на 1-х Петроградских артиллерийских курсах и в Петроградской пехотной интернациональной школе. Умер в Ленинграде 8 февраля 1927 г. (ЦГВИА, п/с Михневича Н. П. № 147—143, лл. 7—15; ЦГАСА, п/с Михневича Н. П. № 95—122, лл. 1—4; ф. 24698, оп. 1, д. 64, л. 161 об.; д. 111, л. 111; справка ЗАГСа Куйбышевского района Ленинграда № 1/35 от 25.7.1972 г.).

³ Михневич написал свыше 30 книг и статей. Основные из них: Значение германо-французской войны 1870—71 гг. в истории военного искусства. СПб., 1892; Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893; История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895, 1896; Война между Германией и Францией 1870—1871 гг. СПб., 1897; Основы русского военного искусства. СПб., 1898; Стратегия, кн. 1—2. СПб., 1899—1901, 1906, 1910—1911; Основы стратегии. СПб., 1913; Эволюция военного дела в связи с эволюцией форм строения государства. «Вестник милиционной армии», 1921, № 4—5.

⁴ Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962; А. А. Строков. История военного искусства, т. 3. М., 1967, стр. 209—223; Г. П. Мещеряков. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.

⁵ О Леере см. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 91, 93.

науку, преуменьшали роль огня и новых технических средств в бою. Философской основой обоих течений являлся позитивизм, претендовавший на то, чтобы возвыситься над материализмом и идеализмом.

Михневич стремился преодолеть крайние точки зрения противоборствующих течений в области русской военно-теоретической мысли. В этом он опирался на широкий отечественный и зарубежный военно-исторический опыт, прежде всего на опыт войн второй половины XIX века. Методологической основой его теории был тот же позитивизм, что придавало ей противоречивый характер. И все же, опираясь на опыт, Михневич сумел увидеть некоторые тенденции развития военного искусства и сделать обобщения, правильно отражающие отдельные проблемы стратегии и тактики того времени.

Уже в первых двух трудах Михневича «Значение германо-французской войны 1870—1871 гг. в истории военного искусства» (1892) и «Влияние новейших технических изобретений на тактику войск» (1893) подчеркивалось влияние новых факторов борьбы на стратегию и тактику, вскрывались тенденции их развития. Начались обе работы утверждениями, что войны вечны, а законы и принципы военного искусства неизменны и что современное военное искусство является, в сущности, «наполеоновским». Вместе с тем все их содержание и выводы опрокидывали эти метафизические утверждения. «...Явления, с которыми война имеет дело и с которыми она должна считаться, — писал Михневич, — подвергаются постоянным изменениям ...Почти каждая эпоха имеет свое, отличное от других, военное искусство»⁶. Работы Михневича объективно были направлены против абсолютизации опыта наполеоновских войн и недооценки новых средств борьбы. Указывая, что жизнь непрерывно развивается, а боевая техника совершенствуется, Михневич призывал возможно подробнее изучать современные войны. Он пришел к выводу, что организация, комплектование, вооружение армий 70—80 гг. XIX века совершеннее наполеоновских, войны ведутся вооруженными народами и «нравст-

Н. П. Михневич

венное влияние полководца не может быть так велико, как прежде...»⁷.

В первой работе Михневич пересматривал сложившиеся понятия о мобилизации, сосредоточении, стратегическом развертывании армий, о тыле и стратегическом руководстве войсками, затрагивал вопрос о зависимости войн от социально-экономических причин. Современные войны, отмечал он, «следует начинать с серьезными историческими целями, чтобы обеспечить высокое нравственное настроение народа и войск...»⁸. К таким целям Михневич относил борьбу за воссоединение Германии, защиту России от вторжения армии Наполеона. По его мнению, победа в войнах стала зависеть от «социальных преимуществ: 1) превосходства численного; 2) превосходства вооружения; 3) умственного и нравственного превосходства и, наконец, 4) превосходства экономического»⁹. Общий вывод Михневича, сделанный им в первой работе, о том, что «применение пара, электричества, значительное усовершенствование огнестрельного оружия, новая система комплектования, новая организация армий и т. п. важные факторы на войне должны были повлиять на решение многих вопросов в

⁶ Н. П. Михневич. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893, стр. 3.

⁷ Н. П. Михневич. Значение германо-французской войны 1870—1871 гг. в истории военного искусства, ч. 1. СПб., 1892, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 9.

⁹ Там же, стр. 5.

области стратегии и тактики...»¹⁰, нацеливал теоретиков и практиков не на изучение отвлеченных идей, а на осмысливание тех глубоких изменений, которые происходили в военном искусстве под влиянием новых факторов борьбы.

В другой работе Михневич пришел к выводу, что технические изобретения, внедрявшиеся в армию, изменили тактику боя, увеличили его продолжительность и размах, подняли значение огневой подготовки, взаимодействия родов войск, применения их к местности, ее инженерного оборудования. Таким образом, в первых работах Михневича поднимались актуальные вопросы военной теории, возникшие в связи с наметившимся переходом к стратегии миллионных армий и тактике общевойскового боя.

Михневич видел возрастание роли теории в практике вооруженной борьбы. В сообщении «Военная наука и степень точности ее выводов» (1899 г.)¹¹ он пытался обосновать необходимость военной науки, ее возможность быть точной, по-новому рассматривать ее сущность, предмет и содержание, установить связь между ней и другими науками. Относя военную науку к категории социальных, Михневич усматривал ее цель в изучении «законов победы», принципов военного искусства и способов применения их в конкретных условиях реальной действительности. Он отстаивал материальные основы военной науки, полагая, что законы и принципы — это «широкие эмпирические обобщения, выведенные из множества фактов»¹² и имеющие условное значение. В то же время Михневич, как и Леер, считал их неизменными. Михневич рассматривал военную науку как философию военного дела и отождествлял ее с теорией военного искусства. Он доказывал необходимость такой военной науки, которая была бы наукой для жизни, направляла бы воечную мысль на путь правильных решений. Такое утверждение имело положительное значение для развития военной теории, отставание которой от практики вооруженной борьбы наглядно продемон-

стрировала русско-японская война 1904—1905 гг.

Передовые по тому времени взгляды на военную науку, стратегию и тактику массовых армий Михневич развил в основном своем двухтомном труде «Стратегия». В нем он рассмотрел широкий круг вопросов, являвшихся предметом дискуссии военных теоретиков и практиков, а именно: сущность военной науки, военное искусство и его принципы, прогресс в военном деле, война как общественное явление, влияние экономического строя государства на ее ведение, способы боевых действий, управление и устройство тыла армий. Труд Михневича выгодно отличался от трудов Леера по стратегии, суть которых составляло отвлеченное учение об идее операции (операционной линии). Профессор А. К. Пузыревский верно подметил, что Михневич сделал шаг вперед к тому, чтобы низвести «официальную стратегию с заслабных высот и притянуть ее к земле»¹³. Труд Михневича за одиннадцать лет (1899—1911 г.) выдержал три издания и был принят в качестве официального руководства по стратегии в Академии Генерального штаба, вытеснив полностью курс Леера. Важно отметить, что по этой монографии обучались и командиры Красной Армии во время гражданской войны и в 20-е годы¹⁴.

В труде широко освещалось значение общих вопросов военной теории и их неразрывная связь с практикой вооруженной борьбы. Решались эти вопросы по-прежнему с позиций позитивизма. Военная наука определялась как **объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка**¹⁵. Это означало признание материальной основы военной науки, но метафизическое толкование ее принципиальных положений. Михневич подчеркивал тесную связь теории с практикой. «Задача теории военного искусства (военной науки), — указывал он, — и состоит в том, чтобы установить прочно основные его **принципы**, изучить важнейшие **элементы обстановки** и указать, как под влиянием обстановки применяются принципы на

¹⁰ Н. П. Михневич. Значение германо-французской войны 1870—1871 гг. в истории военного искусства, ч. 1. СПб., 1892, стр. 44.

¹¹ Это сообщение Михневич сделал для офицеров армии и флота Петербургского гарнизона и вскоре издал отдельной книгой.

¹² Н. П. Михневич. Военная наука и степень точности ее выводов. («Вестник Общества ревнителей военных знаний», 1899, № 4, приложение, стр. 16).

¹³ «Разведчик», 1901, № 583, стр. 1180.

¹⁴ ЦГАСА, ф. 24698, оп. 1, д. 107, 1924—1925 гг., лл. 85—100.

¹⁵ Н. П. Михневич. Стратегия, кн. 1. СПб., 1911, стр. 1.

войне»¹⁶. В «Стратегии» осуждалось как пристрастие к шаблонам и методизму, присущее кабинетным теоретикам, так и преувеличение роли опыта, характерное для практиков, поскольку это низводило теорию на степень ремесла. «...Теория и практика военного дела, — справедливо замечал автор, — не должны друг друга исключать, а идти рядом, взаимно друг друга уравновешивая, исключая таким образом вредная увлечения как в теории, так и в практической стороне военного дела»¹⁷. Михневич отводил законам и принципам роль маяков, обеспечивающих связь теории с практикой. Под законами войны он понимал «социальные преимущества», определяющие исход вооруженной борьбы (численное, физическое, экономическое, умственное и нравственное), а под принципами — превосходство сил на главном направлении, преимущество моральных данных над материальными, случайность и внезапность. Рассматривая действие законов войны в зависимости от эпох и уровня культуры и цивилизации народов, что было новым и прогрессивным в военной теории, Михневич правильно указывал, что «в настоящее время победа уже не столько в числе и энергии, сколько в экономическом развитии и в превосходстве нравственности»¹⁸ и поэтому «культурность народов будет одним из решительнейших факторов исторической победы»¹⁹ в войне. Он также подчеркивал «необыкновенное значение» принципа внезапности (внезапность техники, внезапность идей, стратегических и тактических, и «внезапность действий, зависящая от ...скрытности и ...быстроты»²⁰).

В «Стратегии» Михневич утверждал идею развития военного искусства. По его мнению, непрерывный прогресс наблюдается не только в самом применении войны, но и в способах ее ведения. Причины эволюции военного искусства Михневич сводил к изменениям в «основных элементах, на которых оно зиждется: человеке, определяющем духовные и физические свойства бойца, и различных материальных средствах борь-

бы — оружию, способах снабжения армий и т. п.»²¹. Он отмечал, что «дальнейший прогресс тактики связан с прогрессом огнестрельного оружия и инженерного искусства»²². С этим, полагал он, придется считаться и стратегии, так как «военное дело прогрессирует под влиянием, главным образом, усовершенствования техники...»²³. «Совершенство и число будущих боевых машин, искусно управляемых, — заключал он, — будет главным фактором в решении исхода борьбы»²⁴ в грядущей войне.

Михневич рассматривал сущность войны идеалистически. Войны, по его мнению, являются неизбежным спутником человеческого общества, коренятся в природе человека, обусловлены законом борьбы за существование. Однако в эту буржуазную социально-биологическую концепцию войны он вносил поправки, характеризующие особенности войн эпохи империализма. Михневич указывал, что войны стали вестись ради захвата «молодыми культурными народами» у старых земель, рынков сбыта, морских сообщений. Оценивая внешнеполитическую обстановку — наличие двух военных группировок в Европе (Тройственного союза во главе с Германией и Антанты), Михневич предвидел возникновение «большой европейской» коалиционной войны, которая втянет в свою орбиту многомиллионные армии (до 18 млн. человек), охватит большие пространства территории и будет решаться не только уничтожением армии, но и «совершенным истощением моральных и материальных сил и средств одной из сторон»²⁵. Исход войны, утверждал он, зависит как от действий вооруженных сил, так и «от общих причин, обуславливающих жизнедеятельность государственных организмов борющихся сторон»²⁶. Михневич признавал влияние на войну не только внешней, но и внутренней политики, от которой «зависит общее состояние, настроение, устройство, моральная и физическая сила государственной жизни», обуславливающие «образ ведения войны»²⁷.

¹⁶ Н. П. Михневич. Стратегия, кн. I, стр. 43.

¹⁷ Там же, стр. 18—19.

¹⁸ Там же, стр. 40.

¹⁹ Там же, стр. 41.

²⁰ Там же, стр. 63.

²¹ Н. П. Михневич. Стратегия, кн. I, стр. 23.

²² Там же, стр. 33.

²³ Там же, стр. 40.

²⁴ Там же, стр. 31.

²⁵ Там же, стр. 108.

²⁶ Там же, стр. 107.

²⁷ Там же, стр. 100.

Однако вопрос о влиянии «внутренней организации государства» на характер и способы ведения войны он решал с монархических позиций, полагая, что «**сильная монархия — лучшая форма правления в интересах войны**»²⁸.

Михневич впервые в курсе стратегии затронул вопрос о взаимосвязи войны и экономики. Он высказывал мысль, что войны с применением миллионных армий потребуют огромного и продолжительного напряжения моральных и физических сил борющихся сторон, а «это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства»²⁹. На этом основании он ставил вопрос о необходимости планирования экономики в интересах войны и утверждал, что правительство во военное время должно иметь «**план экономических мероприятий по снабжению всем необходимым населения страны**»³⁰.

Михневич трактовал военное искусство как теорию и практику вооруженной борьбы, а стратегию как высшую тактику (тактику театра военных действий). Повторяя в этом отношении известные тогда положения, он вместе с тем по-новому рассматривал многие проблемы военного искусства.

Будущая «европейская война» представлялась в русской и западно-европейской военной литературе начала XX века маневренной и быстротечной. Михневич предвидел возможность перехода в этой войне от маневренных форм к позиционным, к борьбе за крепости и укрепленные пункты. Вопреки господствовавшим в армиях европейских государств взглядам Михневич отстаивал идею продолжительной войны, доказывая, что в этой войне невозможно достичь победы, как во времена Наполеона, в одном-двух генеральных сражениях. Потребуется не одна кампания, каждая из которых будет включать ряд операций и сражений. По его мнению, в предстоящей войне государства смогут на место разгромленных перволинейных армий выставить армии второй линии. Поэтому задачей борьбы явится не только разгром войск противника, но и овладение экономическими и

политическими центрами его страны, которые питают войну³¹. Достижение этих задач будет возможно путем проведения нескольких наступательных и оборонительных операций³².

Обобщая выводы передовой русской военной мысли, Михневич обосновывал необходимость фронтовых звеньев управления войсками, важность стратегических резервов в ходе борьбы, что отвергалось в военной теории государств Западной Европы. Вопросы быстрой мобилизации и стратегического развертывания армий, заблаговременной подготовки театра военных действий в инженерном и военно-административном отношениях Михневич относил к числу важнейших вопросов подготовки войны. Стратегическое развертывание армий он рекомендовал производить в глубине пограничных районов, под прикрытием специально выделенных для этой цели войск. Подметив возрастание роли внезапности в развязывании войн в XIX веке, Михневич высказал правильные суждения о целесообразности заблаговременной разработки планов не только мобилизации и стратегического развертывания, но и первоначальных операций.

Он обосновал необходимость применения в войне разнообразных способов военных действий. Большое значение Михневич придавал стратегическому прорыву. Он также отстаивал мысль о тесном взаимодействии всех родов войск на поле боя.

В своих трудах Михневич затронул все главные проблемы войны, военной науки и военного искусства. Однако к их исследованию он подходил с позиций буржуазной идеологии. Естественно, что подлинно научного решения этих проблем Михневич не мог дать. И все же, несмотря на классовую ограниченность своего мировоззрения, он сумел, опираясь на исторический опыт, разрешить в общем правильно ряд вопросов вооруженной борьбы в современных ему условиях. Его взгляды оказали определенное влияние на русскую военно-теоретическую мысль

²⁸ Н. П. Михневич. Стратегия, кн. 1, стр. 106.

²⁹ Там же, стр. 97.

³⁰ Там же, стр. 121.

³¹ В связи с этим Михневич давал более широкое определение «стратегического тыла», понимая под ним всю страну.

³² Михневич определял операцию как совокупность сражений и боев, объединенных единством стратегической задачи.

начала XX века³³. Некоторые из них нашли подтверждение в практике первой мировой войны. Поэтому военно-теоретические труды Михневича имеют важное историко-познавательное значение. Они расширяют рамки наших представлений о состоянии военной теории в России на рубеже XIX—XX веков.

Михневич продолжал заниматься военной теорией и в советский период. Написанные им в это время работы представ-

³³ Положения «Стратегии» о характере будущей войны, ее начальном периоде, мобилизации и стратегическом развертывании армий, планировании и подготовке войны, ведении операций и сражений в условиях миллионных армий нашли развитие в трудах: А. А. Незнамов. Современная война. Действия полевой армии. СПб., 1911; План войны. СПб., 1913; В. Я. Новичкий. Мобилизация. (Теория мобилизации). СПб., 1910; Высшая стратегия. СПб., 1913; В. А. Черемисов. Основы современного военного искусства. Киев, 1910.

ляют интерес для характеристики развития его взглядов. В одной из них «Эволюция военного дела в связи с эволюцией форм строения государства» он уже опирался на методологические положения марксизма о классовости военной науки и зависимости способов ведения войны от экономических условий. Эволюция взглядов Михневича не была случайной. Она явилась следствием победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения в новой, Советской России самой передовой марксистско-ленинской идеологии и ее составной части — учения о войне и армии.

*Кандидат исторических наук
полковник запаса
А. Агеев*

Военно-патриотическое воспитание молодежи

БУДЬ ГОТОВ К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ

(О партийном руководстве военной подготовки трудящихся Белоруссии в межвоенный период)

ВОСПИТАНИЕ советских людей, особенно молодежи, в духе советского патриотизма Коммунистическая партия рассматривает как дело огромной государственной важности, неразрывно связанное с формированием нового человека — активного строителя коммунизма, готового к защите социалистического Отечества¹.

Руководствуясь ленинскими заветами о необходимости всемерного усиления обороноспособности страны, КПСС на X и последующих съездах разработала программу строительства Вооруженных Сил в мирных условиях. Наряду с кадровой армией, значительно сокращенной, создавались также территориально-милиционные соединения и части. Это позволяло организовать массовую подготовку боевых резервов без длительного отрыва людей от производства и при минимальных материальных затратах.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, стр. 120.

Партия учитывала, что современная война потребует напряжения всех сил и средств страны, участия в ней всего народа. Поэтому Центральный Комитет требовал от партийных организаций больше уделять внимания военному обучению населения.

Белоруссия являлась своего рода форпостом на западных рубежах нашей страны. Ввиду этого вопросы обороноспособности республики наряду с другими проблемами социалистического строительства всегда находились в центре внимания съездов, пленумов ЦК и местных комитетов КП(б)Б. Так, X съезд Компартии Белоруссии (январь 1927 г.) потребовал от всех местных партийных организаций усилить работу по военной подготовке населения, популяризировать деятельность Осоавиахима, вовлекать в его организации рабочих и крестьян.

Принимая важные решения по вопросам военного обучения населения, бюро окружкомов КП(б)Б и военные комиссии заслушивали доклады армейских политорганов о деятельности парторганизаций воинских частей по военной подготовке трудящихся, особенно допризывников, состояния междуоборотовой работы в тер-

риториальных частях. Их опыт обобщался, распространялся.

Наиболее массовая военная подготовка жителей Белоруссии в то время велась в военных уголках (ВУ) и кружках военных знаний (КВЗ), которые создавались при клубах и избах-читальнях, в школах и местах дислокации территориальных формирований. Количество их быстро росло. Так, в 1926 г. в КВЗ при 64-й территориальной дивизии занималось призывников — 175 человек, допризывников — 428, остального населения — 623 человека, а в 1927 г. — соответственно 2086, 2613, 3368 человек².

Армейские политорганы, партийные организации частей фактически брали на себя всю практическую работу в кружках и уголках. Начальствующий состав запаса РККА, коммунисты и комсомольцы в добровольном порядке развертывали военную пропаганду в деревнях и городах. Основную массу руководителей КВЗ и ВУ составляли красноармейцы. В 87-м полку, например, из 55 заведующих 46 были красноармейцы; в 190-м полку из 40 кружков 31 руководили рядовые и 9 командиры³. Кружки военных знаний охватывали десятки тысяч человек. Так, 29-я территориальная дивизия в 1927 г. подготовила в кружках 1136, а 5-й территориальный полк — 800 человек⁴. Большой интерес к работе КВЗ проявляли женщины. Например, в 85-м полку из 552 кружковцев 103 были женщины⁵.

Политорганы совместно с местными партийными организациями ежегодно проводили конкурсы-смотри работы кружков и уголков. Реввоенсовет БВО совместно с газетой «Красноармейская правда» с 15 января по 15 апреля 1927 г. провели смотр военных уголков, изб-читален, рабочих клубов, школ. Первое место было присуждено военному уголку 5-й школы-девятилетки Минска. Весной 1927 г. в столице республики проходил также смотр кружков военных знаний. Первая премия была присуждена кружку клуба профсоюза и металлистов⁶.

Таким образом, партийные организа-

ции видели в кружках военных знаний и военных уголках опорные базы военного обучения населения. Клубы, красные уголки, избы-читальни, школы являлись центрами военной пропаганды.

Огромное внимание партийные организации уделяли налаживанию занятий с военнообязанными в территориальных частях в междусоборный период.

Весной 1930 г. ЦК КП(б)Б совместно с Политуправлением БВО провели смотр междусоборной работы в округе с целью ее оживления, изыскания новых форм и методов, применимых к новым условиям в деревне (коллективизация, ликвидация кулачества как класса). Колхоз, совхоз становились центрами военной подготовки. В них надо было создавать и оборудовать дома обороны, учебные пункты, тир. В Борисовском районе, например, были созданы дома обороны и пересмотрена работа в кружках военных знаний и военных уголках. Для укрепления материальной базы военной работы в колхозе «Вперед к социализму» приняли решение засеять «военную десятину», построить тир, газоубежище, а к учениям сформировать кавалерийский эскадрон⁷.

Армейские политорганы в целях усиления военной пропаганды использовали агитпоезда, агитсани, художественную самодеятельность. Эта работа способствовала тому, что все трудящиеся уяснили необходимость военной подготовки и приняли активное участие в занятиях.

Серьезной проверкой готовности населения к обороне республики явились проведенные ЦК КП(б)Б и командованием БВО тренировочные мобилизации и учения в различных районах Белоруссии.

Яркой демонстрацией патриотических чувств трудящихся республики, готовых в любую минуту выступить на защиту социалистического Отечества, стали «Недели обороны» и «Декады обороны», проводившиеся в моменты обострения международной обстановки. В течение «Недели обороны», проводимой в период с 10 по 17 июля 1927 г., в БССР было собрано 42 тыс. рублей, организовано 197 оборонных кружков, 115 осовавиахимовских ячеек, около 16 500 человек вступили в члены Осовавиахима. В республике было построено 59 стрелковых тиров⁸.

² Газета политуправления БВО «Красноармейская правда», 1927, 11 ноября.

³ ЦГАСА, ф. 25874, оп. 2, ед. хр. 206, л. 65.

⁴ Партархив ИИИП при ЦК КПБ; ф. 12, оп. 1, д. 551, л. 25.

⁵ «Красноармейская правда», 1927, 19 июня.

⁶ Там же, 1927, 1 июля.

⁷ «Красноармейская правда», 1930, 26 марта.

⁸ Партархив ИИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 7, д. 123, л. 179.

Эти патриотические кампании стали традицией.

Большую роль в расширении базы военной работы — превращении каждого предприятия, колхоза и совхоза в крепость обороны — играли оборонные организации БССР. Осоавиахим являлся самой крупной оборонной организацией в республике. Он имел в своем распоряжении различные учебные заведения, школы и клубы: авиационные, планерные, морские, кавалерийские и стрелковые, в которых без отрыва от производства обучались тысячи юношей и девушек.

В 1927 г. в организациях Осоавиахима СССР состояло 2 млн. 300 человек. Осоавиахим Белоруссии в это время также представлял серьезную силу: на 1 сентября 1927 г. в нем насчитывалось 87 305 членов, а на 1 ноября — уже 116 274 человека⁹.

Расширению деятельности Осоавиахима способствовало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Осоавиахима», принятое в марте 1928 г. В нем отмечалось, что значение этой организации особенно возросло в связи с решением XV съезда партии об усилении обороноспособности страны.

Заметные сдвиги произошли и в работе ячеек Осоавиахима Белоруссии. Укрепилась материальная база. Так, бюджет его с 12 тыс. в 1928 г. вырос до 200 тыс. рублей в 1930 г. К 1 мая 1930 г. военным обучением было охвачено более 75 тыс. человек, а общая численность членов Осоавиахима к июню 1930 г. выросла до 300 тыс.¹⁰

Состоявшийся в январе 1932 г. XIV съезд Компартии Белоруссии указал на необходимость дальнейшего усиления массовой оборонной работы. Организуя и направляя военно-патриотическое движение в республике, Компартия Белоруссии вовлекала в нее в первую очередь рабочих. В 1932 г. уже в полумиллионной

республиканской организации Осоавиахима они составляли 30 проц.¹¹.

С 1930 по 1934 г. партийное руководство военным обучением значительно усилилось. Это объясняется тем, что в этот период осложнилась международная обстановка. Кроме того, в начале 30-х годов на основе успехов индустриализации страны началась техническая реконструкция Красной Армии, насыщение ее новой техникой. Благодаря заботе и помощи партии Осоавиахим превратился в мощный резерв Красной Армии. К началу 1941 г. это общество по всей стране объединяло в своих рядах более 13 млн. человек¹².

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой всей предвоенной работы. В борьбе с заклятым врагом человечества — гитлеризмом советские люди, воспитанные ленинской Коммунистической партией, проявили чудеса героизма, стойкости, самоотверженности. В основе их ратных и трудовых подвигов лежала высокая коммунистическая сознательность, преданность социалистическим идеалам, Родине.

Белоруссия, принявшая на себя сильный удар немецко-фашистских полчищ, богата боевыми традициями, ее сыновья и дочери проявили героизм и мужество. Свыше миллиона воинов-белорусов плечом к плечу с другими братскими народами Советского Союза боролись против фашистских захватчиков, 374 тыс. сражались с врагом в партизанских отрядах, тысячи активно действовали в подполье¹³.

После войны в Белоруссии накопился богатый опыт военно-патриотического воспитания трудящихся. Большая роль в этом заслуженно принадлежит республиканской организации ДОСААФ. Из Белоруссии в Советскую Армию идет хорошо подготовленное пополнение.

¹¹ Цартархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 4, д. 251, л. 15.

¹² «Коммунист», 1970, № 8, стр. 28.

¹³ Проверка. Сборник очерков и статей. М., 1972, стр. 82.

⁹ Цартархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 18, оп. 1, д. 907, л. 4, 5.

¹⁰ ЦГАСА, ф. 25874, оп. 1, ед. хр. 222, л. 33.

Подполковник запаса К. Осипов

Когда не проверены факты

Полковник в отставке Н. АФАНАСЬЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы центральными и периферийными издательствами выпущено большое количество литературы на военно-историческую тему. Это и мемуары виднейших советских полководцев, и книги командиров и политработников, и очерки боевого пути соединений и объединений. Написаны они, как правило, на высоком идейном и художественном уровне, на строго документальной основе и не случайно пользуются огромным спросом у читателей.

Многие важные события войны систематически освещаются в периодической печати. Познавательное и воспитательное значение таких публикаций также бесспорно.

И все же документальной литературы о Великой Отечественной войне издаю еще мало. Так, например, Смоленская наступательная операция советских войск 1943 г., имевшая большое стратегическое значение, освещена недостаточно. Книги, в которых более или менее обстоятельно описана эта операция, можно пересчитать по пальцам. К тому же в них, как правило, идет речь о боевых действиях одной армии или соединения.

Общая картина, хотя и кратко, Смоленской наступательной операции дана в таких официальных изданиях, как шеститомник «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» и однотомник «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история», а также в книге «Важнейшие операции Великой Отечественной войны» и кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война 1941—1945»¹. Однако в этих книгах не рассматриваются боевые действия армий, а тем более соединений и частей. Словом, Смоленская наступательная операция еще нуждается в детальной разработке.

Среди изданий, кратко освещающих эту операцию, заметно выделяется книга «Навстречу победе»² — военно-исторический очерк боевого пути 5-й армии. Эта армия упорно сражалась с фашистскими оккупантами под Москвой, на Смоленщине, в Белоруссии и Литве, в Восточной Пруссии, участвовала в разгроме Квантунской армии в Маньчжурии. Авторы убедительно показали ее вклад в дело общей победы, раскрыли высокие моральные и боевые качества советских воинов, объективно и со знанием дела изложили ход Смоленской наступательной операции.

Они отметили, что к началу непосредственных боев за освобождение Смоленска 5-я армия действовала в составе всего лишь двух стрелковых дивизий и 152-го полевого укрепленного района. Все остальные дивизии по приказу командования фронта были переданы в другие армии. В стрелковых полках соединений имелось только по 300—350 активных штыков. Поэтому бои за освобождение

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1—6, М., Воениздат, 1961—1965; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, М., Воениздат, 1970; Важнейшие операции Великой Отечественной войны, М., 1956; Великая Отечественная война 1941—1945. Краткий научно-популярный очерк, М., Политиздат, 1973.

² Н. И. Крылов, Н. И. Алексеев, И. Г. Драган. Навстречу победе. М., «Наука», 1970.

Смоленска потребовали от воинов огромного напряжения физических и моральных сил.

Обстоятельно изложены в книге боевые действия войск и в самом городе. К вечеру 25 сентября он был полностью очищен от врага силами 31-й, 5-й и 68-й армий. Можно пожалеть только об одном: неоднократно раскрывая взаимное действие этих трех армий в боях на дальних и ближних подступах к Смоленску, авторы не показали, как же оно осуществлялось в боях в самом городе. От этого труд только бы выиграл.

Книга «Навстречу победе» отличается от ряда других изданий, освещающих Смоленскую наступательную операцию, своей документальностью, точностью описания событий.

К сожалению, среди книг, газетных и журнальных статей на тему о войне порой встречаются и такие, которые вызывают огорчение у читателей, и прежде всего тем, что события в них показаны не совсем точно, а иногда и в искаженном виде. Продемонстрируем это на примере некоторых произведений, посвященных освобождению Смоленска от фашистских оккупантов в сентябре 1943 г.

Издательство «Московский рабочий» выпустило книгу «Живет в веках твой подвиг благородный»³. Это — сборник материалов о героической истории Смоленщины. Статья об освобождении Смоленска написана Л. В. Котовым. В ней говорится:

«24 сентября части 5-й армии сосредоточились на исходном рубеже в районе Волчейки, восточнее станции Колодня (железнодорожная станция в 20 км от Смоленска. — Н. А.). Путь им преграждала 337-я пехотная дивизия противника. Наши 192-я и 199-я стрелковые дивизии успешно форсировали Днепр, заняли Ройновку, вышли на шоссе Смоленск — Рославль и продолжали движение в обход Смоленска с юга. Город оказался зажатым в клещи с трех сторон» (стр. 280).

В этом коротком абзаце допущено несколько ошибок. Во-первых, войска 5-й армии форсировали Днепр не 24, а в ночь на 19 сентября. 24 сентября они были уже на ближних подступах к Смоленску, на восточном берегу р. Строганка и вступили в ожесточенный бой с противником, пытавшимся закрепиться на этом последнем перед городом оборонительном рубеже. Сломив сопротивление врага, в 5 час. 40 мин. 25 сентября они вступили в город и начали уличные бои⁴.

Во-вторых, путь на Смоленск советским войскам преграждала не только 337-я пехотная дивизия. Против той же 5-й армии сражалась и часть сил 18-й моторизованной дивизии. Против 31-й армии, наступавшей на город правее, кроме части сил 18-й моторизованной дивизии дрались полки 113-й, 246-й, 194-й и 197-й пехотных дивизий врага⁵. Часть сил гитлеровских войск пыталось сорвать наступление 68-й армии, действовавшей левее 5-й армии. Конечно, в предшествовавших боях немецкие дивизии понесли настолько большие потери, что уже не отличались былой боеспособностью. Командование группы армий «Центр» в ответе начальнику генштаба генералу Цейтлеру откровенно призналось, что войска перенапряжены в гораздо большей степени, чем зимой 1941/42 г., что приказ держаться во что бы то ни стало ничего не изменит⁶. Однако сбрасывать со счетов названные выше дивизии было еще рано. Кроме того, гитлеровское командование придавало Смоленску слишком большое значение, чтобы пытаться удержать его в своих руках силами всего лишь одной пехотной дивизии.

В-третьих, 192-я и 199-я стрелковые дивизии, о которых пишет Л. Котов, в состав 5-й армии в период боев за Смоленск не входили. Они были в 68-й армии, которую автор даже не упоминает.

³ Живет в веках твой подвиг благородный. М., 1967.

⁴ Н. И. Крылов, Н. И. Алексеев, И. Г. Драган. Навстречу победе, стр. 162—164.

⁵ Архив МО СССР, ф. 331 сд, оп. 104311, л. 331, л. 270.

⁶ К. Типельскирх. История второй мировой войны. М., 1965, стр. 320.

И, наконец, непонятно, кем же был взят город «в клещи с трех сторон», если там действовало всего лишь две стрелковые дивизии, которые к тому же пошли в обход Смоленска с юга, как пишет автор. Неясно также, кем и как он был освобожден. В конце статьи Л. Котов скороговоркой сообщил, что около полуночи 25 сентября в город ворвались 215-я, 82-я и 331-я стрелковые дивизии, в пятом часу утра подошли части 5-й армии. Но из этих сведений читателю невозможно понять, как же освобождался Смоленск, в результате уличных боев или рейда двух несуществующих дивизий 5-й армии в обход города с юга.

Боевые действия 31-й армии, которая наступала на Смоленск силами пяти стрелковых дивизий с весьма значительными артиллерийскими частями усиления, Л. Котов вообще не оградил. А между тем ее войска — передовой отряд 331-й стрелковой дивизии под командованием майора А. А. Романова и стрелковый батальон капитана П. Ф. Клепача — ворвались в город с северо-востока з первым часу ночи 25 сентября. Быстро овладев деревянным мостом через Днепр, они немедленно повели наступление на центр города. В час ночи в Смоленск уже вступили главные силы 331-й, а еще через полчаса — 82-й, 133-й и 215-й дивизий⁷. Войска 31-й армии вели упорные бои в центре города, в частности на Советской улице. Ровно в 3 часа ночи капитан П. Ф. Клепач с группой воинов своего батальона водрузил Красное знамя освобождения на крыше сохранившегося многоэтажного здания. После войны благодарные смоляне навечно укрепили на этом здании (гостиница «Смоленск») мемориальную доску с надписью:

«На этом здании 25 сентября 1943 года воинами 331-й Смоленской стрелковой дивизии водружено знамя освобождения города Смоленска от немецко-фашистских захватчиков».

Герою Советского Союза капитану П. Ф. Клепачу Смоленский горсовет присвоил звание почетного гражданина города.

К сказанному следует добавить, что из пяти стрелковых дивизий 31-й армии, участвовавших в этих боях, трем — 133-й, 215-й и 331-й присвоены почетные наименования Смоленских.

Такие факты Л. Котов должен был знать, раз взялся писать статью.

В 1973 году вышла в свет книга «82-я Ярцевская»⁸. Автор ее, полковник И. Ф. Аврамов, бывший начальник политотдела этой дивизии. В ней повествуется о боевом пути соединения, который начался на полях Подмосковья и закончился в мае 1945 года на восточном берегу Эльбы.

Во время Смоленской наступательной операции 82-я стрелковая дивизия действовала в составе 31-й армии Западного фронта. Она выполняла важные задачи, особенно при прорыве вражеской обороны, в боях за освобождение Ярцева и Смоленска. Об этом свидетельствует и присвоение дивизии почетного наименования Ярцевской. В основном книга объективно отражает боевой путь соединения. Но чувство досады оставляют неточности и искажения действительности, допущенные автором и не исправленные редактором. Разберем только те из них, которые связаны со Смоленской наступательной операцией 1943 г.

На стр. 75 автор указывает, что дивизия вошла в состав 71-го стрелкового корпуса 31-й армии 5 августа 1943 г. Двумя страницами ниже, противореча самому себе, он пишет, что в составе 71-го корпуса соединение перешло в наступление 3 августа. А дело было так. В состав 71-го стрелкового корпуса дивизия вошла 28 июля 1943 г. Это записано в журнале боевых действий дивизии⁹. Что-то, а уж этот документ, очень точный и важный по значению, автору книги следовало бы изучить досконально, прежде чем начать подготовку рукописи книги.

Из всех военно-исторических трудов, уже давно опубликованных, известно, что Смоленская операция началась переходом в наступление ударной группировки левого крыла Западного фронта 7 августа, а ударная группировка правого

⁷ Архив МО, ф. 386, оп. 8599, л. 177, лл. 12—13.

⁸ И. Ф. Аврамов. 82-я Ярцевская. М., Воениздат, 1973.

⁹ Архив МО, ф. 386, оп. 8583, л. 179, л. 382; ф. 1233, оп. 1, д. 3, л. 114.

крыла фронта, в которую входила и 31-я армия, развернула боевые действия на другой день, т. е. 8 августа 1943 г. Ни одно соединение Западного фронта 3 августа в наступление не переходило.

Что касается 82-й стрелковой дивизии, то в том же журнале боевых действий указано, что 13 августа ее командир провел рекогносцировку с командирами частей, а в ночь на 16 августа полки соединения сменили часть сил другой дивизии и с утра следующего дня перешли в наступление¹⁰. Находилась она в то время уже в составе 36-го стрелкового корпуса той же армии.

К сожалению, путаница в книге на этом не закончилась. На стр. 76 автор пишет, что соседом дивизии справа была 359-я, а слева — 133-я стрелковые дивизии. Это неверно. В ночь на 16 августа она сменила два стрелковых полка 274-й стрелковой дивизии, а наутро перешла в наступление. Справа от нее действовала 274-я, слева 251-я стрелковые дивизии¹¹. 133-я стрелковая дивизия в это время находилась на крайне левом фланге армии и в наступление не переходила до прорыва главной полосы обороны врага войсками ударной группировки армии. 359-я стрелковая дивизия стала соседом 82-й дивизии справа, а 133-я — слева только с 4 сентября¹².

В чем причина этой путаницы? Боевым приказом командарма от 3 августа ввод 82-й дивизии в бой намечался в стыке между 36-м и 45-м стрелковыми корпусами. В таком случае справа от нее стала бы 359-я, а слева — 331-я стрелковые дивизии. Но прорыв вражеской обороны осуществлялся в очень тяжелых условиях и потребовал провести несколько перегруппировок войск армии. Положение их изменилось, и 82-я дивизия начала наступательные бои в иных условиях.

Подобную же ошибку автор допустил и на стр. 68, указав на схеме, что соседом 31-й армии слева была 68-я армия. С начала наступления и до освобождения Смоленска (25 сентября) слева от 31-й армии все время находилась 5-я армия¹³. 68-я армия в начале наступления входила в резерв фронта. Введена в бой она была между 5-й и 10-й гвардейской армиями.

Автор излагает на стр. 76 боевую задачу 82-й стрелковой дивизии: «Прорвать долговременную оборону противника на участке один километр южнее Аудюково, шоссе Ярцево—Дорогобуж и наступать в направлении Ярцево, Смоленск». Тут сразу несколько ошибок. Во-первых, дивизия перешла в наступление на другом участке фронта¹⁴. Во-вторых, участок наступления соединения всегда обозначается ориентирами в расположении своих войск справа налево, а шоссе Ярцево — Дорогобуж в то время было еще полностью в руках врага. Кроме того, обозначать левую разгранлинию наступления дивизии этим ориентиром вообще невозможно: дивизия наступала в юго-западном направлении почти перпендикулярно названному шоссе, идущему с северо-запада на юго-восток. В-третьих, боевым приказом командарма от 3 августа, как и директивой Западного фронта, глубина боевой задачи всей армии ограничивалась освобождением города Ярцево. Задача наступления на Смоленск в то время еще не ставилась не только перед дивизией, но и перед армией. Как известно, первый этап этой наступательной операции, продолжавшийся с 7 по 20 августа, имел своей целью освободить Спас-Деменск на левом крыле Западного фронта. Дорогобуж и Ярцево — на правом. Задача наступления на Смоленск поставлена была только на третьем этапе операции, а она продолжалась с 7 сентября по 2 октября 1943 г.

На стр. 78 автор пишет о совместном ударе 82-й и 359-й стрелковых дивизий 15 августа «на узком участке фронта» (к сожалению, участок почему-то не

¹⁰ Архив МО, ф. 1233, оп. 1, д. 3, лл. 114—115.

¹¹ Там же, д. 16, л. 57.

¹² Там же, д. 15, л. 11.

¹³ Там же, ф. 386, оп. 8583, д. 167, л. 44.

¹⁴ Там же, ф. 1233, оп. 1, д. 3, л. 115.

назван) и снова допускает ошибку. Никаких ударов в этот день не наносилось, ибо все войска 31-й армии с 11 по 15 августа включительно находились в обороне. Как указывалось выше, 82-я дивизия перешла в наступление лишь 16 августа, когда вновь начали наступать войска армии¹⁵.

Далее (стр. 80) говорится, что 20 августа 82-я дивизия совместно с 133-й отбросила врага с промежуточного рубежа обороны Медведево, Сафоново, противник начал отходить на Дорогобуж. Это также неверно: наступление, возобновленное войсками 31-й армии 16 августа, не дало заметного продвижения вперед. Поэтому 20 августа оно было приостановлено. 31-я армия вновь стала наступать только 28 августа. В тот день она завершила прорыв главной полосы обороны противника, а 31 августа освободила г. Сафоново и железнодорожную станцию Дорогобуж. Расположенный в 24 км южнее от нее г. Дорогобуж освобожден войсками 5-й армии¹⁶.

Есть неточность и на стр. 86, где говорится, что 24 сентября на Смоленск с востока наступала 68-я армия, а с юга — 5-я. В действительности было как раз наоборот: с востока наступала 5-я армия, с юго-востока — 68-я, с юга наступление на город вообще не велось.

И последнее. На стр. 87 автор указывает, что дивизия перешла к обороне 11 октября. Третий этап Смоленской операции завершен официально 2 октября. Но войска 31-й армии, а в их числе и 82-я дивизия, продолжали наступательные бои местного значения в целях улучшения позиций. 21 октября они вступили в пределы Белоруссии восточнее г. Дубровно и там перешли к обороне.

Немало ошибок допускается в газетных статьях. В сентябре 1973 г. трудящиеся Смоленска и области широко отмечали 30-летие освобождения города от фашистской оккупации. Областные и районные газеты напечатали много статей участников боев. Большинство из них правдиво воспроизводит героические страницы летописи войны. Однако про некоторые этого сказать нельзя.

Областная газета «Рабочий путь» 26 сентября поместила статью «Огневые годы» бывшего командующего 68-й армией генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева. Эта армия внесла немалый вклад в разгром фашистских войск на территории Смоленщины и в освобождение Смоленска. Но, к сожалению, в статье ее действия отражены не совсем верно. Описание операции автор начал с ошибочного утверждения о том, что «для прорыва фронта фашистов была создана ударная группа, в состав которой вошли 5-я, 10-я гвардейская и 39-я армии, во втором эшелоне находилась 68-я армия». На самом деле было иначе.

В соответствии с замыслом командующего Западным фронтом главный удар в Смоленской наступательной операции наносили четыре общевойсковые армии центра и левого крыла на рославльском направлении, а вспомогательный — две армии правого крыла (31-я и 5-я) на Ярцево и Дорогобуж. Позднее на стыке 5-й и 10-й армий в сражение была введена 68-я армия. Таков был план первого этапа Смоленской операции Западного фронта, в течение которого намечался и прорыв главной оборонительной полосы фашистских войск. Что касается 39-й армии, то она вообще не входила в ударные группировки войск Западного фронта, так как действовала в операции в составе Калининского фронта. Она лишь взаимодействовала с правофланговой 31-й армией Западного фронта, которая наступала на наиболее важном направлении — вдоль автомагистрали и железной дороги Москва — Минск¹⁷. Как же можно зачеркивать роль 31-й армии в Смоленской наступательной операции? Едва ли нужно доказывать, что именно это направление противник считал для себя наиболее важным, поэтому имел здесь самую мощную оборону и наиболее сильную группировку войск. Уместно вспомнить, что на этом направлении он оказал нашим войскам ожесточеннейшее сопротивление.

¹⁵ Архив МО, ф. 386, оп. 8599, д. 174, лл. 175, 176.

¹⁶ Там же, л. 187.

¹⁷ Там же, оп. 8583, д. 167, лл. 42—44.

Автор пишет, что наступление войск Западного фронта (5-я, 10-я, и 39-я армии) началось «после мощной артиллерийской подготовки из района Спас-Деменска». Здесь к прежней ошибке — включение 39-й армии в состав Западного фронта — он добавляет и вторую: Спас-Деменск в то время находился в руках врага, и советские войска никак не могли вести артподготовку из района этого города. Да и вообще, могли ли войска правофланговой группировки Западного фронта и часть сил Калининского фронта (39-я армия) вести артподготовку из района города, если полоса их наступления находилась в нескольких десятках километров севернее?

Е. Журавлев допускает ошибку и в периодизации Смоленской наступательной операции. Он пишет, что 28 августа 68-я армия приступила «к решительному штурму вражеских позиций в направлении Смоленска». Известно, что второй этап Смоленской операции длился с 21 августа до 6 сентября. Западный фронт в это время осуществлял Ельнинско-Дорогобужскую операцию. Освобождение Смоленска и Рославля стало задачей фронта только в третий период, продолжавшийся с 7 сентября по 2 октября¹⁸. Кроме того, только 16 сентября освобожден город Ярцево, а это больше 50 км от Смоленска. Фронтовые километры порой, как и в Смоленской операции, были невероятно длинными, поэтому 28 августа ни одна армия фронта, включая и 68-ю, не могла приступить к решительному штурму вражеских позиций в направлении города. Началось это значительно позднее.

Статью автор заканчивает словами: «Войска нашей армии сбили последние заслоны противника. Передовые части 72-го стрелкового корпуса... вышли на западную окраину Смоленска, и вскоре гитлеровцы были вышвырнуты за пределы города».

Вывод из сказанного следует только один: Смоленск освобожден войсками 68-й армии. Во всяком случае иного заключения не может сделать читатель, досконально не знающий истории этой операции. Ведь Е. Журавлев ни словом не упомянул войска других армий — 31-й и 5-й, — ворвавшихся в город гораздо раньше и начавших уличные бои задолго до подхода полков 68-й армии. Если уж быть точным до конца, то следует указать, что к моменту подхода войск 68-й армии к окраинам Смоленска бои на его улицах уже заканчивались. Это, конечно, вовсе не значит, что войскам 68-й армии нечего было делать в городе: ликвидация отдельных очагов сопротивления врага продолжалась там до вечера 25 сентября. И правильно считать, что войска 68-й армии внесли большой вклад в разгром противника не только на дальних и ближних подступах к Смоленску, но и на его улицах. Однако нельзя приписывать эти заслуги только им.

Создается впечатление, что Е. Журавлев подготовил статью для газеты, даже не заглянув ни в один из официальных источников по Великой Отечественной войне, и тем самым поставил в неудобное положение и редакцию областной газеты, и себя.

Комсомольская областная газета «Смена» 25 сентября опубликовала статью генерал-майора в отставке В. К. Янковского «Освобождение». Здесь еще больше путаницы в освещении фактов. Автор пишет, что «после 20 августа главный удар фронта (Западного. — Н. А.) переносится с рославльского направления на смоленское». Как уже отмечалось выше, с 21 августа по 6 сентября войска фронта осуществляли Ельнинско-Дорогобужскую операцию, а смоленское и рославльское направления появились лишь с 7 сентября, на третьем этапе наступления.

Указав, что 15 сентября войска Западного фронта возобновили наступление, автор подчеркивает: «...наиболее успешно вела наступательные бои 31-я армия генерала Зыгина, действовавшая в направлении Ярцево». Однако генерал-лейтенант А. И. Зыгин никогда не командовал войсками этой армии. В данный период он руководил войсками 39-й армии соседнего Калининского фронта. В наступлении на Ярцево она не участвовала, так как выполняла другую боевую задачу.

¹⁸ Важнейшие операции Великой Отечественной войны. М., 1956, стр. 215.

Говоря об освобождении Ярцева, автор утверждает, что в боях за этот город противник потерял только убитыми 80 тыс. солдат и офицеров. Кому нужно такое преувеличение? По данным штаба 31-й армии, а только ее войска вели эти бои, потери врага убитыми составили около тысячи человек. Такая же цифра названа и в третьем томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941—1945»¹⁹.

Чем дальше читаешь статью, тем больше встречаешь ошибок. В ней, например, сообщается, что 19 сентября войска Западного фронта вышли на р. Сож, а 39-я армия Калининского фронта в тот же день замкнула смоленскую группировку вражеских войска с юга. В действительности же войска центра и левого крыла Западного фронта вышли на р. Сож южнее Смоленска только через 5 дней ожесточенных боев, т. е. 24 сентября. 39-я армия Калининского фронта в боях южнее Смоленска не участвовала и не могла участвовать, она наступала правее 31-й армии в 35 км севернее города.

Нельзя согласиться и с тем, что 24 сентября на южном берегу Днепра, западнее Смоленска, появились дивизии 31-й и 5-й армии. Читателю уже известно, что войска этих армий вступили в Смоленск с северо-востока и Днепр форсировали в самом городе. К сожалению, достигнуть окружения смоленской группировки вражеских войска, о чем пишет автор статьи «Освобождение», не удалось. И нет необходимости приукрашивать боевой путь советских войска вымыслами, он и без того прекрасен.

В. К. Янковский утверждает, что Рославль освобожден от фашистских оккупантов 24 сентября. Во всех официальных и общеизвестных изданиях, однако, указывается, что он освобожден в тот же день, что и Смоленск, т. е. 25 сентября. Зачем же вносить путаницу в этот совершенно ясный вопрос?

В. Янковский не в ладах и с терминологией. Он, например, пишет, что фашистское командование «...принимало все меры, чтобы **удержать** ярцевско-смоленское и ельнинско-смоленское **направления**». «Бои на всех участках носили **медленный** и затяжной характер» (подчеркнуто нами. — Н. А.). Даже начинающему офицеру известно, что войска удерживают в своих руках не направления, а рубежи, а медленное бывает продвижение, но не бой.

Подобные вольности, неточности и искажение фактов, встречающиеся в книгах и газетах, сбивают с толку читателей, заставляют их задумываться, где же правда. А получается это потому, что авторы без должной ответственности относятся к написанию материалов, не проверяют фактов по имеющимся, всем известным источникам, а редакции и издательства не требуют от них этого. В результате на свет появляются недоброкачественные публикации. Долг авторов — добиваться того, чтобы правда нашей замечательной военной истории не искажалась ни на йоту.

¹⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3. М., 1961, стр. 366.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Нерасторжимое братство

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ политической литературы вышел сборник документов и материалов «Советский Союз — Народная Польша»¹. Он подготовлен Министерством иностранных дел СССР и Министерством иностранных дел ПНР при участии Министерства обороны СССР и ряда других министерств и ведомств Советского Союза и Польши. Книга издана в Москве и Варшаве в связи с 30-летием Польской Народной Республики. В нее включены наиболее важные документы о советско-польских отношениях: договоры и соглашения, совместные заявления и коммюнике о переговорах правительственных и партийных делегаций, выступления советских и польских деятелей, документы дипломатической переписки между обеими странами, а также материалы военных и других организаций. Многие из них печатаются впервые. В приложении помещен ряд ценных документов за период с января 1942 г. по июль 1944 г., характеризующих позицию революционных и народно-демократических сил польского народа по вопросу отношений между СССР и Польшей.

Материалы рецензируемого сборника позволяют проследить, как ленинские принципы внешней политики СССР находили и находят свое выражение в деятельности советской дипломатии в период становления Народной Польши.

С самого начала Великой Отечественной войны советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистских агрессоров, в том числе и государств, ставших жертвой гитлеровской Германии и утративших свою национальную независи-

мость. Советское правительство заявило, в частности, о своей готовности нормализовать отношения с Польшей и оказать ее народу всестороннюю помощь в борьбе за освобождение родины. Однако в те годы польское эмигрантское правительство неохотно шло на это. Заключив с Советским Союзом союзнические соглашения, оно на деле уклонялось от выполнения своих обязательств и проводило в своей политике антисоветский курс. Хуже того, начиная с 1943 года, оно стало относиться к СССР просто враждебно. 25 апреля 1943 г. Советское правительство было вынуждено порвать с ним дипломатические отношения.

Победоносное наступление наших войск приближало час освобождения Польши. В связи с этим польский вопрос приобрел особое значение в международной жизни 1944 года. Публикуемые в сборнике документы показывают энергичную борьбу советской дипломатии за воссоздание сильной и независимой Польши. 11 января 1944 года Советское правительство выступило с заявлением (приложение № 9) о советско-польских отношениях, в котором вновь подчеркивалось, «что оно стремится к тому, чтобы установить дружбу между СССР и Польшей на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ, на основе союза по взаимной помощи...». При этом отмечалось, что «Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель... Справедливое стремление польского народа к своему полному объединению в сильном и независимом государстве должно получить свое признание и поддержку». В заявлении правитель-

¹ Советский Союз — Народная Польша 1944—1974 гг. М., Политиздат, 1974, 664 стр.

ства СССР указывалось, что «интересы Польши и Советского Союза заключаются в том, чтобы между нашими странами установились прочные дружественные отношения и чтобы народы Польши и Советского Союза объединились в борьбе против общего внешнего врага, как этого требует общее дело всех союзников» (стр. 633—634).

Естественно, что задачу коренного улучшения советско-польских отношений могли выполнить лишь демократические, патриотические силы. В годы войны польский народ не покорился захватчикам, оказывал им героическое сопротивление. В Польше сложились национальные органы власти в лице Крайовой рады народной, которая вела борьбу за освобождение своей родины. Весной 1943 г. польские демократические деятели, находившиеся в СССР, объединились в Союз польских патриотов, по инициативе которого в нашей стране начала формироваться польская армия.

Летом 1944 г. советские войска вступили на землю Польши. На очищенной от врага территории народ, руководимый Польской рабочей партией, создал 21 июля 1944 г. по постановлению Крайовой рады народной временный орган исполнительной власти — Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) — первое в истории страны подлинно народное правительство. 22 июля Комитет провозгласил Манифест, в котором была изложена программа строительства новой, народно-демократической Польши. Ныне этот день отмечается как День возрождения Польши. ПКНО в Манифесте к польскому народу (док. № 1) подчеркивал, что дружественные отношения с Советским Союзом будут основой внешней политики Народной Польши.

26 июля 1944 г. Наркоминдел СССР опубликовал заявление об отношении Советского Союза к Польше (док. № 3), в котором говорилось, что цель советских войск «разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Рассматривая Польшу как суверенное дружественное союзное государство, Советское правительство заявляло, что оно «не намерено устанавливать на территории Поль-

ши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

В тот же день СССР и ПКНО подписали соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши (док. № 5), согласно которому Польский Комитет Национального Освобождения полностью брал на себя руководство всеми делами гражданского управления. ПКНО создавал органы администрации и руководил ими, осуществлял мероприятия по дальнейшей организации, формированию и комплектованию польского войска, обеспечивал активное содействие Советской Армии в проведении операций. Соглашение предусматривало, что в зоне боевых действий на территории Польши верховная власть и ответственность за все дела, относящиеся к ведению войны, сосредоточивалась в руках Главнокомандующего советскими войсками. Это было, по существу, первое международное соглашение, подписанное ПКНО.

27 июля 1944 г. между правительством СССР и ПКНО было подписано Соглашение о советско-польской границе (док. № 6 — публикуется впервые). В нем Советский Союз также выступил в поддержку требования Польши об установлении ее западной границы по Одре и Нысе Лужицкой.

Таким образом, боевое содружество между народами братских стран, развившееся и укрепившееся в ходе совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками, превратилось в военно-политический союз между СССР и народной Польшей, которая в лице Советского Союза обрела надежного защитника ее интересов, истинного друга. Как показывают документы сборника, Коммунистическая партия и Советское правительство, несмотря на огромный материальный ущерб, причиненный нашему народному хозяйству войной, оказывали польскому народу в трудные для него годы большую и непрерывно возрастающую бескорыстную помощь продовольствием, медикаментами, транспортными средствами и многим другим (док. № 9, 10, 24 — публикуются впервые).

20 октября 1944 г. между правительством СССР и ПКНО было подписано Соглашение о поставках товаров и условиях

расчетов (док. № 14 — публикуется впервые). Оно открыло новый этап в советско-польских экономических отношениях. Наша страна помогала Польше восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. Получаемые ею на условиях беспроцентного кредита такие товары, как нефть, уголь, мука, масло, чай, спички и т. д., были в то время очень дефицитными и в СССР.

В сборнике помещен ряд документов, в которых выражается искренняя благодарность советскому народу за оказанную бескорыстную помощь Польше.

Начиная с 1944 г. в освобожденных районах Польши стали создаваться общества польско-советской дружбы.

Роль центра, координирующего работу различных организаций, сыграло Общество польско-советской дружбы, образованное в г. Люблине 22 ноября 1944 г. (док. № 18 — Первый устав Общества польско-советской дружбы — публикуется впервые).

Во время Крымской конференции руководителей трех держав в 1945 г. польский вопрос вызвал серьезные разногласия между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой. Западные державы никак не хотели примириться с перспективой создания новой народной Польши и установления возрожденным польским государством дружеских, братских отношений с Советским Союзом. В результате упорной дискуссии благодаря усилиям советской дипломатии было достигнуто соглашение о формировании на базе Временного польского правительства, созданного по постановлению Крайовой рады народовой 31 декабря 1944 г., Временного правительства национального единства. Такое решение вопроса учитывало волю польского народа и означало поражение реакции.

Несомненный интерес представляют документы, касающиеся переговоров в период создания всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности. Тогда встал вопрос о приглашении Польши на учредительную конференцию в Сан-Франциско. США и Великобритания выступили против этого, поскольку к тому времени еще не было создано Правительство национального единства. В связи с этим 9 марта 1945 г. (док. № 32), 22 марта (док. № 34), а также 17 апреля

1945 г. (док. № 39) Советское правительство направило правительствам США и Великобритании ноты и меморандумы, в которых заявляло, что если ввиду сложности вопроса в ближайшем будущем реорганизация Польского временного правительства не будет осуществлена или закончена, то на конференцию в Сан-Франциско следует пригласить представителей правительства, которое сейчас осуществляет власть на всей территории Польши и пользуется поддержкой своего народа.

Однако правительства США и Великобритании воспрепятствовали участию Польши в Сан-Францисской конференции по вопросу создания ООН (25.IV—25.VI.1945 г.). И все же по настоянию делегации СССР решено было считать Польшу членом-учредителем этой организации и оставить в Уставе место для подписи представителя Польши. Устав был подписан представителем правительства Польши 16 октября 1945 г.

Как известно, к середине апреля 1945 г. старинные польские земли на западной границе по Одре и Нысе Лужицкой в целом были освобождены из-под многовекового немецкого господства. Советские войска до конца выполнили свою освободительную миссию. Но этим их задача не была исчерпана. Советская Армия оказала польскому населению огромное содействие в восстановлении хозяйства. В сборнике помещена (док. № 33 — публикуется впервые) докладная записка члена Военного совета 1-го Белорусского фронта от 18 марта 1945 г. в ГКО СССР о передаче предприятий и сельскохозяйственных имений польским властям. 24 июня 1945 г. в Варшаве было подписано Соглашение между Временным правительством и командованием Северной группы войск Советской Армии об оказании помощи советскими солдатами в уборке хлебов на воссоединенных землях. Согласно информации польской печати, советское командование передало Польше на западных землях 15 тыс. лошадей на нужды посевной кампании, а также семенное зерно.

С интересом ознакомились читателя с Договором между Советским Союзом и Польской Республикой о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, который был заключен 21 апреля 1945 г. (док. № 40). По этому договору СССР и Польша обязались продолжать

борьбу против фашистской Германии до полной победы и «оказывать друг другу военную и другую помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами». Договор заложил прочные основы отношений нового типа социалистического сотрудничества между Советским Союзом и Польской республикой. Договор гарантировал государственный суверенитет Польши, способствовал упрочению мира и безопасности в Европе. СССР и Польша заявили, что они будут «сотрудничать в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства...».

С помощью Советского Союза Временное правительство успешно организовывало восстановление разрушенной войной экономики, осуществляло социально-экономические преобразования в стране. Изменение соотношения сил внутри государства в пользу демократического лагеря позволило еще больше расширить базу народно-демократического правительства. 28 июня 1945 г. было создано Временное правительство национального единства, в состав которого дополнительно были включены как демократические деятели из самой Польши, так и из-за границы. Международное положение страны значительно укрепилось, ее правительство было признано многими государствами.

Из документов сборника отчетливо видно, что Советский Союз оказывал Польше моральную и политическую поддержку в решении территориальных вопросов. Последовательная борьба и твердая позиция СССР на Потсдамской конференции руководителей трех держав (док. № 28) обеспечила для народно-демократической Польши справедливое решение о ее западных границах. Вопрос о восточных границах был окончательно урегулирован подписанием 16 августа 1945 г. между СССР и Польшей Договора о советско-польской государственной границе (док. № 53).

Соглашение трех держав о западной границе на Потсдамской конференции и советско-польский договор о государственной границе показывают, какие великие исторические изменения произошли в положении польского государства в Европе и в международных отношениях.

Большое место в сборнике занимают до-

кументы послевоенного периода и среди них документ о Совете Экономической Взаимопомощи, созданном социалистическими странами — Болгарией, Венгрией, Польшей, Румынией, Советским Союзом, Чехословакией 25 января 1949 г.² СЭВ стал важным средством совершенствования многостороннего экономического и научно-технического сотрудничества между странами социалистического содружества, и в частности между Советским Союзом и Народной Польшей (док. № 99).

В ответ на создание агрессивного Североатлантического военного блока (НАТО) страны социалистического содружества подписали 14 мая 1955 г. Варшавский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (док. № 110). Организация Варшавского Договора полностью соответствует Уставу ООН, который разрешает государствам (ст. 51) осуществлять право на индивидуальную и коллективную оборону, взаимно защищая друг друга и в случае нападения оказывая «немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами — участниками договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы» (док. № 110, ст. 4).

Этот Варшавский Договор обеспечивает безопасность Польши и других братских стран, способствует укреплению мира в Европе и во всем мире.

Напечатан в сборнике и советско-польский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный 8 апреля 1965 г. (док. № 163). Он является обновлением советско-польского Договора от 21 апреля 1945 г., сыгравшего выдающуюся роль в развитии дружественных отношений между нашими государствами. В новом договоре были учтены результаты послевоенного сотрудничества, а также изменения в международной обстановке.

Советско-польские отношения довольно широко отражены в трудах буржуазных историков. Однако вопреки очевидным фактам, они стремятся исказить истинные цели политики Советского правительства, освободительную миссию Советской Армии. Вступление наших войск на территорию Польши буржуазные фальсификато-

² Албания вошла в СЭВ в феврале 1949 г., ГДР — в ноябре 1950 г., а МНР — в 1962 г. В настоящее время Албания не принимает участия в работе СЭВ.

ры изображали как стремление СССР захватить ее территории и увеличить свое «и без того огромное пространство»³. Они заявляют также, что вступление советских войск на территорию Польши сопровождалось установлением там «советского режима»⁴. Документы сборника убедительно опровергают эти неуклюжие измышления, состряпанные в угоду правящим империалистическим кругам.

Материалы книги свидетельствуют, что советско-польские отношения непрерывно углубляются и укрепляются. Происходит непрерывный процесс дальнейшего всестороннего сближения в области партийного и государственного строительства, расширяется обмен научно-техническими знаниями и достижениями, растут культурные связи.

«Братский союз наших народов не пришел сам собой, — говорил Л. И. Брежнев, — не подарен нам историей, он родился в совместной борьбе народов Советского Союза и Польши за свободу и счастье. Это плод настойчивых многолетних усилий коммунистов обеих стран. Это великое завоевание наши партии с полным правом могут записать в свой главный актив. Мы считаем своим долгом всячески беречь, укреплять, обогащать новым содержанием наш тесный союз» (док. № 243).

Об огромном значении братского союза

³ L. Fisher. The Road to Ilta: Soviet Foreign Relations 1941—1945. № 4, 1972, pp. 92, 218.

⁴ G. Howe. Ashes of Victory, № 4, 1972, p. 288.

наших стран сказано также в тезисах ЦК ПОРП, опубликованных в связи с 30-летием Польской Народной Республики 15 февраля 1974 г. (док. № 251). В них отмечается, что «у истоков Народной Польши лежит историческая победа Советского Союза и его армии над гитлеровскими захватчиками, победа, которая спасла польский народ от уничтожения и открыла перед ним возможность самостоятельно решать свою судьбу».

Рецензируемый сборник — ценный труд, освещающий целую эпоху в развитии советско-польских отношений. Достоинство его состоит в том, что он четким и ясным языком повествует о нерасторжимой дружбе двух братских стран, о том, как при поддержке Советского Союза польский народ стал на путь прогресса и социализма. Материалы сборника показывают, что братское сотрудничество между Советским Союзом и Польшей, основывающееся на идеях марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, выдержало испытание временем и становится все более плодотворным.

Документы в сборнике расположены в строгой хронологической последовательности, что облегчает их чтение и понимание. На наш взгляд, следовало бы приложить к нему тематический указатель. От этого он только бы выиграл.

Вышедшая в свет книга, несомненно, будет способствовать укреплению дружбы между народами СССР и Польши.

Н. Николаев

Обвинительный акт вермахту

ВОЕННОЕ издательство МО СССР выпустило в свет в переводе на русский язык книгу ученого секретаря Военно-исторического института ГДР, профессора, доктора Норберта Мюллера «Вермахт и оккупация»¹. Это результат многолетнего исследования автором одной из важных и актуальных проблем истории второй

мировой войны — преступной роли вермахта в проведении гитлеровской оккупационной политики на захваченных землях, и прежде всего на территории Советского Союза. Написан труд на основе оригинальных документов из архивов ГДР и достоверного фактического материала. Н. Мюллер не оставляет камня на камне от лживых вымыслов буржуазных фальсификаторов истории о якобы непричастности

¹ Н. Мюллер. Вермахт и оккупация (1941—1944). Перевод с нем. М., Воениздат, 1974, 387 стр.

вермахта в период минувшей войны к злодеяниям на нашей земле.

Он убедительно доказывает виновность фашистских войск в массовом уничтожении советского народа, в экономическом ограблении оккупированных областей СССР.

Для всеобъемлющей подготовки грабительской войны против Советского Союза, подчеркивается в книге, характерно то, что в тесном сотрудничестве между монополиями, государственными плановыми органами и вермахтом была создана целая система новых государственно-монополистических механизмов управления с необычайно разветвленным исполнительным аппаратом. В качестве вершины этого аппарата в марте 1941 г. возник штаб экономического руководства «Восток», который находился в ведении Геринга и его постоянного заместителя в «ведомстве четырехлетнего плана» статс-секретаря Кернера. От них исходили директивы по экономической эксплуатации оккупированных советских территорий, которые были обобщены в «Положениях по управлению экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»). Директивы требовали в качестве высшего принципа принятия всех мер, которые необходимы для немедленного и возможно лучшего использования оккупированных областей в интересах Германии (стр. 78—79).

Командование вермахта неукоснительно придерживалось этого принципа. С его участием только из оккупированных областей Советской Украины, входивших в состав рейхскомиссарната «Украина», до конца июня 1943 г. было вывезено в Германию 3,6 млн. т зерна, 500 тыс. т картофеля, 155 тыс. т сахара, 100 тыс. т бобовых, 50 тыс. т масла и большое количество других продуктов (стр. 207). Из захваченных южных районов, кроме вывезенного в Германию, фашистские войска получили для своих нужд на советско-германском фронте в течение 1942—1944 гг. дополнительно в общей сложности 3,5 млн. т зерна и 267 тыс. т мяса (стр. 208).

Ведущая роль вермахта в экономическом грабеже оккупированных советских областей была определена в директиве ОКВ № 32 от 11 июня 1941 г., в которой указывалось: «Вновь завоеванное восточное пространство должно быть организо-

вано, упрочено и экономически использовано при полном содействии вермахта» (стр. 80).

В целях достижения главной политической задачи войны против СССР — уничтожения Советского государства нацистское руководство планировало частично истребить население «восточноевропейского пространства», а оставшихся превратить в своих рабов. В генеральном плане «Восток», как указывается в книге, предусматривалось превращение всей Польши, Чехословакии и больших территорий европейской части СССР в немецкую «поселенческую область». Для этого свыше 30 млн. (по более позднему варианту даже 50 млн.) польских, чешских и в первую очередь советских граждан должны были быть «искоренены» или депортированы. Кроме того, предполагалось путем ухудшения жизненного уровня, ликвидации медицинских, культурных и социальных учреждений снизить рождаемость и сократить продолжительность жизни славянских народов. Часть местного населения, например 85 проц. поляков и 65 проц. украинцев, предназначалась для выселения за Урал, остальные должны были использоваться на месте (стр. 95).

Н. Мюллер подчеркивает, что вопреки позднейшим утверждениям фашистского генералитета, открыто поддерживаемого реакционными буржуазными историками, большинство ведущих немецких военных деятелей рассматривало осуществление планов уничтожения СССР и его населения как свою основную задачу. В высших органах вермахта намечалось полное разрушение Москвы и Ленинграда. Этот замысел, в частности, был подробно изложен в письме ОКВ, подписанном генералом Йодлем 7 октября 1941 г., и в проекте донесения заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала Варлимонта от 21 сентября этого же года (стр. 152).

Многочисленные документы, приводимые в труде, показывают, что вермахт точно претворял в жизнь гитлеровскую политику «выжженной земли» на нашей территории при отступлении под ударами советских войск. Эта варварская практика фашистского военного руководства вошла в число обвинений, предъявленных нацистским преступникам на Нюрнбергском процессе на основании положений

Гаагской октябрьской конвенции 1907 г. и статьи 6 «б» Устава Международного военного трибунала. Однако бывшие фашистские генералы, в частности Манштейн, а также некоторые реакционные историки старались оправдать эти явные преступления ссылкой на якобы «военную необходимость».

Как явствует из приказов, разработанная система мероприятий по ограблению и разрушению всего хозяйства оккупированных областей СССР сводилась к следующим операциям: а) рассредоточение, т. е. вывоз всех ненужных для боевых действий лиц и грузов; б) собственно эвакуация; в) парализация экономической жизни на случай временного оставления территории; г) полное уничтожение всех материальных ценностей при окончательном уходе с захваченных земель (стр. 301—302).

В изданной штабом экономического руководства «Восток» инструкции решающая роль в осуществлении этих мероприятий отводилась военным органам. «Мероприятия по разрушению, — говорилось в ней, — как правило, проводятся только воинскими подразделениями или выделенными ими группами подготовленных специалистов» (стр. 303).

Однако, как отмечается в труде, фашисты не сумели осуществить до конца намеченный план эвакуации людей и ценностей в результате стремительного наступления советских войск. Разграбление сменилось уничтожением, которое стало основным элементом политики «выжженной земли» (стр. 306). Автор приводит обобщенные данные об огромном материальном ущербе, нанесенном вермахтом экономике СССР, и делает следующий вывод: «Все это с достаточной убедительностью доказывает, что оккупационные власти, и особенно части и органы вермахта, проводя свои разбойничье-опустошительные мероприятия, отнюдь не ограничивались тем, что, по их мнению, якобы вызывалось «военной необходимостью», а принципиально делали все то, что было в их силах, чтобы нанести ущерб советскому народу» (стр. 314).

Есть в книге страницы, посвященные движению Сопротивления на оккупированных территориях. Правда, Н. Мюллер не сумел отразить его силу и масштабы. А ведь можно было бы дополнительно при-

вести ряд новых документов, имеющихся в военных архивах ГДР и ФРГ и свидетельствующих о нарастании мощи сопротивления советских людей гитлеровскому оккупационному режиму. Так, например, 14 декабря 1941 г. начальник тыла группы армий «Центр» генерал Шенкендорф докладывал командованию: «Серьезность положения усугубляется также тем, что наряду с растущей активностью русских на фронте отмечается усиление деятельности партизан в тылу. Следует ожидать, что в скором времени партизаны объединятся в крупные отряды и большими силами предпримут нападение на наши гарнизоны и охраняемые объекты»².

В сводке командования группы армий «Центр» от 15 сентября 1943 г. имеются данные, характеризующие масштабы и результаты боевой деятельности советских партизан в полосе этой группы. Только в августе 1943 г. народные мстители предприняли 781 нападение на железнодорожные узлы и станции, организовали 217 крупных и 12 717 мелких взрывов, а также 3011 взрывов мин. В 14 случаях железнодорожные объекты были обстреляны из противотанковых орудий и тяжелых минометов. В мастерских депо и на других объектах отмечались многочисленные акты саботажа рабочих. В результате всего этого было повреждено 74 локомотива и 214 вагонов, пущено под откос 80 локомотивов и 625 вагонов, разобрано 150 км железнодорожных путей³.

Советские партизаны наносили большой ущерб гитлеровцам. Немецко-фашистское командование вынуждено было использовать в борьбе с ними значительные силы. Об этом свидетельствует следующий факт. В карательной операции против партизан под названием «Свободный стрелок» летом 1943 г. лишь на одном участке были введены целый корпус вермахта в составе 5-й танковой и 6-й пехотной дивизий, подразделения комендатур тыла группы армий «Центр» и подразделения «Восточного штаба». Кроме того, планировалось привлечь 10-ю механизированную дивизию и усиленный гренадерский полк. Силы партизан, по оценке немецко-фашистского командования, включали три дивизии, а

² Bundesarchiv — Militärarchiv Freiburg/Br (BA — MA) 111 H 371/6, Anlageband A, Bl. 314.

³ Militärarchiv der Deutschen Demokratischen Republik (MA DDR), H 10. 21. 04/4, Bl. 30—31.

также несколько бригад и отрядов⁴. Как видим, размах движения Сопротивления и особенно партизанской борьбы советских людей против немецко-фашистских захватчиков был огромен.

Говоря о достоинствах книги, нельзя умолчать и о ее недостатках. В труде отсутствует ряд важных обобщенных данных о масштабах грабежа вермахтом временно оккупированных советских территорий. В частности, автор не приводит сведений о вывозе в Германию промышленного оборудования и сельскохозяйственной продукции за весь период оккупации. А ведь урон, нанесенный фашистами СССР, огромен. Наш народ потерял 20 млн. своих сынов и дочерей. Гитлеровцы разрушили 1710 советских городов, поселков городского типа и более 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов и 1876 совхозов. Национальное богатство страны сократилось на 30 проц. В целом материальные потери Советского Союза оцениваются суммой около 2 триллионов 600 миллиардов рублей⁵.

⁴ МА DDR; Н. 10 21. 04/4. В.1. 373.

⁵ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970. стр. 562.

К сожалению, Н. Мюллер нечетко показал, какое действие оказала эвакуация материальных ценностей из угрожаемых районов на Восток на гитлеровские планы использования советской экономики для дальнейшего ведения войны.

Не совсем полно отражено в труде и влияние вооруженной борьбы советских патриотов на срыв планов экономического использования оккупированных территорий.

В целом книга Н. Мюллера «Вермахт и оккупация (1941—1944)» является своего рода обвинительным актом командованию фашистских войск, его военным органам, личному составу, непосредственно участвовавшим в осуществлении оккупационной политики гитлеровского руководства. Ее перевод на русский язык сыграет большую роль в воспитании у советских людей политической бдительности, ненависти к империализму и фашизму. Она, бесспорно, вызовет у широкого советского читателя живой интерес.

*Профессор, доктор исторических наук
полковник*

М. Семиряга

На острие главного удара

ИМЕНА видных военачальников периода Великой Отечественной войны широко известны советскому народу. Достойное место среди них занимает маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков. Войска под его командованием¹ вписали яркие страницы в героическую летопись борьбы советского народа против фашистской Германии. Они участвовали в боях в приграничных районах, в битвах под Москвой и Курском, в сражениях на Правобережной Украине и в Польше и закончили свой победный путь в столице третьего рейха — Берлине. Все эти события и легли в основу недавно вышедшей книги

¹ Во время Великой Отечественной войны М. Е. Катуков командовал 20-й танковой дивизией, 4-й (1-й гвардейской) танковой бригадой, 1-м танковым и 3-м механизированным корпусами. В январе 1943 г. был назначен командующим 1-й танковой армией, ставшей в 1944 г. гвардейской.

М. Е. Катукова «На острие главного удара»².

В воспоминаниях маршала широко показаны руководящая и организующая роль Коммунистической партии на всех этапах войны, героизм солдат и офицеров, мастерство командиров, искусство воспитания политработников.

Автор ярко и правдиво рисует обстановку, сложившуюся в начале войны, когда войска приграничных округов вели тяжелые кровопролитные бои, отражая атаки немецко-фашистских полчищ. Тяжелое это было время. Под натиском превосходящих сил противника наши войска вынуждены были отступать. Но, отступая, они наносили ему серьезный урон и своей стойкостью закладывали фундамент

² М. Е. Катуков. На острие главного удара: М., Воениздат, 1974, 430 стр.

будущих побед Советской Армии. 20-я танковая дивизия полковника Катукова совместно с другими соединениями 9, 22 и 19-го механизированных корпусов 5-й армии храбро дралась против 1-й танковой группы врага. А ведь в дивизии в начале войны было всего лишь 33 учебных подержанных и побитых БТ-2, БТ-5 и несколько гаубиц. «Даже теперь, спустя тридцать с лишним лет, — пишет автор, — я не могу не поражаться тому мужеству, той боевой активности, которые ежедневно, ежечасно проявляли воины 20-й танковой в то трудное для нас время» (стр. 16).

На опыте 20-й танковой и соседней 45-й стрелковой дивизий М. Е. Катукой показывает, способы ведения оборонительных боев, вскрывает недостатки в боевом и материально-техническом обеспечении войск.

Подробно рассказывается в мемуарах о боевых действиях 4-й танковой бригады, в командование которой автор вступил в сентябре 1941 г. Это соединение покрыло себя неуязвимой славой в битве под Москвой. Здесь оно получило наименование — 1-я гвардейская танковая бригада. В приказе Народного комиссара обороны подчеркивалось, что боевые действия бригады должны служить примером для частей Советской Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками. А учиться у нее было чему. Танкисты умело применяли тактику ведения боя из засад, что давало им возможность успешно противостоять превосходящим силам врага и наносить им значительные потери.

Глубокое впечатление оставляют страницы, повествующие о переходе советских войск в контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. В тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией танкисты громили отходящего противника. Однако автор видит не только положительное в действиях наших войск, но подмечает и промахи: лобовые атаки опорных пунктов, недостаточное массирование сил и средств на направлении главного удара, слабое взаимодействие родов войск, робкое использование маневра.

Рецензируемая книга изобилует примерами невиданного героизма и мужества советских воинов в боях под Орлом, Мценском и Курском, на полях Украины, Польши, при штурме Берлина. Запоминаются

подвиги Д. Ф. Лавриненко, уничтожившего со своим экипажем 52 танка врага, П. А. Заскалько, В. Г. Гусева, А. Ф. Бурды и др. В сражении на Курской дуге танковая рота лейтенанта В. А. Бочковского обороняла Обоянское шоссе у небольшой деревушки Яковлево. На рассвете 7 июля на шоссе показались семь «тигров» и до полка пехоты. Гвардейцы подожгли две машины, остальные повернули назад. Но это было только начало. В четыре часа утра с восходом солнца к деревне стали выдвигаться три танковые колонны с «тиграми» впереди. Тут же послышался гул бомбардировщиков. Около 60 самолетов зашли с разных сторон и начали бить по нашим позициям, прокладывая путь танкам. Несмотря на явное превосходство противника, гвардейцы не дрогнули. Восемь тридцатьчетверок целый день отбивали атаки (стр. 227).

Бессмертные подвиги совершили в боях многие. Старший сержант И. Т. Зинченко в критическую минуту бросился под «тигр» с гранатами в руках; командир 3-й механизированной бригады полковник А. X. Бабаджанян при отражении атаки прорвавшихся к командному пункту танков уничтожил гранатами тяжелую вражескую машину, командир разведывательной роты капитан В. Н. Подгорбунский в ходе боя захватил немецкие понтоны, что позволило переправить технику через Днестр, рядовой Н. Пигорев закрыл амбразуру дзота своим телом и обеспечил успех атаки подразделению.

Яркую страницу в историю войны вписали танкисты 44-й гвардейской танковой бригады И. И. Гусаковского. Стремительно преодолев крупнейший Мезеритцкий укрепленный район, они захватили и удерживали в течение длительного времени район Мальсова в глубоком тылу врага.

С большим накалом описаны боевые действия 1-й танковой армии в ходе Берлинской операции. Тяжелые бои развернулись на улицах Берлина, где из подвалов, окон домов в танкистов стреляли из фаустпатронов. Гитлеровцы сражались с отчаянностью обреченных. Бои велись днем и ночью. Общими усилиями пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков враг был сломлен.

Несомненным достоинством книги является то, что, описывая подвиги воинов, автор показывает истоки их мужества, ге-

роизма. Прежде всего это любовь к Родине, партии, народу.

Тепло вспоминает М. Е. Катукон о встречах с И. В. Сталиным, М. И. Калининым, А. А. Щербаковым, Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, В. И. Тупиковым, В. А. Малышевым, Я. Н. Федоренко, С. И. Богдановым и другими.

Значительный интерес представляют мысли автора о руководстве войсками, роли танков в бою и операции. Он показывает влияние экономики на производство средств борьбы, в частности на организацию и способы боевых действий танковых войск. Как известно, быстрый рост производства танков в восточных районах страны позволил приступить весной 1942 г. к созданию крупных соединений и объединений танковых войск — танковых корпусов и армий, а к осени — и механизированных корпусов. М. Е. Катукон излагает ряд теоретических положений по применению крупных подвижных соединений в наступлении и обороне, рассматривает вопросы массирования танков на главном направлении, эшелонирования их в обороне, важность взаимодействия танковых соединений и объединений с другими родами войск и авиацией.

Немало места уделено в мемуарах роли партийно-политической работы в различных видах боя, личной примерности коммунистов и комсомольцев, которые были надежными помощниками командиров в решении стоящих задач перед частями и подразделениями. Хорошо показал автор деятельность политработников: члена Военного совета армии Н. К. Попеля, комиссара бригады и корпуса М. Ф. Бойко, начальника политотдела И. Г. Деревянкина и других.

Читая книгу М. Е. Катукон, видишь, как в жестоких схватках с фашистами наши танковые войска настойчиво овладевали нелегким искусством побеждать, как совершенствовались приемы и способы ведения боя и операции. Советские танки были грозой для врага. Они, как правило, применялись на острие главного удара, о чем и свидетельствует само название воспоминаний маршала.

К сожалению, наряду с положительными сторонами в книге есть и недостатки. На 14 странице говорится, что 9-й механизированный корпус совместно с другими корпусами нанес контрудар в направле-

нии на Дубно 29 июня, на самом деле он нанесен 26 июня³.

Допустил автор ошибку в описании организационно-штабной структуры немецкой танковой дивизии (стр. 35). В 1941 г. в ней было 2—3 танковых батальона, мотопехотная бригада и другие части. Всего 140—221 танк (в среднем 209)⁴. Неправильно указано в книге количество машин в нашем танковом корпусе. Когда он создавался (весной 1942 года), в нем насчитывалось 168 танков⁵, а не 250 (стр. 143).

М. Е. Катукон пишет: «...левее нас находилась сильная франкфуртская группировка гитлеровцев... до сотни тысяч человек» (стр. 400). В действительности она была значительно больше. Только при ликвидации этой группировки было уничтожено свыше 60 тыс. солдат и офицеров и 120 тыс. взято в плен⁶.

Приводя состав берлинской группировки противника на 25 апреля 1945 г. (стр. 409), автор в числе других войск называет десять артиллерийских дивизий. Однако известно, что за годы войны в Германии была сформирована лишь одна 18-я артиллерийская дивизия⁷.

Имеется ряд и других неточностей. В Львовско-Сандомирской операции противник отвел свои войска на вторую позицию, а в книге говорится на вторую полосу (стр. 316).

Мемуары, бесспорно бы, выиграли, если бы в них были помещены схемы боевых действий бригады, корпуса, армии, а также списки Героев Советского Союза, сражавшихся в армии, даны почетные наименования соединений и частей.

В целом же воспоминания заслуживают положительной оценки. Книга написана живо, хорошим литературным языком. И в этом — немалая заслуга ее редактора А. Крюкова. Мемуары будут с интересом прочитаны как ветеранами Великой Отечественной войны, так и молодежью.

*Доцент, кандидат военных наук
полковник В. Новиков,
кандидат военных наук
подполковник С. Колокольцев*

³ Советские танковые войска 1941—1945. М., 1973, стр. 30.

⁴ «Военно-исторический журнал», 1972, № 2, стр. 36.

⁵ История военного искусства, т. 2. М., 1963, стр. 187.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5. М., 1963, стр. 280.

⁷ W. Keilig, *Das deutsche Heer 1939—1945. Bad-Naueheim, 1956, S. 15/54.*

ХРОНИКА-НАХОДКИ

факты

ОДНИМ из важных мероприятий Коммунистической партии по массовой оборонной подготовке трудящихся перед войной было образование военных отделов при партийных комитетах. XVIII съезд ВКП(б) (март 1939 г.) принял решение: «В райкомах, горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий иметь военные отделы, на обязанности которых лежит помощь военным органам в деле постановки учета военнообязанных, организации призыва, мобилизации в случае войны, в деле организации противовоздушной обороны и т. д.»

В короткий срок партийные комитеты создали военные отделы, штабы которых были сравнительно небольшими (заведующий и 1—4 инструктора). Комплектовались они лучшими партийными и советскими работниками, имевшими необходимую военную подготовку, хорошо знавшими формы и методы массовой оборонной работы. Военные отделы опирались на широкую сеть активистов, из которых создавались советы. Они помогали отделам в организации оборонного социалистического соревнования между отдельными городами, в подготовке и проведении призыва в ряды РККА, в создании для призывников школ по ликвидации неграмотности, контролировали строительство бомбо- и газоубежищ, принимали участие в военно-спортивных соревнованиях и т. д.

Большую работу провели военные отделы в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 марта 1940 г. «О военной переподготовке, переаттестовании работников партийных комитетов и о порядке их мобилизации в РККА», в котором особое внимание обращалось на организацию военной подготовки руководителей партийных работников.

Так, например, военный отдел при Сталинградском обкоме ВКП(б) вместе с Военным советом Северо-Кавказского военного округа разработал в 1940 г. единую программу обучения партийного актива, подобрал руководителей занятий, составил список необходимой литера-

туры и т. д. Для партийных работников регулярно один раз в неделю проводились четырехчасовые занятия по программе Ворошиловского стрелка I и II ступени. Комплектование учебных групп производилось дифференцированно, с учетом военной подготовки каждого. Партийные работники — женщины занимались по программе ГСО I и II ступени.

В результате такой организации военной учебы уже к концу 1940 г. 163 партийных работника области прошли военную переподготовку, в том числе секретари и заведующие отделами обкома, секретари и заведующие отделами окружкома, секретари парткомов, райкомов ВКП(б) и др. (Партийный архив Волгоградской области — ПАВО, ф. 113, оп. 11, д. 155, л. 151).

Военный отдел обкома разработал тематику лекций для руководителей партийных работников, к чтению которых привлекался подготовленный начальствующий состав и политработники Красной Армии.

Широкое распространение получило движение, проходившее под лозунгом «Каждый коммунист и комсомолец должен овладеть одной-двумя военными специальностями». В установленный день работники обкомов, райкомов, горкомов партии, а также комсомольские работники выезжали в военные лагеря, на полигоны, где учились стрелять, изучали боевую технику, сдавали нормативы на оборонные значки ВС, ГСО, ПВХО и др. Так, благодаря систематической работе военного отдела Балашовского горкома ВКП(б) Саратовской области свыше 70 проц. коммунистов города уже к началу 1940 г. стали членами Осоавиахима и около 30 проц. — членами общества Красного Креста и Красного Полумесяца.

Широкую политическую и организаторскую работу развернули военные отделы по подбору кадров политсостава в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 августа 1939 г. о призыве в кадры РККА 4000 коммунистов. Например, уже в сентябре 1939 г. военный отдел

Саратовского обкома ВКП(б) подобрал 88 партийных работников, которые были утверждены на бюро обкома и откомандированы в распоряжение политуправления Приволжского военного округа (ПАСО, ф. 594, оп. 1, д. 41, л. 56). Военный отдел Сталинградского обкома ВКП(б) подготовил к аттестованию в кадры политсостава РККА свыше 200 коммунистов из числа партийного актива (ПАВО, ф. 113, оп. 11, д. 84, л. 127).

Под непосредственным руководством военных отделов проводилась работа по подготовке населения к ПВХО. Только в 1940 г. на заводах, фабриках, в учреждениях, колхозах и совхозах страны была проведена 181 тыс. тренировочных занятий в противогАЗах, подготовлено и осуществлено более 105 тыс. походов в противогАЗах с участием более 10 млн. человек.

Во всех домоуправлениях создавались группы самозащиты, в обязанность которых входило следить за соблюдением светомаскировки, охраной порядка, участвовать в тушении пожаров и спасательных работах. Практиковались крупные общегородские тренировки, учения, тактические игры. Так, военный отдел Балашовского горкома ВКП(б) подготовил и провел военно-тактическую игру на тему «Оборона города от наземного и воздушного противника». Ей предшествовала большая организаторская работа отдела.

По инициативе военных отделов развертывалась борьба за превращение заводов, фабрик, предприятий в «крепости обороны».

Большую помощь оказали военные отделы партийных комитетов военным органам в подготовке и организации призыва молодежи в ряды Красной Армии, улучшении партийно-политической и воспитательной работы с призывниками, в ликвидации неграмотности среди них. Значительную работу провели в этом направлении военные отделы Сталинградского, Саратовского, Куйбышевского обкомов ВКП(б) и др. Так, благодаря мерам, своевременно принятым военным отделом

Саратовского обкома ВКП(б), общеобразовательный уровень призывников области из года в год повышался. Уже к концу 1939 г. призывники с высшим и средним образованием было 13,7 проц., неграмотных и малограмотных — 2,3 проц., тогда как в 1938 г. соответственно 2 проц. и 22,1 проц. (ПАСО, ф. 594, оп. 1, д. 353, л. 64).

Военный отдел Московского обкома ВКП(б) разработал специальную тематику политических занятий с призывниками, которые воспринимали любовь к Родине, советский патриотизм, чувство ответственности за безопасность Отчизны. Военные отделы Новосибирской области в 1939 г. провели свыше 30 тыс. лекций, докладов, бесед для призывников.

В условиях угрозы вооруженного нападения на Советский Союз военные отделы обеспечили подготовку сотен тысяч специалистов военного дела без отрыва от производства, внося свой вклад в укрепление оборонспособности страны.

Подполковник **Е. Третьяков**

(г. Энгельс).

ОСНОВНЫМ оружием наших подводных лодок в годы Великой Отечественной войны были торпеды. Однако советские подводники, когда требовала обстановка, использовали и артиллерию. На Северном флоте высокой результативности в применении артиллерийского оружия достигла подводная лодка «К-22» (командир капитан 2 ранга В. Н. Котельников). Так, 8 декабря 1941 г., находясь в надводном положении, под покровом полярной ночи она ставила мины на фарватере противника в районе о. Ингей.

Когда оставалось поставить последние две мины, сигнальщик доложил о появлении по курсу вражеского судна. Лодка немедленно атаковала противника торпедой, но она прошла под днищем мелководящего судна, не причинив ему вреда. Тогда капитан 2 ранга В. Н. Котельников решил уничтожить врага огнем артиллерии. Командоры быстро изготовили орудия к бою и через считанные секунды открыли огонь. От нескольких прямых попаданий вражеское судно загорелось и вскоре пошло ко дну (Отделение ЦВМА, ф. 49, д. 6447, л. 16).

Закончив минную постановку, лодка приступила к поиску транспортов противника. 11 декабря на подходах к Хаммерфесту командир обнаружил в перископ тяжело груженную баржу, которую вел буксир, и решил уничтожить их артиллерийскими снарядами. Лодка всплыла в четырех

милях от норвежского берега и вскоре в фиорде загрохотали выстрелы. «К-22» увеличила боевой счет — баржа и буксир были потоплены. Срочно уйдя на глубину, подводная лодка отворалась от преследовавших и бросавших глубинные бомбы вражеских кораблей и затем благополучно вернулась в Полярный.

Недолго подводники находились в базе: лодка получила очередной боевой приказ — выйти в район Конгс-Фьорда, искать и топить на коммуникациях вражеские корабли. 13 января 1942 г. «К-22» снова ушла в море. 19 января в 14 час. командир обнаружил в перископ стоявший на якоре в бухте Струенбукт транспорт, а мористее его — сторожевой корабль. По отсекам разнесся сигнал боевой тревоги. Лодка заняла позицию для атаки. Из торпед только одна попала в цель, повредив транспорт. Он сильно накренился, однако остался на плаву. Тогда командир решил добить его артиллерией. «К-22» всплыла, артиллеристы быстро заняли свои места у орудий. Команды старшего лейтенанта Г. И. Сапунова, управлявшего артиллерийским огнем, выполнялись четко. Лодка сначала открыла огонь по сторожевому кораблю, который получил прямое попадание со второго выстрела. После нескольких очередных попаданий он загорелся и затонул. Затем подводная лодка сосредоточила огонь по транспорту. Сноровисто действовали артиллеристы старшина 1 статьи И. Н. Гераскин, старшина 2 статьи С. П. Абашев. Точно наводили орудия на цель старшие матросы В. П. Кириченко и М. Г. Осадчий. Без задержки подавали снаряды матросы П. И. Бородин и Н. И. Смирнов. Еще несколько выстрелов — и транспорт стал медленно погружаться в воду.

Позади тонущего судна сигнальщик матрос В. П. Кириченко, по боевому расписанию исполнявший обязанности наводчика, заметил второй вражеский транспорт. Весь огонь был перенесен на этот объект, и вскоре транспорт начал тонуть.

По лодке открыла огонь береговая батарея. Все ближе и ближе к подводному кораблю лопались разрывы вражеских снарядов. Под дизелями полным ходом «К-22» уходила за пределы досягаемости фашистской батареи. Некоторое время подводники видели, как тонул второй вражеский транспорт. Вот над водой остались лишь его мачты, а затем и они скрылись. Как потом выяснилось, на одном из транспортов, кроме других важных грузов, было 30 тыс. меховых полушубков, которые предназначались для лапланд-

ской группировки гитлеровцев (Отделение ЦВМА, ф. 78, д. 34934, лл. 433—437).

Не успела «К-22» выйти из зоны обстрела, как сигнальщик матрос В. П. Кириченко доложил командиру о следах трех торпед, от которых капитан 2 ранга В. Н. Котельников умело уклонился. Ему было ясно, что это выходила в атаку фашистская подводная лодка, которая уже в течение трех суток преследовала «К-22». После очередного залпа гитлеровскому рулевому — горизонтальщику не удалось удержаться на глубине облегченную лодку, и над поверхностью воды показалась ее рубка. По вражеской лодке артиллеристы «К-22» открыли огонь, и фашисты отступили.

1 февраля «К-22» вернулась в Полярный, известив тремя холостыми артиллерийскими выстрелами о двух потопленных в этом походе транспортах и одном сторожевом корабле. За мужество и отвагу, проявленные в январском походе, 41 члену экипажа лодки были вручены правительственные награды.

«К-22» одержала над врагом еще ряд побед. 3 апреля 1942 г. у мыса Слетнес она отправила на дно вражеский транспорт, шедший в охранении двух сторожевых кораблей. В этот же день подводной лодке «К-22» в числе первых кораблей Военно-Морского Флота СССР приказом Наркома ВМФ было присвоено звание гвардейской.

3 февраля 1943 г. гвардейская «К-22» восьмой раз вышла в боевой поход для совместных действий с подводной лодкой «К-3». Из этого похода лодка «К-22» не вернулась (Отделение ЦВМА, ф. 49, д. 6447, л. 58).

Капитан 2 ранга **В. Петров** (г. Москва).

В СЕНТЯБРЕ 1944 года после вступления советских войск в Болгарию летчики лейтенанты Герои Советского Союза Владимир Червяков и Александр Раснов получили от командира эскадрильи 48-го гвардейского разведывательного авиаполка 17-й воздушной армии майора П. Малая приказ вылететь на Як-9р на разведку одного из портов, а на обратном маршруте выяснить направление движения войск противника в горах.

Чтобы ввести в заблуждение вражескую ПВО, летчики решили выйти на порт внезапно со стороны моря. Балканы прошли на большой высоте. Впереди показалось море. Оно пустынно. Пара развернулась и взяла курс на объект разведки. Через несколько минут летчики увидели порт, у причалов которого стояло много кораблей. Сюда же подожгло несколько железнодорож-

ных линий. Четыре «мессершмитта» патрулировали над портом. Они, видимо, заметили «яков» и стали разворачиваться для атаки. Имел преимущество в высоте, можно было оторваться и уйти от противника, но тогда задание останется невыполненным. О повторном заходе нечего и думать. В этом случае внезапность будет утеряна. Решение созрело мгновенно. Разведчики энергично со снижением устремились на «мессершмиттов». Скорость увеличена до максимальной. Дистанция между самолетами стремительно сокращается. Лобовая атака. Заискрились и пересеклись первые огненные трассы. Провоцируя «мессершмиттов», пара крутым разворотом набирает высоту и оказывается уже над портом. Фашисты отстали.

В холодном безоблачном небе других самолетов не видно. Спит солнце. Накренна машину и прикрывшись крылом от его нестерпимо ярких лучей, Владимир Червяков пристально всматривается в объект. 170 кораблей, транспортов и других судов насчитают потом дешифровщики на аэрофотоснимках, теперь же лейтенант успевает только заметить корабли у причалов и на рейде, оживление на пирсах и железнодорожной станции, войска, расположенные возле порта.

«Мессершмитты» сокращают дистанцию. Вокруг, будто созревшие бутоны, лопаются и вспыхивают густые разрывы зенитных снарядов. Летчики выключают фотоаппараты и стараются не маневрировать, это сейчас недопустимо. Вся воля, мысли и чувства слились в одно стремление: во что бы то ни стало полностью сфотографировать объект. Каждая секунда кажется вечностью. Наконец можно дать полный газ, и порт остается далеко позади.

Первая задача выполнена. Теперь надо выполнять другую. Снизившись, они оглабают горные вершины, пристально всматриваются в серпантин шоссе и находят то, что искали: под ними движется колонна войск. Рядом железная дорога; на одном из ее участков в глубоком ущелье перед тоннелем увидели эшелон с двумя паровозами.

— Если ударить по нему, надолго дорогу закроем, — предложил Червяков.

Раснов в знак согласия качнул крылом. Осмотревшись, разведчики бросают свои самолеты в пики, ловят в прицел силуэты паровозов, ведут огонь длинными очередями. Сверхточные линии, вспарывая мрак ущелья, тянутся к эшелону, раскаленными брызгами впиваются в паровозные бочка. Выходя из атаки, Владимир видит, что они окутаны

белым паром. После второго захода вдоль вагонов последовало несколько взрывов. Летчики сфотографировали движущиеся войска и горящий эшелон. Выполняя и эту задачу, они взяли курс на свой аэродром (Архив МО, ф. 33, оп. 793730, д. 53, л. 78).

Полковник А. Краснов.
(Московская область).

В ОДНОМ из залов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде в качестве экспоната представлена 76-мм пушка ЗИС-3. Из таблички, вывешенной на щите, явствует, что орудие прошло по дорогам Великой Отечественной войны более 2200 км. Командовал им старший сержант Н. А. Сазонов. На бое-

воменико-фашистское командование, стремясь облегчить положение своих войск в Прибалтике, решило ликвидировать шяуляйско-елгавский выступ и сосредоточило на этом направлении крупную группировку — до восьми танковых и моторизованных дивизий. Противник нанес сильные контрудары по советским войскам. Четыре танковые дивизии наступали в полосе 2-й гвардейской армии в направлении на Шяуляй. На вооружении этих соединений имелись главным образом новейшие танки «тигр», «пантера», «корольевский тигр», а также штурмовые орудия «фердинанд». С 16 августа под Шяуляем развернулись тяжелые, ожесточенные бои.

Противнику удалось захватить плацдарм на восточном берегу рек Вента и Дубисса. С утра 17 августа фашистские войска возобновили наступление. Используя превосходство в силах, особенно в танках, враг ценою больших потерь добился частичного успеха, продвинулся вперед и создал реальную угрозу Шяуляю.

Для усиления обороны, особенно противотанковой, советское командование перебрасывает под Шяуляй из резерва армии и фронта танковые, стрелковые, артиллерийские части и соединения. В числе их был и 712-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк РВГК (командир подполковник Г. Г. Мельников). Полк с ходу развернулся в боевой порядок в районе Кужи, (иск.) ст. Омолье, Швендрис (западнее Шяуляя). Оборону здесь держала подразделение 44-й мотострелковой бригады.

С утра 18 августа до батальона гитлеровцев атаковало позиции 4-й батареи, расположенной в районе населенного пункта Пурвыня. Батарея, поддерживая мотострелков, открыла огонь. Тогда группа фашистов начала обходить батарею с севера, намереваясь ударить во фланг обороняющимся. Здесь, на правом фланге батареи, находилась противотанковая пушка старшего сержанта Н. А. Сазонова.

Чтобы бить противника наверняка, командир орудия приказал подуть пехоту ближе и расстрелять ее в упор. Хладнокровие, спокойствие командира передало всему расчету. Когда атакующие приблизились к орудю на 150—200 м. Сазонов подал команду на открытие огня. Быстро, сноровисто действовал хорошо слаженный расчет. Беглым огнем осколочной гранатой артиллеристы во взаимодействии с огнем мотострелков нанесли огромный урон противнику. Более 100 вражеских трупов осталось лежать перед войскам.

Н. А. Сазонов

вом счету расчета этого орудия 10 подожженных и уничтоженных танков, 16 пулеметов, свыше 400 убитых солдат и офицеров противника.

Как удалось выяснить, Николай Архипович Сазонов был призван в ряды Советской Армии в апреле 1942 г. Новомосковским райвоенкоматом (Пензенская область) и назначен командиром орудия в 712-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. За героизм, мужество, высокое воинское мастерство, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г.), награжден орденом Красной Звезды (дважды), орденом Славы III степени, медалью «За отвагу». Вот один из многих боев, в которых отличился коммунист Н. А. Сазонов.

В середине августа 1944 г.

Герой Советского Союза Н. А. Сазонов вместе со школьниками в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи у своего орудия. (Фото 1966 г.)

При очередной атаке группе гитлеровцев удалось обойти орудие, непосредственно на огневой позиции завязался упорный бой. В короткой ожесточенной схватке расчет уничтожил 15 вражеских солдат. Пример всем показывал коммунист Н. А. Сазонов.

Откатившись назад, противник вскоре атаковал соседнее орудие и сумел ворваться на позицию артиллеристов. И там завязался жаркий рукопашный бой. Старший сержант Н. А. Сазонов, оставив у орудия наводчика и заряжающего, бросился с остальными номерами на помощь товарищам. В этом скоротечном, ожесточенном бою они уничтожили 10 гитлеровцев (Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 42, л. 73).

На следующий день, 19 августа, после артиллерийского налета противник бросил в бой танки. По дороге, не замечая хорошо замаскированной противотанковой пушки (ночью Н. А. Сазонов по указанию командира взвода сменил позицию), двинулись 5 танков и 10 бронетранспортеров. Пропустив машины вперед, расчет по сигналу старшего сержанта внезапно для гитлеровцев открыл огонь по бортам танков и бронетранспортеров. Первыми же выстрелами были подожжены головной танк и бронетранспортер. Остальные машины повернули обратно. На дороге образовалась пробка. Этим воспользовались артиллеристы и подожгли еще два бронетранспортера.

Противник еще восемь раз в этот день переходил в атаку, но артиллеристы с занимаемого рубежа не отступили. Перед позицией старшего сержанта Н. А. Сазонова враг оставил более 200 трупов своих солдат и офицеров (Там же, л. 74).

После окончания войны Николай Архипович длительное время работал в народном хозяйстве, был делегатом XX съезда КПСС. В настоящее время он на пенсии, ведет большую общественную работу по патриотическому воспитанию молодежи.

Полковник Н. Строганов.
(г. Москва).

МИНУЛО 90 лет со дня рождения генерал-лейтенанта Федора Платоновича Шафаловича (26.9.1884 — 19.10.1952) — советского военного ученого, профессора Высшей во-

Ф. П. Шафалович

енной академии им. К. Е. Ворошилова (ныне — Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К. Е. Ворошилова).

Ф. П. Шафалович родился в семье офицера. Обучался он в 3-м Московском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Академии Генерального штаба. Участвовал в 1-й мировой войне, находясь на штабных должностях; имел несколько боевых наград, в том числе Георгиевское оружие; службу в русской армии закончил в чине подполковника.

Октябрьскую революцию Шафалович встретил на фронте. Как и некоторые другие передовые офицеры, он сразу же перешел на сторону Советской власти. В феврале 1918 г., будучи начальником штаба Особой армии, руководил эвакуацией с Юго-Западного фронта в глубокий тыл запасов вооружения и снаряжения, организовывал отряды Красной Армии, из которых впоследствии была сформирована дивизия В. И. Киньвидзе. 22 апреля 1918 г. Шафалович добровольно вступил в Красную Армию, занимал различные штабные должности. В октябре 1918 г. Федор Платонович был направлен на Восточный фронт помощником начальника штаба 1-й Революционной армии, а с ноября назначен начальником штаба. Участвовал во многих боях и операциях против колчаковских войск.

С сентября 1920 г. Шафалович — начальник штаба Туркестанского фронта, один из организаторов разгрома белогвардейских и басмаческих банд в Фергане, Хиве и Восточной Бухаре.

За боевую деятельность в гражданской войне Федор Платонович награжден шапкой от РВС 1-й Революционной армии (1920 г.), дважды золотыми часами от РВС Туркестанского фронта (1920 и 1921 гг.), револьвером с надписью «Стойкому защитнику Пролетарской Революции от РВС СССР» (к 10-летию Красной Армии).

В конце 1922 г. Шафалович переводится в Москву на должность помощника начальника Высших военно-академических курсов при Военной академии РККА, затем — в центральный аппарат Наркомвоенмора, где работает начальником отдела боевой подготовки, помощником инспектора пехоты РККА и начальником отдела УВУЗа.

С 1929 г. он — на преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Обладая большим боевым опытом и эрудицией, Шафалович немало способствовал расширению военного кругозора слушателей, воспитывал в них самостоятельность, прививал любовь к штабной службе. «Его методика работы с нами была всякой то особенная, — вспоминает

слушатель академии Я. С. Шкурин. — сам он старался оставаться в тени и давал понять слушателю, что это он, слушатель, сам, самостоятельно дошел до правильного решения вопроса...» (Военная академия им. М. В. Фрунзе. М., 1958, стр. 178—179).

В 1931 г. Ф. П. Шафалович в числе лучших профессоров и преподавателей был переведен на вновь созданный при Военной академии им. М. В. Фрунзе оперативный факультет, развернутый в апреле 1936 г. в Академию Генерального штаба РККА. Здесь он работал до конца своих дней, занимал должности старшего преподавателя, заместителя начальника кафедры оперативного искусства, ученого секретаря Совета Академии. Лекции читал по стратегии, оперативному искусству и военной истории. В феврале 1939 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В период Великой Отечественной войны Шафалович дважды командировался на фронт: осенью 1944 г. — в 3-ю гвардейскую танковую армию для изучения опыта Львовско-Сандомирской операции и весной 1945 г. — на 2-й Белорусский фронт в качестве председателя комиссии по описанию действий этого фронта в Восточно-Прусской операции.

Им написаны научные труды (по оперативному искусству, тактике, военной географии, истории первой мировой войны), изданные в Военной академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба РККА, а также ряд статей. Ф. П. Шафалович был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал о Шафаловиче: «Много сил и труда вложил он в дело подготовки красных командиров как в Академии им. М. В. Фрунзе, так и в Академии Генерального штаба... Это был исключительно обаятельный человек. Мы (слушатели. — А. К.) всегда с большим уважением относились к нему и, уйдя из академии, сохранили о нем самые теплые воспоминания» («25 лет Военной орден Суворова 1 степеня Ака-

демии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР». Сборник воспоминаний. М., 1961, стр. 51—52).

Кандидат военных наук полковник запаса
А. Кавтарадзе
(г. Москва)

ВСПОМИНАЯ о русских оружейниках, мы отдаем должное и тем из них, кто, не будучи создателем новых образцов вооружения, тем не менее способствовал их разработке и совершенствованию. Одним из таких тружеников на поприще отечественного производства ручного стрелкового оружия был Николай Иванович Юрлов.

Н. И. Юрлов

Он родился 25 января 1862 г. Окончил курс 2-й Московской военной гимназии, 2-го военного Константиновского и Михайловского артиллерийского училищ и Михайловской артиллерийской академии по первому разряду; служил в 3-й Гренадерской артиллерийской бригаде.

12 апреля 1890 г. Н. И. Юрлов был назначен в Артиллерийский комитет для разработки малокалиберного ружья (ЦГВИА, п/с 265-364, лл. 26—32). С этого времени он активно участвует в поисках новых, более совершенных образцов ручного оружия, сот-

рудничает с капитаном С. И. Мосиным, создавшим знаменитую трехлинейку. По поручению оружейного отдела Артиллерийского комитета Н. И. Юрлов составил первое описание этой винтовки («Описание 3-х лин. пехотной винтовки образца 1891 года» СПб., 1893 г.).

В дальнейшем, вплоть до выхода в отставку, он занимался вопросами совершенствования и производства ручного стрелкового оружия, его содержания и применения. В 1894 г. Н. И. Юрлов был командирован во Францию, Бельгию, Австрию и Германию для ознакомления с оружейными и патронными заводами. Позднее состоял членом комиссии: по пересмотру наставления для обучения стрельбе, по рассмотрению положений о штаб-офицерах, осматривающих оружие, о заведующих оружием и оружейных мастерах в войсках, по разработке новых проектов организации и механического оборудования снаряжательных мастерских. С декабря 1897 г. Н. И. Юрлов занимал должность начальника отделения Главного артиллерийского управления. В этот период он написал «Обзор опытов, предшествовавших первоначальному оружию нашей армии трехлинейными винтовками образца 1891 г.» («Оружейный сборник», 1899, № 2, 4; 1900, № 1, 4; 1901, № 1—4; 1902, № 1—4; 1903, № 1, 2). Этот труд содержит ценнейшие сведения о работе русских оружейников по изысканию наиболее совершенного типа винтовки. При участии Юрлова была переработана и выпущена пятым изданием книга Н. Поточного «Современное ручное оружие. Его свойства, устройство и употребление. Руководство, приспособленное к программам военных училищ» (СПб., 1904).

В 1908 г. Н. И. Юрлов произведен в генерал-майоры; в декабре 1912 г. уволен в отставку по болезни с присвоением чина генерал-лейтенанта.

Умер Н. И. Юрлов в г. Владикавказе (ныне — Оджоникидзе) в феврале 1920 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Полковник в отставке
Е. Табаню
(г. Москва).

Из редакционной ПОЧТЫ

С БОЛЬШИМ интересом прочитал в № 6 за 1974 г. под рубрикой «Против буржуазных фальсификаторов истории», — пишет **Н. И. Ратников** (г. Рига), — статью кандидата исторических наук А. Якушевского «Операции Советской Армии в 1944 году в освещении буржуазной историографии».

В статье разоблачается вся фальшь буржуазных лжеисториков, которые начисто перечеркивают неотъемлемую и важнейшую часть второй мировой войны — борьбу на советско-германском фронте. А ведь весь ход ее непосредственно влиял как на развитие важнейших операций, так и на исход всей войны в целом.

Абсурдность этих попыток очевидна. Тем не менее автор статьи, пишет **К. И. Ратников**, очень подробно останапливается на них уже хотя бы для того, чтобы показать, насколько они грубы и несостоятельны.

Успехи Советской Армии совсем не по душе буржуазным историкам, они не хотят считаться даже с мнениями своих соотечественников, выраженными в их выступлениях и документах.

К сожалению, подчеркивается в письме, таких материалов, как статья А. Якушевского, у нас пока маловато. Хотелось бы пожелать автору больших творческих успехов в его дальнейшей научной деятельности.

Знакомясь с публикуемыми в журнале материалами, освещающими опыт работы по патриотическому воспитанию в городах и селах нашей страны, пишет участник Великой Отечественной войны секретарь парткома совхоза «Урюпинский» **Н. П. Бондаренко** (Целиноградская область, Алексеевский район), я долгое время думал, как лучше увековечить память погибших воинов-односельчан. Большую помощь в этом мне оказали статьи «Воен-

но-исторического журнала», за что хотелось бы выразить искреннюю благодарность редакции. В 1968 г. в селе приступили к строительству памятника на общественных началах. Почти три года ушло на его сооружение. Строительство памятника буквально всколыхнуло колхозников, значительно оживилась военно-патриотическая работа.

В городе Минске, сообщает генерал-майор **Н. Ф. Кизюн**, создается музей истории войск Краснознаменного Белорусского военного округа.

Комиссия по его созданию обращается к ветеранам Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, воевавшим или служившим в составе войск Западного фронта (1918—1924 гг.), Белорусского военного округа (1924—1941 гг.), Западного и 3-го Белорусского фронтов (1941—1945 гг.), с просьбой оказать ей помощь в сборе материалов.

В адрес музея (220030, г. Минск, ул. Красноармейская, 3) комиссия просит выслать воспоминания, личные фотографии, схемы боевых действий, предвоенных учений, освободительного похода в Западную Белоруссию, личные записи, дневники военных лет, книги, с которыми пройдены дороги войны, стихи и песни о воинских частях; фронтовые и предвоенные боевые листки и газеты, а также вырезки из них с корреспонденциями о жизни и боевой деятельности; наградные документы; предметы обмундирования и снаряжения всех периодов; памятные подарки от командования, боевых товарищей, населения; предметы фронтового быта, трофейные фотографии, вещи и документы.

Фотографии и документы, которые нельзя передать на вечное хранение, будут возвращены после снятия фотокопий.

Полученные музеем боевые реликвии и документы помогут полнее восстановить и ярче отразить славную историю войск Краснознаменного Белорусского военного округа.

Дивизии им. Ф. Э. Дзержинского, пишет сержант запаса **А. Н. Тимофеев** (г. Железнодорожный, Московской области), 17 июня 1974 г. исполнилось 50 лет. За полвека своего существования соединение прошло славный боевой путь, награждено орденами Ленина и Красного Знамени.

Мне, продолжает **А. К. Тимофеев**, выпала большая честь служить в этой прославленной дивизии и очень отраднo было узнать, что бывший командир дивизии **А. П. Козлов** написал книгу «Тревожная служба», где много страниц посвящено истории нашего прославленного соединения.

Через журнал, пишет ветеран дивизии, хотелось бы поблагодарить Андрея Петровича за хорошую книгу, пожелать ему доброго здоровья, творческих успехов в дальнейшем труде над новой работой о «дзержинцах». Не плохо было бы организовать встречу автора с читателями в годовщину нашей родной дивизии в Доме военной книги.

Я очень люблю историю, особенно военную, — пишет учащийся 9 класса **В. Б. Кравцов** (Столинский район, Брестской области), — принимал участие во Всесоюзной телеолимпиаде по истории Советской Армии.

Больше всего его интересует прошлое родного края. От имени следопытов школьник обращается ко всем участникам освобождения Столинского района Брестской области (сентябрь 1939 г. и июль 1944 г.) с просьбой прислать сохранившиеся документы, воспоминания, фотографии, относящиеся к этим событиям, по адресу: Брестская область, Столинский район, деревня Большое Малешеве, средняя школа.

Многие читатели, отмечая те или иные материалы журнала, подчеркивают, что статьи, особенно по разделам «Мастерство и героизм» и «Воспоминания», помогают уточнить судьбу близких — отца, мужа, братьев. Так, **А. С. Емельянова** (г. Харьков) пишет, что в статье подполковника Р. Португальского «Организация связи» (№ 9, 1973 г.) говорится о ее муже —

начальнике политотдела 37-й армии Емельянове Н. В., который погиб на фронте. Редакция помогла А. С. Емельяновой связаться с автором статьи, чтобы она смогла узнать новые данные о том, как сражался с захватчиками ее муж.

Отклики на статью полковника Г. Хорошилова и майора А. Баженова «Ельнинская наступательная операция 1941 года» (№ 9, 1974 г.) прислали читатели **Ф. В. Солод, Н. В. Дурум** и др.

Ф. В. Солод (г. Нововоронеж) пишет, что статья написана впечатляюще и довольно полно. Об этой операции говорят не так уж часто. Да это и понятно: в архиве Министерства обороны документов о первом периоде войны, видимо, не так уж много. Возможно, что из-за этого в статью вкралась небольшая неточность, которая не повлияла на ее ценность.

Во время Ельнинской операции, продолжает **Ф. В. Солод**, я был начальником разведки 90-го артиллерийского полка 19-й стрелковой дивизии и хорошо помню, что этой дивизией во время боев за Ельню командовал не генерал-майор **Я. Г. Котельников** (накануне операции он был освобожден от должности), а полковник **А. И. Утвенко**, командовавший до этого 315-м стрелковым полком. Приказ об утверждении **А. И. Утвенко** командиром дивизии был подписан позднее — 2 октября 1941 г.

Авторы, пишет офицер запаса **Н. В. Дурум** (г. Жданов), довольно полно рассказали о Ельнинской наступательной операции 1941 г. Ветераны 24-й армии с большим интересом прочтут статью, с гордостью вспомнят героические дни одной из первых наступательных операций Великой Отечественной войны. Но в одной статье авторы, безусловно, не могли подробно рассказать об огромном ратном подвиге, который совершили воины 19, 100, 107 и 127-й стрелковых дивизий в боях под Ельней.

В то время **Н. В. Дурум** служил в штабе артиллерии 24-й армии и ему часто приходилось бывать в боевых порядках соединений и видеть, как героически сражались воины-сибиряки (24-я армия прибыла из района Новосибирска). В частности, он сообщает, что до последнего патрона, до последнего снаряда дрались 3 сентября артиллеристы 2-го дивизиона

(командир капитан И. Помельников) 46-го гаубичного артиллерийского полка 100-й стрелковой дивизии. В трудный момент командир дивизии генерал-майор И. Н. Руссиянов поднял в атаку бойцов 355-го стрелкового полка и повел их на штурм опорного пункта противника.

В ельнинском сражении участвовал не только 395-й стрелковый полк 127-й стрелковой дивизии, как это сказано в статье на стр. 80, а и подразделения других полков дивизии. Командир дивизии полковник А. З. Акименко создал оперативную группу в составе 395-го стрелкового полка и по одному батальону из 535-го и 875-го стрелковых полков. Возглавлял ее майор А. Х. Бабаджаниян (ныне маршал танковых войск).

Когда наши войска 6 сентября вошли в город, сообщает Н. В. Дурум, он был весь разрушен. В сквере на центральной площади бойцы увидели сотни могил с деревянными крестами и фашистскими касками на них. Отлично поработали тогда наши «катюши».

Из г. Сусуман (Магаданская обл.) читатель **Н. А. Андреев** сообщает, что его интересуют статьи о подвигах советских воинов в годы Великой Отечественной войны. В журнале № 6 за 1972 г. в статье доцента, доктора философских наук подполковника Д. Волкогонова «Сущность, критерий и формы воинского героизма», пишет он, говорится о том, что 24 августа 1941 г. младший политрук А. Панкратов в боях под Новгородом закрыл своей грудью амбразуру. На основании напечатанного в журнале следует ли считать, что это был первый героический подвиг подобного рода? Александр Матросов фактически повторил подвиг А. Панкратова. Так ли это, спрашивает он.

Да, по уточненным сведениям первым такой героический подвиг совершил младший политрук А. Панкратов. Об этом факте писалось раньше в официальных изданиях. Так, в пятом томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (Политиздат, 1970) на стр. 200 сказано: «Первым в войне великий подвиг самопожертвования во имя социали-

стической Родины был совершен ротным политработником. В боях под Новгородом политрук А. К. Панкратов, бывший рабочий из Вологды, в критический момент, увлекаемая собой бойцов, с возгласом «Вперед!» бросился на вражеский пулемет и грудью закрыл его огонь...» В книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история» (Воениздат, 1970) об этом случае сказано так: «Более 200 раз в Великой Отечественной войне был повторен бесстрашный подвиг пехотинцев А. К. Панкратова, В. В. Васильковского и А. М. Магросова...» (стр. 580).

В статье Ю. Докучаевой «Партийно-политическая работа среди моряков Волжской военной флотилии» (№ 2 за 1973 г.) писалось, в частности, о мужестве моториста катера-тральщика П. А. Фомичева. Недавно редакция получила от **П. А. Фомичева** сердечное письмо. Ветеран войны (ему сейчас 64 года) выражает признание редакции за то, что среди многих участников битвы за Сталинград она сочла возможным отметить и небольшой флотский коллектив катера-тральщика, где он в то время служил старшим краснофлотцем-мотористом.

Я остался верен своей военной профессии моториста, пишет он, и сейчас тружусь на Новосибирском домостроительном комбинате № 1 машинистом компрессорной установки. Более 30 лет прошло после исторической битвы под Сталинградом, но память хорошо сохранила все события тех незабываемых дней, как будто все это было только вчера. Желаю редакции успехов в ее благородном труде.

Ветеран войны, как стало известно редакции, в первых рядах строителей коммунизма. Товарищи по работе избрали П. А. Фомичева членом завкома. Уже несколько лет подряд он является народным заседателем Новосибирского областного суда. Родина высоко оценила и трудовые заслуги Петра Андреевича. К военным наградам прибавился орден «Знак Почета» и медаль «За трудовую доблесть». В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Генерал армии М. С. Малинин

(К 75-летию со дня рождения)

В середине июля 1941 г., сосредоточив большое количество танков и пехоты, враг нанес мощный удар, прорвал нашу оборону севернее и южнее Смоленска и вплотную подошел к Ярцево и Ельне. Нужно было любой ценой задержать продвижение гитлеровцев, остановить их. Учитывая значение днепровского рубежа, Ставка и командование Западного фронта приняли решение срочно создать в районе Ярцево сильную подвижную группу. Командовать ею поручили генерал-майору К. К. Рокоссовскому.

Ночью 17 июля с несколькими офицерами Рокоссовский выехал в Ярцево. Здесь он начал сколачивать группу, которая впоследствии получила официальное название «группа генерала Рокоссовского». В течение нескольких дней он подчинил себе отходящие на восток соединения, части, подразделения. Был сформирован импровизированный штаб во главе с подполковником С. П. Тарасовым. В конце июля в распоряжение К. К. Рокоссовского прибыл командир 7-го механизированного корпуса В. И. Виноградов вместе со своим штабом¹. Состоялось короткое знакомство с вновь приехавшими товарищами.

— Начальник штаба полковник Малинин, — представился среднего роста офицер.

Рокоссовский окинул полковника взглядом с головы до ног, словно прикидывая, на что тот способен. Аккуратный, подтянутый, он производил хорошее впечатление. «Видать, толковый офицер», — подумал Константин Константинович. И не ошибся. С первых же шагов командующий группой почувствовал, как под руководством нового начальника штаб заработал

по-иному: четко, слаженно. В короткий срок М. С. Малинин сумел разобраться в сложной и запутанной обстановке, наладить стабильное управление войсками, объединить их усилия для отпора врагу. Опираясь на штаб, генерал Рокоссовский собрал в район Ярцево все имеющиеся у него силы и нанес по противнику неожиданный удар.

Войска группы овладели городом, форсировали Воль и захватили на ее западном берегу очень выгодные позиции, на которых и закрепились. Фашисты на этом участке фронта были вынуждены надолго прекратить наступление.

Так была достигнута важная победа. Штаб и его начальник выдержали серьезный экзамен на боевую зрелость.

К суровым военным испытаниям Михаила Сергеевича подготовила вся предшествующая жизнь: семья, многолетняя служба в армии, партия, хорошие командиры-воспитатели.

Родился М. С. Малинин 28 декабря 1899 г. в бедной крестьянской семье, в деревне Полутино, Костромской области. Кроме него в семье было еще шестеро детей. Поэтому трудиться он начал рано, чтобы хоть как-то помочь родителям. В 13 лет Миша пошел работать плотником по найму вместе с отцом. Он хорошо знал цену труду, любовь к которому пронес через всю жизнь.

В мае 1919 г. Михаил Малинин был призван в армию и зачислен в 6-й запасной пехотный полк, находившийся в Кинешме. Вскоре, как одного из лучших и способных красноармейцев, его направляют на учебу во 2-ю Московскую пехотную школу. В 1922 г. он заканчивает ее и получает назначение на должность командира взвода в 42-й стрелковый полк 14-й

М., 1968, стр. 35.

¹ К. К. Рокоссовский. Солдатский долг.

Старший лейтенант М. С. Малинин

стрелковой дивизии Московского военного округа.

Так М. С. Малинин стал кадровым офицером, навсегда связав свою судьбу с армией. Рабочий, солдат, офицер — типичный для советского военачальника путь. В предвоенный период Михаил Сергеевич занимает ряд командных и штабных должностей. Осенью 1931 г. М. С. Малинина приняли в ряды Коммунистической партии. Это было большим событием в его жизни. Как и подобает коммунисту, он отдает службе все силы и знания. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе в 1931 г. Михаил Сергеевич последовательно работает начальником штаба полка, механизированной бригады, командует особой мехбригадой, преподает на ленинградских бронетанковых курсах, возглавляет оперативный отдел штаба 9-й армии. Уже в этот период старшие начальники отмечают его высокие деловые качества. «Обладает силой воли, решительный, энергичный. Активно участвует в политработе. Пользуется авторитетом», «Способный работник, хорошо наладил работу штаба... умело руководит проведением учений»², — так оценивается его труд в аттестациях.

Великую Отечественную войну Михаил Сергеевич встретил начальником штаба

7-го механизированного корпуса. 25 июня 1941 г. соединение сосредоточилось в районе Витебска и получило задачу прикрывать отходящие войска. Начались тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника, в которых закалялись воля и характер М. С. Малинина, совершенствовалось его мастерство, накапливался опыт. В одном из боев он был ранен осколками бомбы, но в госпиталь ехать отказался, остался в боевом строю³.

В группу генерала Рокоссовского Михаил Сергеевич прибыл вполне сложившимся военачальником. Хорошее знание дела, широкий кругозор сочетались в нем с энергией, решительностью. Он быстро сработался с командующим. И с тех пор долгое время они шли рука об руку по фронтовым путям-дорогам, разделяя радость побед, горечь неудач.

В конце июля 1941 г. полковник Малинин назначается начальником штаба 16-й армии, в командование которой вступил К. К. Рокоссовский. В боях под Москвой 16-я армия покрыла себя неуязвимой славой. Она оборонялась на одном из важнейших направлений — волоколамском. Фашисты рвались к столице. Воины шестнадцатой грудью преградили им путь на своем участке. В боях на полях Подмосковья развивались способности Михаила Сергеевича как штабного работника крупного масштаба. Ему оказались по плечу очень сложные задачи. «Офицеры штаба 16-й армии проявили себя в сложных и динамических обстоятельствах конца июля и начала августа с лучшей стороны, — пишет К. К. Рокоссовский. — Я имею в виду прежде всего начальника штаба М. С. Малинина... Начальник штаба — педантичный, спокойный, уверенный в себе и в своих подчиненных. Можно было не сомневаться, что он сумеет обеспечить выполнение приказа. Была у М. С. Малинина еще одна черта, может быть, необычная для руководителя крупного штаба — потребность своими глазами прощупать местность предстоящих боев. Должно быть, это было у него способом самоконтроля. Он довольно часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это тоже повышало авторитет нашего штаба»⁴.

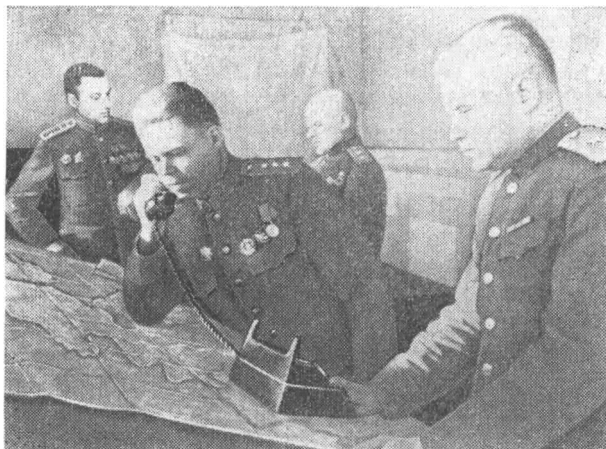
² Личное дело М. С. Малинина.

⁴ К. К. Рокоссовский. Указ соч., стр. 45—46.

² Личное дело М. С. Малинина.

Незаурядное мастерство генерал Малинин⁵ показал на посту начальника штаба Донского фронта в боях под Сталинградом. Ставка поручила войскам фронта ликвидировать окруженную группировку врага. Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо было объединить армии Донского фронта с некоторыми армиями из состава Сталинградского фронта в единую, хорошо управляемую силу, способную быстро расчленив находившиеся в кольце фашистские войска и по частям уничтожить их. Решить эту задачу должен был штаб во главе с М. С. Малининым. Обладая большим практическим опытом, он с присущей ему энергией взялся за дело. Работал не зная усталости, заражал своей энергией подчиненных. Михаил Сергеевич, как никто другой, умел воодушевить людей, вдохнуть в них новые силы, заставить поверить в свои способности. Штаб успешно справился с возложенной на него задачей, обеспечив командованию условия для разгрома окруженной группировки противника.

Большую работу проделал М. С. Малинин, руководя штабом Центрального фронта. Близилась великая Курская битва. Штаб фронта приложил максимум энергии, чтобы организовать непреодолимую оборону. А когда развернулось гигантское сражение, он быстро производил перегруппировку войск с одного направления на другое. Не добившись успеха в районе Ольховатки, немецко-фашистское командование 7 июля 1943 г. перенесло усилия в район Поньирей. Ночью по приказу командующего штаб перебросил туда 5-ю артиллерийскую дивизию прорыва, 13-ю истребительно-противотанковую, 11-ю минометную, 1-ю гвардейскую инженерную бригады и 22-ю гвардейскую минометную бригаду РС⁶. Враг был оста-

В штабе 1-го Белорусского фронта (слева направо): командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин, член Военного совета генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, начальник оперативного управления генерал-майор И. И. Бойнов

новлен и на этом участке. Не достигнув намеченной цели, 11 июля он вынужден был перейти к обороне.

Отразив все удары фашистов, советские войска перешли в наступление. Центральный фронт развернул боевые действия на киевском направлении и в скором времени достиг Днепра.

Наиболее ярко раскрылись способности генерала Малинина в Белорусской операции. Тогда он являлся начальником штаба 1-го Белорусского фронта. Фронт растянулся почти на 700 км. Его фланговые группировки разъединялись полесскими топями. Это создавало немалые трудности в управлении войсками. В начале мая 1944 г. командующий и штаб во главе с М. С. Малининым приступили к разработке плана операции, целью которой являлось освобождение южной части Белоруссии и восточных районов Польши.

Поскольку боевые действия предстояло вести на двух направлениях и к тому же в разное время, потребовалось в соответствии с этим организовать управление войсками. При подготовке операции штаб фронта тщательно изучал группировку противника и характер его обороны, используя для этого самые разнообразные виды разведки.

Под руководством М. С. Малинина был проведен целый ряд мероприятий, направленных на дезориентацию противника — создавалось впечатление, будто

⁵ Звание генерал-майора М. С. Малинину было присвоено постановлением СНК от 7 октября 1941 г., генерал-лейтенанта — 20 декабря 1942 г.

⁶ «Военно-исторический журнал», 1966, № 12, стр. 38.

Генерал армии М. С. Малинин

задачей войск фронта является упорная оборона на длительное время.

Эти мероприятия ввели в заблуждение немецко-фашистское командование об истинных намерениях 1-го Белорусского фронта и позволили достигнуть внезапно наступления. Противник так и не смог выявить масштабы готовящейся операции, определить направление основных ударов. Об этом свидетельствуют показания взятых в плен фашистских офицеров и генералов.

Белорусская операция закончилась блестящей победой советских войск, и в частности войск 1-го Белорусского фронта. В их успехе — огромная заслуга штаба и его начальника генерала М. С. Малинина.

Еще во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал М. С. Малинин. Под его руководством штаб фронта разрабатывал планы разгрома гитлеровских войск в Висло-Одерской и Берлинской операциях, настойчиво претворял их в жизнь. В Берлинской операции на 1-й Белорусский фронт возлагалась особо ответственная задача. Его войска наступали на центральном направлении через Зееловские высоты, на которых враг создал мощные оборонительные рубежи. Преодолеть их было не так-то просто. К тому же фашисты дрались с

отчаянием обреченных. Но и здесь гитлеровцы потерпели сокрушительное поражение. Штаб под руководством М. С. Малинина работал как хорошо отлаженный механизм. Благодаря этому командование фронта всегда имело нужные сведения о противнике, его замыслах, что позволяло принимать верные решения и добиваться их осуществления. Не случайно в аттестации М. С. Малинина командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков 17 мая 1945 г. написал: «Всесторонне развитый, с большим политическим и оперативным кругозором генерал, умеющий быстро и четко организовать и осуществить выполнение возникающих задач по руководству войсками большого масштаба»⁷.

Одно из ценных качеств, которым должен обладать начальник штаба, — это умение подобрать и воспитать кадры, причем так, чтобы люди не были простыми исполнителями, а творческими, думающими личностями, способными принимать самостоятельно решения и воплощать их в жизнь. Михаил Сергеевич воспитал именно такие кадры. Около него росли способные штабные работники. Это начальник оперативного управления генерал И. И. Бойков, начальник управления связи генерал П. Я. Максименко, начальник разведки генерал П. Н. Чекмазов и многие другие. Они были его опорой, его надежными помощниками и советчиками во всех делах. Михаил Сергеевич умел оценить инициативу подчиненных, развить ее, вовремя поддержать хорошее начинание. Показывая пример трудолюбия и исполнительности, он этого требовал и от других. Генерал Малинин бывал временами и резок, но, как говорится, быстро «отходил» и смело признавал свои ошибки, чем и снискал уважение окружающих. За его внешней суровостью скрывалось горячее сердце коммуниста, заботливого, чуткого военачальника, хорошего товарища.

После Великой Отечественной войны генерал-полковник, а затем генерал армии⁸ М. С. Малинин занимает должности начальника штаба Группы советских оккупационных войск в Германии, началь-

⁷ Личное дело М. С. Малинина.

⁸ Звание генерал-полковника М. С. Малинину было присвоено постановлением СНК от 18 сентября 1943 г., а генерала армии — постановлением Совета Министров от 3 августа 1953 г.

ника Главного штаба Сухопутных войск, первого заместителя начальника Генерального штаба. На последнем посту он был до конца своих дней.

Михаил Сергеевич принимал активное участие в партийной и общественно-политической жизни, в своей работе широко опирался на партийные организации. На XIX съезде партии избирался членом ЦК КПСС, а на XX съезде — членом Центральной ревизионной комиссии. Был депутатом Верховного Совета СССР третьего и четвертого созывов.

Родина, Коммунистическая партия и Правительство высоко оценили заслуги Михаила Сергеевича, присвоив ему звание

Героя Советского Союза. За годы службы в Вооруженных Силах он был награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, одним орденом Суворова II степени, двумя орденами Кутузова, орденом Красной Звезды и многими медалями. Кроме того, он имел несколько иностранных наград.

Жизнь генерала армии М. С. Малинина, настоящего коммуниста, видного военачальника, — замечательный пример служения Родине. Он был верным сыном великой Коммунистической партии.

*Полковник
И. Носков*

Высказывания о роли морального духа и высокой сознательности трудящихся масс и воинов

Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести...

Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу.

*В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121)*

...Государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

*В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21)*

Мы все знаем, как тяжела эта война, как она нас истощает. Но мы знаем также, что если война эта ведется с повышенной энергией, с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет, и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции.

*В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 38, стр. 211—212)*

...Мы к сознательному отношению к войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше. Чтобы так поголовно сочувствовали войне, понимали ее партийные и беспартийные рабочие и беспартийные крестьяне... этого ни при одном политическом режиме не было и в десятой доле, как при Советской власти. В этом были основы того, почему мы в конце концов сильного врага победили.

В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 40, стр. 140)

Мы победили помещиков и капиталистов потому, что красноармейцы, рабочие и крестьяне знали, что они борются за свое кровное дело.

В. И. Ленин
(Полн. собр. соч., т. 40, стр. 232)

...Высокое политико-моральное состояние армии,— одно из решающих условий победы над врагом.

М. И. Калинин
(О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1967, стр. 418)

...Из всех резервов самый неисчерпаемый — это резерв поднятия боевого духа. Техника может износиться, зенитка или артиллерийское орудие может выйти из строя, а резерв боевого духа красноармейского и краснофлотского не износится никогда, ибо тут источник неисчерпаемый.

А. А. Жданов
(«Пропагандист и агитатор», 1957, № 24, стр. 13—14)

...Крепкая духом часть, дивизия, корабль и т. д., конечно, стоят трех минимум, а может быть, и больше. Опыт войны учит, что если дивизия, часть не сколочена, не спаяна духом, дисциплиной крепко, если там винтовку люди в руках не держат, если народ теряет оружие, то, конечно, такого рода дивизию в 15—20 тысяч человек может заменить маленькая бригада, но боеспособная, крепко сколоченная, пронизанная духом боевого товарищества, ненависти к врагу и сознанием своей цели.

А. А. Жданов
(«Пропагандист и агитатор», 1957, № 24, стр. 12)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

103160, Москва, К-160,
ул. Кропоткинская, 19.

Тел. 293-00-89,
293-53-16, 293-52-07,
293-38-61, 293-54-98,
293-54-21, 293-02-09.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Мацуленко (главный редактор),
П. И. Балашов, **И. А. Вязанкин** (зам. главного редактора), **И. И. Джорджадзе**, **П. А. Жилин**, **С. Е. Захаров**, **В. Е. Зубаков**, **М. И. Казаков**, **Л. П. Козлов** (зам. главного редактора), **К. В. Крайнюков**, **И. Е. Крупченко**, **А. М. Кузовников**, **Н. Е. Медведев** (отв. секретарь), **В. Н. Мягков**, **И. Д. Носков**, **А. С. Орлов**,
Б. В. Панов, **В. А. Судец**.

Технический редактор **В. В. Новикова**.

Г-53674.

Сдано в набор 11.11.74 г.

Подписано к печати 24.12.74 г.

Бумага 70×108^{1/16} — 8 п. л. = 10,96 усл. печ. л. 11,2 авт. л.

Заказ 6848

Цена 40 коп.

Типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

НОВЫЕ КНИЖИ

Боевой путь советского Военно-Морского Флота. Коллектив авторов. М., Воениздат, 1974, 592 стр., цена 1 руб. 82 коп.

В данной книге описываются боевые дела военных моряков в грозные дни Великой Октябрьской социалистической революции, их ратные подвиги на фронтах гражданской войны, большой трудовой вклад в годы мирного строительства. Авторы широко освещают активное участие Ленинского комсомола в строительстве нашего флота, показывают массовый героизм советских моряков в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание в книге уделяется современному Военно-Морскому Флоту, который развивается и крепнет под непосредственным руководством Коммунистической партии Советского Союза.

ШАПОШНИКОВ Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., Воениздат, 1974, 574 стр., цена 1 руб. 34 коп.

Книга включает мемуарные записки выдающегося советского военачальника и фрагменты из его трехтомного труда «Мозг армии». Открывается она предисловием Маршалов Советского Союза А. М. Василевского и М. В. Захарова. Воспоминания автора охватывают его детские и юношеские годы, военную службу с 1901 года до завершения маневренных операций первой мировой войны.

Отрывки из фундаментального труда «Мозг армии» дают представление о месте и роли Генерального штаба как органа Верховного Главнокомандования. Немало страниц автор посвятил актуальным вопросам военной истории, теории и практики военного дела.

ВОДОЛАГИН М. А. Бастионы славы. М., Политиздат, 1974, 160 стр., цена 47 коп. в целлоф. обл. и 35 коп. в лакир. обл.

Широко известны в нашей стране города-герои, прославившиеся в годы Великой Отечественной войны. Но немногие, вероятно, знают, что в годы гражданской войны за героическую борьбу с белогвардейцами рабочий класс многих городов был награжден Почетными революционными Красными знаменами и орденами Красного Знамени.

Бессмертному подвигу пролетариата краснознаменных городов — Петрограда, Царицына, Оренбурга, Грозного, Ташкента, Луганска, Копейска и Ростова-на-Дону — отстаивавшего в боевом содружестве с частями Красной Армии свое социалистическое Отечество, посвящена эта книга.

Письма славы и бессмертия. 1905—1920 гг. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1974, 224 стр., цена 39 коп.

В книге собраны письма пролетарских революционеров, павших в борьбе с классовыми врагами в 1905—1920 гг.

Публикуемые документы сопровождаются краткими очерками, в которых приводятся сведения о жизненном пути революционеров или отдельные факты из их биографий.

ЕГОРОВ А. В. С верой в победу. М., Воениздат, 1974, 222 стр., цена 61 коп.

В своих воспоминаниях, посвященных в основном событиям 1941 года, автор рассказывает о стойкости и мужестве танкистов в приграничном сражении, в боях на подступах к Киеву, на Северо-Западном и Калининском фронтах, в оборонительных и наступательных боях под Москвой.

В книге показано, как уже в те трудные дни закладывался фундамент нашей победы.

ПИМОШИН И. У стен Ленинграда. Записки снайпера. Л., Лениздат, 1974, 288 стр., цена 65 коп.

Автор книги — И. И. Пимосин — известный снайпер Ленинградского фронта. На реке Нарве в июле 1941 года начал он свой боевой путь и здесь же в феврале 1944 года был тяжело ранен.

В книге он вспоминает своих замечательных товарищей — снайперов, пулеметчиков, бронбойщиков, раскрывает эпизоды напряженной борьбы на передовых позициях юго-западнее Ленинграда.

КОСТЕНКО Ф. А. Корпус крылатой гвардии. М., Воениздат, 1974, 269 стр., цена 57 коп.

В популярном военно-историческом очерке автор рассказывает о боевом пути 1-го гвардейского истребительного авиационного Минского Краснознаменного корпуса в годы Великой Отечественной войны. С искренней теплотой он повествует о ратных подвигах авиаторов, об их верности воинскому долгу, советскому народу, Коммунистической партии, ярко и доходчиво передает атмосферу фронтовой дружбы, которая царила в частях корпуса в продолжение всей войны.